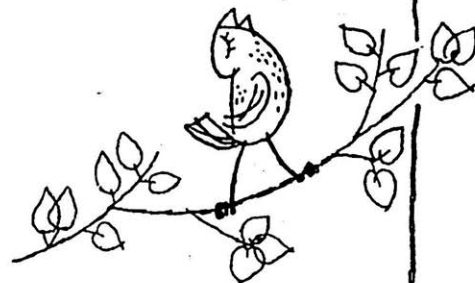

САБИТ РАХМАН
СОЛОВЕЙ

Сабит
Рахман

СОЛОВЕЙ

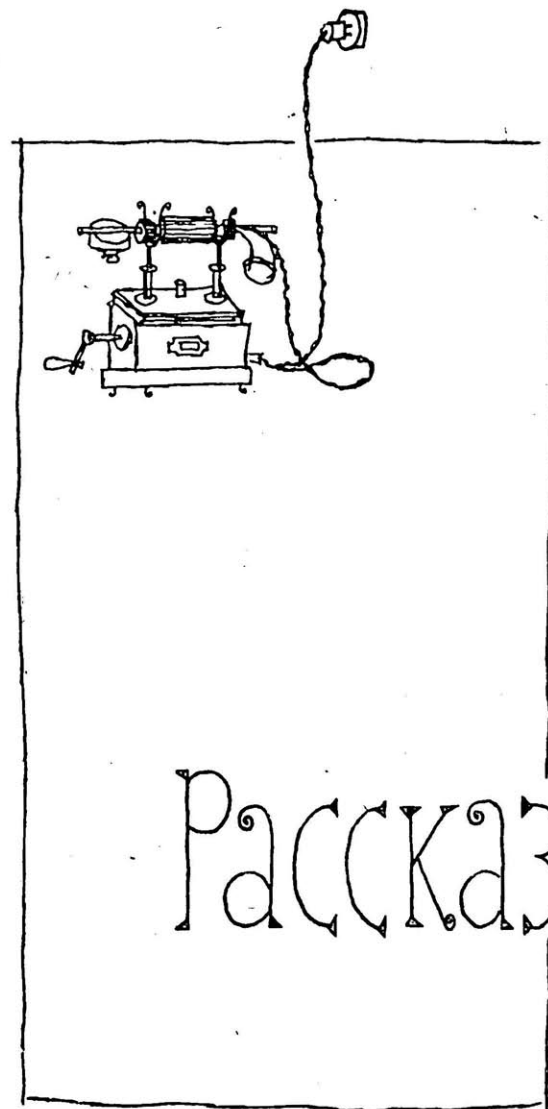
(РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

Перевод с азербайджанского
И. ПЕЧЕНЕВА

М. Ф. Ахундов adına
Азәрбајҹан Республһка
КНДР ВХМДАСЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1961

2.101015

Оформление художников
Ю ВЛАДИМИРОВА, И. ТЕРЛЕЦКОГО

СОЛОВЕЙ

ремя, о котором пойдет речь, хорошо помнят старики и совсем не знают молодые.

В те дни Баку был неузнаваем. Улицы, площади походили на поля сражений. Людей убивали, резали. Сильные истязали слабых. Кровь лилась рекой. Казалось, происходит светопреставление.

В краю хозяйничали мусаватисты.

Сейчас Джалил Наим эфенди стал и ростом меньше, и лицом как-то поблек, и красноречие у него уже не то, что в былые времена.

А ведь это был велеречивый соловей Азербайджана. В страшное время армяно-мусульманской вражды Джалил Наим эфенди открыто выступал в Тазапирской мечети с исторической бранью по адресу «врагов веры и нации». Накануне английской интервенции он часами ораторствовал на кубинском базаре, повергая в изумление простодушных слушателей гневом и ненавистью к иноземцам.

Но вот пришли англичане, и Джалил Наим эфенди запел совсем другую песенку. Он стал их другом. В ночь, когда были расстреляны бакинские комиссары, он до утра резался в карты, выиграл и, пьяный, облобызал караульного у дома генерала Томсона.

В Азербайджан вторглись турки. Джалил Наим эфенди принялся кричать на каждом углу:

— Эй, люди! Не пускайте османцев! Сунниты пришли убивать шиитов!¹

Когда же турки вступили в Баку, Джалил Наим эфенди сменил папаху на феску и заговорил по-турецки. На этот раз тоже не обошлось без речей. Тая под взглядами турецких чавушей², Джалил Наим эфенди плакал и распинался на трибуне:

— Ах, турки! Ах, братья по вере!..

Приходилось насильно стаскивать его на землю.

Как только турки убрались из Азербайджана, Джалил Наим эфенди снова принялся проклинать их.

Именно в этот период он сильно преуспел на политической арене, взлетел вверх по социальной лестнице. Горизонт очистился, дул легкий ветерок... Плыви куда хочешь! И Джалил Наим эфенди начал ворочать делами в масштабе всего Азербайджана. Его речи стали достоянием не только Баку, но и многих районов республики.

*

Вот перед красивым двухэтажным домом остановился фаэтон, запряженный парой гнедых. Кучер на козлах попыхивает трубкой и о чем-то думает, устремив

¹ Сунниты и шииты — последователи двух враждующих направлений в исламе.

² Чавуш — унтер-офицер.

глаза в одну точку. Задумались и лошади, понутив головы, оттопырив бархатные губы.

Джалилу Наиму эфенди предстоит совершить турне по деревням Азербайджана, выступить с речами, сделать доклады о мусаватистской партии, о неизбежности нынешнего правительства. Он будет искать верных талантливых людей и записывать их в ряды своей партии.

Вот распахнулась массивная дверь, на пороге дома появился маленький человечек с огромным мясистым носом. Это был он — Джалил Наим эфенди.

Лошади испуганно вскинули головы, запрядали ушами. Кучер торопливо расправил вожжи. Маленький человечек расцеловался с чадами и домочадцами и вскочил в фаэтон.

Старая мусульманка, до глаз закутанная в черное покрывало, незаметно подкралась к фаэтону и привязала к рессоре голубую бусинку — от сглаза. Чья-то рука из-за двери выплеснула на порог кружку воды: чтобы скорее возвращался.

Фаэтон помчался к городскому вокзалу, исчез в облаке пыли.

Осень.

За окном вагона в сероватой дымке мелькают поля, холмы, горы. Солнце сожгло их и окрасило в лимонный цвет. На заброшенных полях, давно уже тоскующих по плугу, не видно ни людей, ни птиц.

Джалил Наим эфенди стоит у окна, о чем-то думает. Легкая улыбка трогает порой его губы.

Больше всего в жизни его волнуют две вещи: еда и женщины...

«Еда и женщины! Разве не они причина всех этих потрясений, битв, войн? Разве не это основа всей нации, даже религии?..»

По мнению Джалила Наима эфенди, главное в мире — это еда. Он считает, что все международные разногласия происходят только из-за еды. «Еда, — говорит он, — основа нашей философии. А плоть, прикрывающая эту основу, — женщина. Без женщин нет нации! Без женщин нет страны!»

Придерживаясь подобной точки зрения, Джалил Наим эфенди сменил уже пять жен, и всякий раз причиной развода была именно еда. Ему казалось, что некоторые

его жены хорошо готовили, но не могли изящно, со вкусом есть, другие ели изящно, но от их стряпни тошнило даже псов. Пока что Джалилу Наиму эфенди не удалось встретить женщину, воплощающую в себе одновременно оба эти таланта. Поэтому всю свою страсть он перенес исключительно на еду.

Постукивают колеса. Джалил Наим эфенди, не отрываясь, смотрит в окно. Золотисто-желтый горизонт напоминает ему рассыпчатый плов. Бурые холмы так похожи на голубцы!.. Безжалостное солнце сожгло сады. На ветках нет не только плодов, но даже листьев... и все-таки Джалилу Наиму эфенди мерещатся нежные сочные персики. Его рот увлажняется слюной, блестят глаза... Он почти ест их...

За окном мелькают деревенские хаты. У насыпи цепочкой выстроились крестьянские ребятишки, грызут груши. А вон на завалинке женщина кормит ребенка грудью. Перегоняя поезд, несется ласточка. В клюве у нее кузнечик. Пес, потревоженный паровозным гудком, раза два сердито тявкает и снова принимается за свою кость.

У Джалила Наима эфенди начинает сосать под ложечкой. На столике лежит вареная курица. Он яростно отрывает розовую ножку, целиком запикивает ее в рот и вынимает оттуда уже одну кость.

Трапеза продолжается до самой станции.

На станцию Евлах поезд прибыл в полдень. В воздухе, затмевая солнце, носились тучи пыли. В станционном помещении пахло немой кастрюлей из-под бозбаша. На скамейках спали люди с изможденными лицами того же цвета, что и их пыльная одежда. По ним ползали несметные полчища мух. Когда кто-нибудь проходил мимо, мухи взвивались вверх и, покружив в воздухе, как воронье над добычей, опять опускались на свои жертвы.

Джалил Наим эфенди разыскал начальника станции. Это был тощий длинноусый мужчина с красным носом (верный признак хронического запоя). Лицо в мелких морщинках, волосы седые, всклокоченные. На шее черный платок, к концу которого привязана цепочка от часов.

Завидев приезжего, начальник станции вскочил на ноги, шелкнув каблуками, вытянулся в струнку.

— Спокойно у вас? — спросил Джалил Наим эфенди.

— Так точно, ваше превосходительство, все спокойно, овцы вместе с барашками пасутся! — отрапортовал начальник станции, однако тут же спохватился, поняв, что оговорился, шелкнул каблуками вторично и еще громче прежнего воскликнул: — Виноват, ваше превосходительство! Хотел сказать: волки вместе с барашками пасутся...

— Армяне по дороге встречаются?

— Дороги устланы их трупами, ваше превосходительство!

Такой ответ, казалось, поднял настроение Джалила Наима эфенди. Горделиво выпятив грудь, он вошел в кабинет начальника станции и опустился на мягкий диван.

Чувствовалось, что приезд высокопоставленного гостя застал начальника станции врасплох. Он поминутно выскакивал за дверь, с кем-то шептался, что-то кому-то приказывал. Наконец он несмело приблизился к дивану и, перегнувшись пополам, угодливо спросил:

— Не желаете ли отдохнуть, ваше превосходительство, перекусить?

Джалил Наим эфенди молча поднялся.

Начальник станции смекнул, что молчание — знак согласия, и изобразил на лице великую радость. Снова шелкнули каблуки. Спина опять согнулась в поклоне. Он подобострастно распахнул дверь и пропустил гостя вперед.

Площадь перед домом начальника станции была забита народом. Крестьяне, прослышав о приезде из Баку «правительства», пришли сюда со своими жалобами и покорно ждали. Одни, понурив головы, сидели на хурджунах¹, другие стояли небольшими группками, но тоже молча, усталые, изможденные, боясь пропустить момент, когда «высокий гость» появится на площади.

Джалил Наим эфенди вышел из дома начальника станции только через три часа. Папаха съехала ему на

¹ Хурджуны — переметная сума, обычно из ковровой ткани.

самые глаза, пиджак был накинут на плечи, ворот рубашки расстегнут, шнурки от ботинок волочились по земле... Гость был вдребезги пьян. Пошатываясь, он сделал несколько шагов по площади и вдруг чуть не упал, опоткнувшись обо что-то. Джалил Наим эфенди скосил глаза вниз: на земле лежал человек... С трудом удержавшись на ногах, Джалил Наим эфенди нецензурно выругался и обернулся к начальнику станции:

— В чем дело, Мурад-ага?¹ Эти скоты опять напились... Ведь я говорил, чтобы соблюдалась мера!.. Пороть надо всех! — Он наклонился, приглядываясь к лежащему на земле крестьянину: — Нет, вы только посмотрите на него!.. Полюбуйтесь! Мне кажется, он один выпил за троих... Ну и молодец!.. Вот молодчик!.. Bravo!..

Джалил Наим эфенди потерял вдруг равновесие и едва не тюкнулся носом в землю. Мурад-ага вовремя поймал «государственного деятеля» за плечи и помог ему принять устойчивое положение.

Что касается самого Джалила Наима эфенди, он, казалось, даже не обратил внимания на хлопоты вокруг своей персоны.

— Ну, что тарачишь глаза? — обернулся он к начальнику станции. — Отвечай же, почему этот мужик напился?

Мурад-ага не успел ответить. Из толпы вышел смуглолицый крестьянин и тихо сказал:

— Ага, он не пьян... Он умирает... с голоду.

Глаза у Джалила Наима эфенди округлились. Он повернул голову к Мурад-аге, который сам еле держался на ногах, и прохрипел:

— Мурад-ага, невинный человек умирает... Прошу тебя, он не должен умереть!..

Мурад-ага приятно покраснел, щелкнул каблуками и, поклонившись, отчеканил:

— Слушаюсь, ваше превосходительство! Я прикажу, чтобы он не умер!..

Джалил Наим эфенди сделал три шага назад, разбежался и перескочил через лежащего на земле. Теперь он стоял вплотную к толпе.

¹ Ага — господин, вежливое обращение.

— Клянусь вам, крестьяне, вы все пьяны! — выкрикнул он. — Вы все перепились водкой! И хорошо сделали... Водка — царь напитков... Пейте за здоровье нашего правительства!.. Да здравствуют мусаватисты!.. Ура!..

Площадь молчала. Выпученные глазки Джалила Наима эфенди шарили по серым изможденным лицам крестьян, которые, казалось, окаменели.

«Как?! Не поддержать его, Джалила Наима эфенди?!» Кровь бросилась ему в голову.

— Эй, крестьяне, вы все...

Последовала брань.

На площади воцарилось гробовое молчание. Потом вдруг крестьянин, лежащий на земле, зашевелился, поднял голову. Глаза его горели злобой. Он плюнул под ноги Джалила Наима эфенди и ответил на его брань еще более страшной бранью. Все так и замерли. Вверх взметнулась рука Джалила Наима эфенди с пистолетом. Мурад-ага с трудом поймал ее.

После долгих усилий «большого человека» усадили в фэзтон, и он проследовал дальше в деревню Чинарлы, которая находилась в четырех часах езды от станции. Живописная дорога была обсажена с обеих сторон рослыми ореховыми деревьями.

II

Засуха.

Можно подумать, на деревню Чинарлы ниспослано проклятие небес. Время молотьбы, а ни в одном из домов нельзя найти даже черствой корки. Крестьяне едят только фрукты. От них, да от мутной речной воды у всех повспухали животы. Каждый день кто-нибудь умирает.

У околицы Джалила Наима эфенди встретила группа всадников, среди которых был и деревенский богач Мюрсал-бек. В их окружении фэзтон доехал до деревенской площади и остановился. Слуги Мюрсал-бека помогли дорогому гостю сойти на землю.

В дороге хмельного Джалила Наима эфенди порядком растрясло. Его и без того крошечные глазки еще больше сузились. Он стал даже как-то меньше ростом.

II

Вдруг внимание Джалила Наима эфенди привлек какой-то ворох тряпья шагах в десяти от фаятона. Он пригляделся внимательней и увидел, что из-под тряпья выглядывают ноги.

«Никак опять человек!..» — подумал Джалил Наим эфенди и вспомнил случай на станции Евлах.

— Эй, бек, кто там лежит? — обратился он к деревенскому богатому. — Что это за человек?

— Это не человек, ага... Это мертвый армянин... — ответил Мюрсал-бек.

— Молодец!.. Хорошо сказал!.. Сто раз молодец!.. — захохотал Джалил Наим эфенди.

Мюрсал-бек повел гостя к себе в дом. Рядом с огромным беком низкорослый Джалил Наим эфенди казался чахлым деревцом у подножья высокой горы.

Как раз в этот день рано утром один из жителей села Чинарлы, проходя по площади, неожиданно упал и умер. Это был старый армянин дед Аршак, всю жизнь проживший бобылем в этом селе среди азербайджанцев. Он никогда не покидал родного села, вместе со всеми работал в поле — сеял, жал, молотил. Крестьяне любили старика за веселый нрав, чуткое и отзывчивое сердце.

В страхе перед деревенским кулаком и мусаватистскими офицерами, которые часто саранчой налетали на деревню, грабили, насиловали женщин, крестьяне даже не смели приблизиться к телу Аршака. Старики азербайджанцы, друзья покойного, ждали ночи, когда можно будет незаметно унести тело и предать его земле.

В гостиную Мюрсал-бека Джалил Наим эфенди развалился на тахте и посвящал присутствующих в суть своей философии.

— Еда и женщины! — восклицал он, размахивая рукой перед носом мутноглазого кочи¹ Мюрсал-бека. — Вот смысл жизни. Еда должна быть вкусной, как женщина, а женщина — вкусной, как еда!..

— Каких женщин имеет в виду его превосходительство? — спросил Мюрсал-бек; он стоял в дверях, не осмеливаясь даже сесть в присутствии такого большого гостя.

Джалил Наим эфенди обернулся к хозяину дома и смерил его презрительно-недоуменным взглядом, от

которого руки Мюрсал-бека сами принялись застегивать пуговицы на архалуке.

— О, женщины, женщины, — продолжал Джалил Наим эфенди, вскидывая руку к потолку. — О женах я не говорю. Жена — это никто. Я имею в виду таких женщин, чье существование является духовной пищей для человека. Не так ли, бек?

Близкий друг и правая рука Мюрсал-бека Ахмед-бек, стоящий ближе всех к гостю, вздрогнул, словно очнулся ото сна, и закивал головой, приговаривая:

— Верно, верно...

— Волосы у женщин должны быть мягкими, как шелк, шейка — вкусной, как сливки, губы — сладкими, как мороженое. Не так ли бек?

— Конечно, конечно...

— После того, как человек насытится грубой пищей, женщина должна насытить его духовно! Женщины, о женщины!.. Женщина — это божество!.. — тут Джалил Наим эфенди повернулся к хозяину дома и грубо сказал: — Ну, я вдохновлен, бек! Тащи что-нибудь поесть. Пусть душа взывает.

Сейчас же был накрыт стол, и Джалил Наим эфенди со всей страстью отдался любимому занятию.

А в это время люди Мюрсал-бека ходили по деревне от дома к дому, созывали крестьян на площадь. Было объявлено, что мусаватистская партия организует в деревне грандиозный митинг. Поэтому каждому крестьянину надлежало добровольно явиться на площадь, дабы прослушать интересный доклад о деятельности мусаватистской партии.

Пока двое крестьян старательно подметали деревенскую площадь, выяснилось, что охотников до митинга набралось совсем немного. Тогда были приняты дополнительные меры.

По приказу Мюрсал-бека молодой крестьянин в дражной чухе¹ вскарабкался на дерево у мечети, заменяющее минарет, и несколько раз прокричал:

— На молитву, правоверные!

Затем спустился на землю и принялся колотить поленом по медному тазу.

¹ Кочи — телохранитель, наемный убийца.

¹ Чуха — длиннополая мужская одежда.

Маленький рост Джалила Наима эфенди заставил призадуматься людей Мюрсал-бека. Произнося речь, знатный гость должен был видеть всех, а все — его. Необходимо было соорудить нечто, способное заменить трибуну. Первоначально хотели устроить помост из камней. Но из этой затеи ничего не вышло: под руками не оказалось строительного материала.

Тогда люди Мюрсал-бека принялись рыскать по крестьянским домам, и во дворе одного из них, по соседству с площадью, была обнаружена средних размеров бочка с водой. Воду вылили, а бочку прикатили на площадь.

Постепенно площадь заполнилась народом.

Женщины в чадрах сидели кружком отдельно от мужчин. Они вертели головами, шептались, крутили друг у друга перед носом пальцами.

Наконец Джалил Наим эфенди появился на площади. Крестьяне подались вперед. Каждому хотелось получше рассмотреть представителя мусаватистского правительства.

С помощью людей бека Джалил Наим эфенди вскарабкался на бочку. Несколько минут он балансировал, сохранив равновесие, затем начал свою речь:

— Эй, люди! Эй, жители деревни Чинарлы! Меня послала к вам мусаватистская партия, священная партия нашего националистического государства. Сейчас я расскажу вам о задачах и назначении нашей националистической партии... Слушайте же, крестьяне!.. Персы говорят...

Тут Джалил Наим эфенди прочел по-персидски двустиише, смысл которого он и сам хорошо не понимал. В переводе это двустиише означало следующее:

На угли стекали слезы кебаба¹,
И жаркое пламя вздымалось в печи.

После такого вступления он еще больше возвысил голос и продолжал:

— Эй, слушатели! Эй, крестьяне! Знайте!.. Если в вашей среде заведется враг, если у вас появится недруг, если к вам проникнет неверный, избегайте его, не говорите с ним, не общайтесь, сражайтесь с ним, бо-

¹ Кебаб — шашлык.

ритесь!.. Мусаватистская партия — мусульманская партия! Наша партия — партия справедливости! Мусульманская партия вписана в большую тетрадь сердца простонародья! Поэтому-то нашей великой партии и удалось спасти вас от нападения гяуров, избавить вас от армянской беды. Благодаря ее стараниям священная тень всевышнего аллаха снова упала на ваши головы!

Джалил Наим эфенди остановился, чтобы перевести дух, и тут до его слуха донесся громкий плач и всхлипывания. Он глянул в ту сторону, где сидели женщины. Среди причитаний можно было разобрать отдельные фразы:

— Милый ахунд!¹ Да благословит аллах память святого имама Гусейна!²

— Да будем мы жертвой за него!

— Проклятие Езиду!³

Слуги бека кинулись в толпу.

Женщины давно не слышали проповедей имамов. Речь оратора, пересыпанная арабскими и персидскими словами, напомнила им магеррам⁴. Их души затосковали. Дабы облегчить сердца, они поднялись со своих мест и двинулись по домам.

Через минуту площадь опустела наполовину.

Снова воцарилась тишина. Джалил Наим эфенди откашлялся и продолжал:

— О люди! О темное население деревни Чинарлы! Внемлите моим советам! Все ваши добрые деяния зачтутся вам в загробном мире. Не уповайте на этот бренный, жестокий и гадкий мир. Возлюбите ближних, как самих себя. Не сотворяйте ближним зла... Однако, однако и еще раз однако армян нужно уничтожать, у-нич-то-жать!..

Постепенно задние ряды стали редеть. А Джалил Наим эфенди распалялся все больше и больше. Он то протягивал руку на запад, и крестьяне тоже поворачивались к западу, то простирали ее на восток, и крестьяне

¹ Ахунд — высшее духовное лицо.

² Имам Гусейн — один из наиболее чтимых мусульманами-шинитами имамов «ближайших потомков пророка Мухаммеда».

³ Езид — один из противников имамов, истребивший многих из них; шиниты часто шлют ему проклятья.

⁴ Магеррам — первый месяц мусульманского лунного года, месяц траура по убитым имамам (у шинитов).

также обращали свои взоры к востоку. Джалил Наим эфенди метался на бочке, как акробат. На губах у него появилась пена. Он рассказал и о себе: о своем высоком посту и о том уважении, каким он пользуется среди народа. Но основная, главная часть его выступления была, конечно, направлена против армян.

Крестьяне продолжали расходиться.

По мере того как площадь пустела, речь Джалила Наима эфенди набирала все большую скорость, а голос звучал все громче и громче. Взор оратора был устремлен к горизонту. Фразы вылетали изо рта, как стрелы. Со стороны можно было подумать, что это не политическое выступление, а урок арабского и персидского языков в медресе¹, где, кстати сказать, и получил в свое время образование герой нашего рассказа.

Джалил Наим эфенди говорил без остановки. Он упивался своей речью. Водка, поглощенная за обедом, придала ему много сил. Он никого не видел, ничего не замечал. Он только говорил, говорил... И он чувствовал, что его красноречие захватывает не только его самого, но и крестьян, делает их готовыми пойти за мусаватистскую партию на любые жертвы, даже на смерть. В последнем Джалил Наим эфенди был прямо-таки уверен.

Наконец, решив, что пора закругляться, срывать аплодисменты, Джалил Наим эфенди оторвал свой взор от горизонта, глянул вниз, на толпу, и... его распростертые к востоку и западу руки так и застыли неподвижно в воздухе... Площадь была пуста. Только у самой бочки на корточках, задрав голову вверх, сидел пожилой седобородый крестьянин.

Некоторое время Джалил Наим эфенди, не мигая, смотрел на этого старца, потом вдруг морщины на его лице расправились, дрогнули складки в углах рта. Он улыбнулся, взмахнул рукой и воскликнул:

— Браво тебе!.. Молодец!.. Ты настоящий герой! Ты верный сын нашей молодой родины! Браво!.. Молодец!.. Сто раз молодец!..

Заметив, что оратор обращается к нему, пожилой крестьянин подался вперед, оттопырил ладонью ухо и весь превратился в слух.

¹ Медресе — духовная школа мусульман.

— Браво тебе! — продолжал Джалил Наим эфенди. — Вот теперь я вижу, что и в наших деревнях есть подлинные патриоты! Да, теперь я знаю, что и в наших селах живут верные защитники нации, готовые ради нее пожертвовать своими жизнями!.. Смотри!.. — Джалил Наим эфенди простер вперед руки. — Видишь, все разошлись. Они не поняли... Да, они не смогли уразуметь смысл моих слов. Но ты уразумел! Да, ты понял, ты усидел до конца и с огромной радостью внимал словам одного из руководителей мусаватистской партии. Молодец!

Крестьянин выслушал до конца тираду мусаватистского деятеля, выколотил о колено лохматую папаху, опять надел ее себе на голову, затем робко ответил:

— Ага, я темный крестьянин... Из того, что ты сейчас сказал, я не понял ни слова... Но бочка, на которой ты стоишь, моя. Я жду, когда ты кончишь, чтобы укатить ее домой.

Джалил Наим эфенди как-то сразу погас, посерел, обмяк. Он не сказал больше ни слова, прыгнул на землю и зашагал к особняку Мюрсал-бека.

Крестьянин же тотчас повалил бочку набок и с грохотом покатил ее по площади к своему дому.

Через неделю после этого случая коротышка и прохвост Джалил Наим эфенди, велеречивый соловей Азербайджана, делал доклад на заседании центрального совета мусаватистской партии в Баку. Он рассказывал о том, каким уважением пользуется их партия в деревнях, о том, что повсюду царят довольство и покой, о том, как радостно и гостеприимно встречали его крестьяне.

Присутствующие с большим интересом прослушали выступление Джалила Наима эфенди, а затем центральный совет мусаватистской партии вынес решение щедро наградить своего верного члена солидной суммой денег.

И наградил.

1933

510101-5

Плата за дыхание

порожнив бутылку коньяка, Аскер-ага размахнулся, швырнул ее в глубь сада, затем вскочил и огляделся по сторонам. Взор был тусклый, мутноватый.

Издали донесся какой-то странный звук. Аскер-ага спросил у Аббаса Али, который всегда стоял за его спиной, готовый исполнить любое приказание господина:

— Аббас Али, я слышу какой-то стон... Что это, ручеек бежит или комары?

Аббас Али склонился в таком почтительном поклоне, что Аскер-ага прыснул со смеху.

— Аббас Али,— сказал он,— чем выгибать шею, как верблюд, лучше пошевели языком. Я спрашиваю, это ручеек или комары пищат?

Аббас Али покраснел и испуганно ответил:

— Господин, это голос моей жены.

— Ай, молодчина! Ну и здорово! Послушай, храбрец Аббас Али, что ты с ней сделал, что она издает такие звуки?

— Я поколотил ее, ага.

— О, действительно молодчина! Браво, браво! Чем больше женщину бьешь, тем мягче она становится. А теперь, Аббас Али, ступай принеси что-нибудь перекусить. Надоело пить коньяк.

Аббас Али удалился.

Аскер-ага огляделся по сторонам и задумался.

Это прекрасное зеленое село принадлежало ему. Эти луга, сады, голубое небо над деревней, дома, деревенские девушки с губами алыми, как лепестки мака, чьи голоса слышались по ту сторону плетня,— все это были его владения.

Месяц назад он поехал проветриться в город и вот уже три дня, как вернулся. В день приезда ему пришлось немного понервничать. Во время его отсутствия крестьяне оставались без присмотра и успели распуститься, так как староста и сотник занимались только похищением девушек.

Очень странно, в первый день... В первый день, когда Аскер-ага вернулся в деревню, он заговорил у источника с дочерью бедняка Гусейна Али. Гусейн Али, увидев это, отколотил дочь и прогнал ее домой. Он даже не поклонился ему, Аскеру-аге, даже не сказал «добро пожаловать!» Да, он поколотил свою дочь за то, что она разговаривала с ним.

И тогда... Тогда Аскер-ага словно взбесился. Он тотчас объявил бедняку Гусейну Али, что правительство ввело новый налог: все безземельные крестьяне должны платить деньги за воду.

— Да продлит аллах дни нашего господина, какие деньги?— спросил Гусейн Али.

— Что?!— воскликнул Аскер-ага.— Бейте того, кто задает вопросы своему господину.

Несчастного Гусейна Али избили так, что он лишился дара речи.

В тот же день с крестьян был собран налог за воду.

Гнев Аскера-аги не прошел на следующий день. Кто такой Абдул Али, что посмел не принести ему вечером молока?

Утром Аскер-ага вызвал Абдула Али.

— Эй, глупая скотина! Почему ты вчера лишил меня молока?

— Да продлит аллах дни нашего господина. Клянусь жизнью ребенка, вчера жена без моего ведома сделала из молока катык¹. Если угодно, пришлю вам катык.

— Опрокинь его на голову своей жены! Пошел вон, сукин сын!

И опять бес разыграл в Аскере-аге. Он объявил, что правительство назначило новый налог. Все безземельные крестьяне должны платить за коров.

— А как с телятами? — поинтересовался Абдул Али.

— Ты еще спрашиваешь? — вспыхнул Аскер-ага. — Бейте того, кто задает вопросы своему господину!

Несчастливого Абдулу Али отколотили так, что он, как и Гусейн Али, лишился дара речи.

А вчера с крестьян собрали налог за шелковичных червей...

Аскер-ага опять прислушался. По-прежнему издали доносился стон. Аскер-ага вспомнил про Аббаса Али, который отправился за едой.

Он приложил руку ко рту и что было силы закричал:

— Аббас Али!

Стон прекратился. Послышался грубый голос Аббаса Али:

— Иду, господин!..

Слуга подбежал. Однако в руках у него ничего не было. На лице блуждала улыбка.

— Эй, в чем дело? Идешь с пустыми руками и еще зубы скалишь!..

Аббас Али нагнулся к уху Аскера-аги и зашептал:

— Господин, пришла вчерашняя... В доме ждет...

С помощью Аббаса Али Аскер-ага поднялся на ноги.

¹ К а т ы к — кислое молоко, простокваша.

Когда Аскер-ага вышел из дому, солнце уже клонилось к горизонту. По улице плелись крестьяне с вязанками хвороста на плечах. Они собирали его далеко от деревни, на склонах лысых гор.

— Аббас Али, как мне жаль этих крестьян! — покачал головой Аскер-ага. — Скажи сотнику, пусть соберет их, я выступлю с речью.

— Что, господин? Я не понял...

— Ах ты, бестолковая скотина, я им раздам лябляби¹.

Аббас Али в мгновение ока скрылся.

*

— С чего это Аскеру-аге вздумалось оделять нас лябляби?

— Позавчера он содрал с нас деньги за воду, вчера — за коров, а сегодня вдруг решил угостить каленым горохом?

— Не нравятся мне затеи нашего аги.

— Выходит, теперь не дашь денег — не напешься.

— Видно, и сейчас он что-нибудь придумал.

— Да не без этого...

Крестьяне постепенно собирались у плетня. Они только что вернулись с работы и были одеты кто во что.

На крыльцо, улыбаясь, вышел Аскер-ага и громко воскликнул:

— Салам алейкум!..

Несколько человек робко ответило на это приветствие.

Аскер-ага встал на колоду, предназначенную для сидения, обвел взглядом толпу, усмехнулся и сказал:

— Крестьяне, Аббас Али сообщил, будто я собираюсь раздать вам каленый горох. Это ложь. Вовсе нет. Он меня не понял. Просто я хочу сказать вам речь.

Крестьяне начали испуганно переглядываться. Все молчали.

Аскер-ага продолжал.

— Крестьяне! Я ваш ага. Вы мои подчиненные. Это значит: вы подчиняетесь мне, а я — ваш ага. И прави-

¹ Л я б л я б и — каленый горох, лакомство.

тельство наше поручило вас мне. Вы мне нравитесь. Наш царь — замечательный царь. Вам приходится платить налоги — за воду, за скот? Но это пустяки! Что тут особенного?.. Кто чеканит монеты, которые у вас в карманах? Конечно, правительство. Вот оно и возвращает их себе назад. Представьте, будто вы играли в бабки и проиграли. Но есть один вопрос. Ведь вы не работаете... Вы — лентяи, первоклассные лентяи! Клянусь самим аллахом, вам лень даже дышать. Если вас еще немного распустить, вы потребуете деньги за то, что дышите. Только...

Аскер-ага не успел закончить фразу. Из-за плетня раздался голос Аббаса Али.

— Ага, гости из города пожаловали.

Аскер-ага тотчас кинулся в дом. Однако он вернулся с полдороги и крикнул крестьянам:

— Не забудьте, что я вам сказал!..

После ухода Аскера-аги крестьяне некоторое время безмолвно стояли на месте, потом начали расходиться по домам. Вид у всех был грустный, унылый, словно они возвращались с похорон.

Самым опытным и умным в деревне считался Абдул Али. Крестьяне ждали, что он скажет. Но он только тяжело вздохнул и молча пошел к своей хижине.

Перед низкой дверью Абдул Али пригнулся, вошел в дом. Жена перебирала овес. Не глядя на нее, Абдул Али подошел к печке, вытащил большую головешку, запалил чубук. Снял чарыки¹, бросил их к порогу, сел и устался на огонь.

— Ну, муженек, одарил вас ага каленым горохом?

— Черта с два!

— Может, что другое дал?

— Наговорил с три короба. Хорошего от него не жди.

— Что же он сказал? Да не томи, рассказывай!

— Одна неприятность...

— Может, новый налог?

— А ты как думала?..

Абдул Али горестно вздохнул, покачал головой и продолжал:

— Ага сказал, что деньги чеканит правительство, поэтому и собирает их с нас. Вы все, говорит, играли в баб-

ки и проиграли... Вы, говорит, дышите на земле правительства и должны за это платить. Собирается получить с крестьян налог за то, что они дышат воздухом.

— Бедная моя головушка! Зачем же ты в такое тяжелое время играешь в бабки и проигрываешь? А тут еще налог за воздух!..

— Эх, темная ты женщина! Ты понимаешь, что взять с крестьян налог за воздух — это значит вконец разорить их. Ведь всех будут учитывать. Например, у нас в доме... Я дышу, но ведь и ты каким-то образом дышишь...

— А как же? Я дышу самым настоящим образом.

— Вот я об этом и говорю. Ты тоже дышишь. И наш сынок, будь он неладен, дышит. Учти, что и куры и цыплята тоже дышат. Прикинь теперь, какой это расход?

— Ах, муженек!.. А как туго придется семье Гулама Али! Бедняги! Ведь их девять человек, и все дышат. Ты представляешь, какой с них сдерут налог!

Муж молчал.

Открылась дверь. В комнату, пригнувшись, вошел Гулам Али. Лицо у него было хмурое, угрюмое. Он тоже сел у печки, снял чарыки, швырнул их к порогу и, запалив чубук, спросил:

— Что же это получается, Абдул Али? Выходит, теперь будут брать налог за дыхание?! Говорят, из города специально приедет солдат собирать то, что с нас причитается.

Абдул Али удивился.

— Ты это точно знаешь? Из города приедет солдат?

— Пропали мы, дорогой...

Дверь открылась. Вошли еще двое крестьян. Они таким же образом бросили к порогу свои чарыки и подсели к печке.

— На что это похоже? — сказал один из них. — Дерут с нас три шкуры! Совсем обобрали.

— Говорят, у кого найдут государственные деньги, тем не позволят дышать.

Мужчины вышли из дому.

Посреди улицы ругались два крестьянина. Вокруг них собралась большая толпа.

— Ты лжешь, сукин сын! — кричал один. — Да разве у меня есть возможность вздохнуть свободно? Я едва

¹ Чарыки — крестьянская обувь из сыромятной кожи.

с жизнью не расстанусь, когда ташу вязанку хвороста. Какое уж тут дышать!

— Сам ты лжешь! Нашего господина нельзя обманывать! Вот пойду и пожалуюсь ему. Я видел вчера... Ты стоял у хлева Гасана Али-киши и тяжело дышал.

— Ах ты, низкий обманщик! Ведь тебе не придется платить за другого? Зачем губить человека?

— Аллах его погубит!

Крестьяне бросались друг на друга, кричали, переругивались.

Вдруг Абдул Али закричал:

— Тише! Успокойтесь!

Все головы, как по команде, повернулись к нему.

— Нечего скандалить. Лучше подумайте, где вы возьмете столько денег?

Крестьяне молчали.

— Никого не касается, есть у вас деньги или нет. Не дадите — не позволят дышать. Что тогда будете делать?

* Какой-то старик потряс в воздухе кулаком и воскликнул:

— Братья! Братья крестьяне! Я старый человек, я не могу жить и не дышать!..

— Не позволят... Нет денег — не разрешат дышать!

Глаза старика налились кровью. Он взобрался на большой камень, опять потряс кулаком и закричал:

— Братья крестьяне! Аскер-ага годится мне в сыновья, но, несмотря на это, он готов запретить дышать даже такому белобородому старцу, как я. Будь я помоложе, я бы показал этому Аскеру-аге! Он бы отведаль моего кулака! Сейчас вся наша надежда на вас, молодые. Не допустите, чтобы господа отняли дыхание у наших голодных сирот! Идите, молодые, идите! Задайте им перцу! Проручите их как следует, спасите наши жизни! Довольно, братья! Терпение наше лопнуло! Когда вода подступает к горлу обезьяны, она становится ногами на своего детеныша. Надо покончить с бесчинством! Смелее!

На глаза старика набегали слезы. Он закрыл лицо руками и разрыдался.

Крестьяне на миг замерли, затем улица огласилась дикими криками. Все бросились к дому Аскера-аги. Че-

рез минуту он запылал, как факел. Крестьяне обыскали двор, разыскивая хозяина, но безрезультатно.

Вдруг из сада донесся чей-то стон. Все кинулись туда. В кустах лежала женщина. Увидев крестьян, она сделала попытку подняться, но не смогла. Тогда она показала рукой на калитку, которая выходила на шоссе, и сказала:

— Они убежали... Туда убежали...

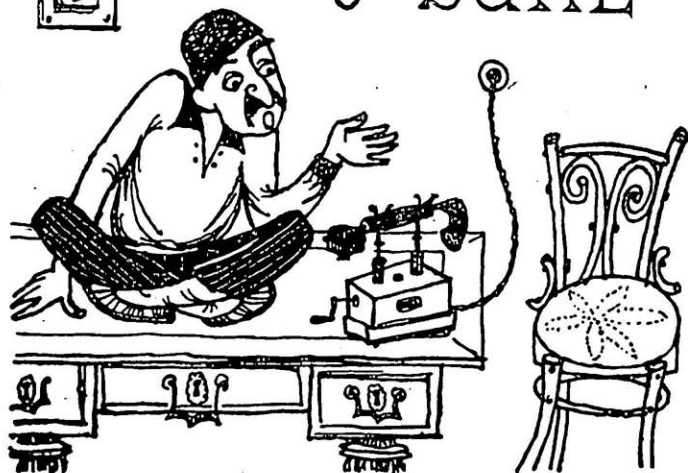
Крестьяне обернулись к пылающему дому Аскера-аги и вольно, глубоко вздохнули. Затем, веселые, оживленные, начали расходиться по домам.

Воздух был чистый, прозрачный... Дышалось легко и свободно!

1934

О БАНЕ

се знали, что отец Мирзы Хашима, секретаря коммунхоза, покойный Мешади¹ Достум Али, владел некогда баней, той самой баней,

которая находится сейчас у Зеленого базара.

В городе, пожалуй, нет ни одного человека, который бы не мылся в этой бане. Раз в неделю ее посещали мужчины, а остальные шесть дней предназначались для

¹ Мешади — почетный титул, прибавляется к собственному имени человека, совершившего паломничество в город Мешхед (Иран), где находится святилище шиитов — гробница имама Ризы.

женщин, и в эти дни баня превращалась в поле битвы, где сражение велось за тазики и лоханки.

Дело в том, что сын Мешади Достум Али, Мирза Хашим, в детстве целыми днями игравший во дворе этой бани в бабки, а после совершеннолетия работавший даже некоторое время кассиром у отца, тот самый Мирза Хашим, в формировании мировоззрения которого баня сыграла первостепенную роль, теперь упорно доказывал всем, будто у них никогда не было бани.

— Милок, — говорили ему, — зачем отпираешься? Ведь мы с детства до этих седых волос мылись в вашей бане. Как же это у вас не было бани?

— Не было!..

— А кому же принадлежала баня у базара?

— Коммунхозу.

— А до советской власти?

— Коммунхозу.

— Тебе говорят, до советской власти.

— Коммунхозу.

— Разве ж были коммунхозы до советской власти?

— Довольно, товарищи. Я говорю: коммунхозу, и точка!

Словом, никто не мог доказать Мирзе Хашиму, что отец его владел баней.

По внешнему виду Мирзы Хашима нельзя было заключить, что он страдает. А между тем это было так. И даже больше: Мирза Хашим жил в вечном страхе. Он боялся... Чего?.. Ясное дело: последствий. Он дрожал за свою судьбу, за свое будущее.

И дело было вовсе не в бане. Баня пустяк. Все обстояло гораздо сложнее. В первые годы советской власти, прикрываясь баней, как ширмой, отец с сыном занимались грязными делишками.

Вот поэтому всякий раз теперь, когда Мирза Хашим слышал слово «баня», сердце его замирало.

Однажды Мирза Хашим сидел один у себя на работе в коммунхозе. Директор накануне откомандировал сам себя в Баку на несколько дней. Делопроизводитель отпросился и уехал в деревню на свадьбу брата. Руководство коммунхозом было поручено Мирзе Хашиму.

Стояла страшная жара. Июльское солнце палило безжалостно.

Мирза Хашим выпил подряд пять стаканов чаю и расположился поудобней на стуле, собираясь вздремнуть.

Вдруг зазвенел телефон.

Мирза Хашим вздрогнул. Застегнул ворот рубахи, поднял трубку.

— Ну, кто это? — спросил он грубо, почти угрожающе.

Трубка что-то прохрипела в ответ, и у Мирзы Хашима сейчас же задрожали губы, побледнели щеки.

Не спуская глаз с телефонной коробки, он пошарил рукой по столу, нашел шапку и водрузил ее себе на голову. Говорил председатель горисполкома.

Мирза Хашим откашлялся и промямлил еле слышно:

— Это я, Мирза Хашим...

Телефонная трубка опять захрипела, замурлыкала.

Мирза Хашим выгнул шею и прошептал:

— Нет, его нет... Уехал в Баку...

После этого он вел разговор только с помощью трех слов: «да», «нет» и «слушаюсь».

Кончив говорить, Мирза Хашим взобрался на стол и сел, поджав под себя ноги. Из-под шапки по лицу ползли струйки пота. Во рту пересохло: председатель горисполкома срочно вызывал к себе.

«Интересно, зачем я ему понадобился? — ломал голову Мирза Хашим. — Если бы дело касалось коммунхоза, он бы не говорил так раздраженно. Возможно, опять чьи-нибудь козни... Может, накопили что-нибудь про баню».

Мирза Хашим так разволновался, что у него даже задергалось левое веко.

Что его ожидает у председателя горисполкома?

И вдруг какой-то таинственный голос шепнул ему на ухо: «Не ходи...»

Мирза Хашим на минуту задумался, затем решительно возразил: «Как это — не ходи? Ослушаться начальство? Немыслимо!»

Через минуту Мирза Хашим уже шагал по улице.

У дверей горисполкома таинственный голос опять шепнул ему на ухо: «Не ходи...»

«Молчи, нечистая сила... — забормотал Мирза Хашим. — Как можно?.. Не ходи!.. С начальством шутки

плохи!...» — и он с силой потянул на себя массивную дверь горисполкома.

Войдя в кабинет председателя, Мирза Хашим потоптался у порога, откашлялся, пролепетал: «Здравствуйте!...» — затем робко подошел к столу и, подчиняясь властному жесту человека, который даже не поднял головы, опустился на мягкий стул.

Председатель читал какие-то бумаги. Наконец он подписал их, отложил в сторону, поднял глаза на Мирзу Хашима, что-то пометил в своем календаре и спросил:

— Простите, товарищ... Ваше имя?

— Хашим, да перейдут ваши болезни ко мне.

— Товарищ Хашим, мне нужны кое-какие сведения. Вашего заведующего сейчас нет, и я побеспокоил вас. Может, вы мне ответите?

У Мирзы Хашима сразу же отлегло от сердца. Он вытер со лба холодный пот, устроился поудобнее на стуле и ответил баском:

— Пожалуйста. Разумеется, я могу вам ответить...

— Во-первых, сколько вы построили школ в этом году? Новых школ...

— Ни одной.

— Странно. А сколько школ вы отремонтировали?

— Тоже ни одной.

— Так, а сколько школ вы должны были построить по плану?

Мирза Хашим напряг память. Во рту опять сделалось сухо. Куда девался самоуверенный басок?

— По плану мы должны были построить пять новых школ... — пропищал он тонюсеньким голоском.

— Хорошо, а сколько школ вы должны были отремонтировать?

— По плану, кажется...

— Короче, товарищ Хашим.

— Семь школ.

— Что же получается?.. Выходит, вы не выполнили план даже на один процент.

— Да...

— Очень вас прошу, пойдите и составьте мне официальную справку. Причины тоже укажите... Когда напишете — принесете.

— Слушаюсь.

Мирза Хашим тяжело поднялся со стула, добрел

до двери и остановился, сиюсь что-то вспомнить... Да, о чем же он должен составить справку? Этого Мирза Хашим не понял. Он обернулся и, растерянно моргая глазами, спросил:

— А что писать, товарищ председатель?

— Как, что писать?! — вспыхнул* председатель горисполкома. — Ты что, глухой? О чем мы только что говорили? Что я спрашивал? Чем интересовался? Вот устрою вам баню!..

— О бане?..

— Да, да, баню. Исполни!..

Мирза Хашим как ошпаренный выскочил из горисполкома. Он обливался потом... Так вот оно что!.. Выходит, председатель только для виду говорил о школьных зданиях, о ремонте, а в действительности все дело в бане!..

Мирза Хашим едва добрал до ворот своего дома. Тут силы его оставили, и он в изнеможении опустился на огромный серый камень у калитки.

Начал собираться народ. Посыпались вопросы:

— Мирза, ты что здесь уселся? О чем задумался?

— О бане...

Толпа вокруг Мирзы Хашима все росла и росла. Ребятишек собралось столько, что, казалось, им было послано специальное приглашение.

Председатель горисполкома должен был делать вечером доклад на заседании бюро. Повестка дня — строительство и ремонт школьных зданий. Доклад был почти готов, не хватало только справки из коммунхоза.

Председатель нервничал. Он уже несколько раз звонил в коммунхоз, но там никого не было. Ровно в шесть позвонил еще раз, и опять никто не подошел к телефону. В конце концов пришлось послать секретаря домой к Мирзе Хашиму.

Секретарь вернулся через четверть часа и доложил председателю:

— Мирза Хашим тронулся умом...

— То есть как тронулся умом?

— Да, товарищ председатель, тронулся... На все вопросы отвечает одно и то же: «О бане...» Весь город собрался к его дому. Там такая толпа...

— Как, как?.. О бане?.. Что это значит?

— Да. О бане... Видно, вспомнил про баню, которой владел его отец... У базара... На этой почве и свихнулся.

— Просто удивительно...

Председатель горисполкома решил самолично разобраться в происшествии.

Когда он в сопровождении секретаря пробился к дому Мирзы Хашима, там разыгрывалось последнее действие трагедии.

Мирза Хашим словно прирос к камню. Сдвинуть его с места не было никакой возможности. В толпе шныряли ребятишки и кричали:

— Баня, баня...

Лицо у Мирзы Хашима было злое, красное.

— Мирза Хашим, успокойся, — попробовал утешить его председатель горисполкома. — Что поделать? Ну, лишился ты бани... Ничего. Ты ведь советский человек. Советская власть за такие вещи не преследует. Ты же не кулак. Ну, вставай, иди домой. Выпьешь чайку, перекусишь... А потом составишь мне справку...

Мирза Хашим вскинул глаза на председателя горисполкома, втянул голову в плечи и испуганно спросил:

— О бане?..

— Нет, почему же о бане? О ремонте школ.

Но Мирзу Хашима было трудно разубедить. Он еще сильнее ухватился руками за камень. Чувствовалось, что и трактор не оторвет его.

Председатель горисполкома махнул рукой и принялся выбираться из толпы.

1936

Мирза Калантар

читель сельской школы «Заря» Мирза Калантар был знаменит прежде всего тем, что всегда опаздывал на уроки. Все знали: как его ни торопи, он все равно не поспевает к началу занятий. Поэтому вот уже несколько лет уроки в школе «Заря» начинаются в десять часов. До десяти, то есть до прихода учителя, ученики подметают класс, наводят порядок, растапливают печь.

Когда Мирза Калантар входит в класс, он чувствует себя легко и свободно, как птица.

Заботливые работники сельсовета предусмотрели в школьном штате должность курьера. Однако Мирза Калантар считает эту должность ненужной. Добавив оклад курьера к своему собственному, он поручает курьерские дела ученикам. Ведь расточительство — порок.

Никакая сила на свете не может вынудить Мирзу Калантара отказаться от привычки опаздывать на уроки, — так уж он создан. Районо и исполком закрыли на это глаза. Словом, Мирза Калантар узаконил свои опоздания.

У Мирзы Калантара есть и другая странность: он не может вести урок, если в классе присутствует посторонний, например инспектор районо или представитель еще какой-нибудь организации. Стоит в школе появиться чужому человеку, как у учителя начинает заплетаться язык, он бледнеет и, ссылаясь на боли в животе, уходит домой.

Некоторым работникам районо была известна эта странность Мирзы Калантара. Поэтому они старались не посылать в его школу инспекторов. Какой смысл? Приедет туда кто-нибудь, а Мирза Калантар, сказавшись больным, уйдет домой.

У Мирзы Калантара есть и третья странность. Вернее, это уже не странность, а своеобразный талант. И не удивительно! Ведь Мирза Калантар — человек мудрый, обладающий большим житейским опытом.

Сейчас мы об этом расскажем.

Никто не знает, кем были и чем занимались в прошлом Мирза Калантар и его покойный родитель. В анкете, которую Мирза Калантар заполнил некогда в районо, значилось, что в прошлом он и его отец занимались портняжничеством. Второй раз Мирза Калантар о своем происхождении написал иначе: крестьянин. Потом он назвался рабочим.

А в последнее время Мирза Калантар утверждает, что он и его отец были в прошлом батраками.

Мирза Калантар так заморочил всем голову вопросом о своем происхождении, что вряд ли кто рискнул бы в этом разбираться.

Но вот на днях Мирза Калантар открыл наконец истину, развязал узелок своего прошлого.

Расскажем все по порядку.

Несколько дней назад Мирза Калантар поднялся на рассвете, когда птицы еще не проснулись. Он умылся, привел себя в порядок перед зеркалом и вышел во двор.

Соседи, которые вот уже много лет не видели, чтобы Мирза Калантар появлялся во дворе раньше десяти часов, удивились:

— Доброе утро, муаллим! ¹ Почему так рано встал? Может, скверный сон приснился?

Обычно Мирза Калантар разговаривал с крестьянами небрежно, свысока. Однако на этот раз он ответил вежливо, приветливо:

— Доброе утро, мои дорогие! Рад вас видеть, рад вас видеть! Дурные сновидения здесь ни при чем. Я встал рано по другой причине. У меня есть дело.

— Есть дело? — удивленно спросил один из соседей.

— Да, дело...

На этом разговор оборвался.

Мирза Калантар вышел со двора и направился к школе. Показавшиеся навстречу колхозники спрашивали его:

— Муаллим, куда так рано?

— Дело есть, — отвечал Мирза Калантар коротко, но выразительно.

Едва он переступил порог школы, среди ребят поднялся страшный переполох.

— Муаллим пришел! — кричали они.

Ученики, не помнившие случая, чтобы учитель пришел в школу до восхода солнца, принялись осыпать его градом жалоб.

— Муаллим, Хасай ударил меня веником по голове!

— Муаллим, Мамед рисует на скамейках!

— Муаллим, Керим разбил окно!

Мирза Калантар пропустил мимо ушей все эти жалобы, но впервые со времени создания школы подумал, что не занимался по-настоящему воспитанием детей. Поэтому он поднял вверх указательный палец и громко сказал:

¹ Муаллим — учитель; принятое обращение к образованным, уважаемым людям.

— Дети, будьте воспитанными!

Радуюсь, что он честно выполнил свой долг воспитателя, Мирза Калантар объявил, что сегодня, как и всегда, занятия начнутся в десять часов.

Затем он повернулся к Хасаю.

— Эй, ты, брось метлу! Иди ко мне, сын осла!

— Слушаюсь, муаллим.

— Мчись галопом в районо. Ты знаешь, где это? Возле старой бани...

— Знаю, муаллим. Напротив Дома пионеров.

— Хорошо, лети туда и передай инструктору Намаз-заде: пусть сегодня придет в школу сам, лично. Слышишь?

Хасай недоуменно заморгал глазами.

— А что случилось, муаллим?

— Дело есть...

Хасай стащил с ног башмаки, сунул их под мышку и в один миг скрылся с глаз.

Мирза Калантар подозвал другого ученика.

— Эй ты, Мамед, поди сюда, дьяволенок! Как поживает твой отец? Ваш осел, кажется, хворал... Выздоровел?

— Издох, муаллим!

— Да благословит аллах его память. Сбегай, сынок, к тетке Масме, которая живет у мельницы. Знаешь?

— Знаю, муаллим.

— Только живо. У тетки Масмы есть одна книга, коран называется, пусть даст ее тебе, принесешь сюда.

— А для чего она нужна, муаллим?

— Ты не поймешь. Смотри не потеряй.

— Слушаюсь, муаллим. А зачем вам эта книга?

— Дело есть...

Мамед хотел уже бежать, но Мирза Калантар опять повернулся к нему, сплюнул на землю и сказал:

— Мамед, сынок, ты должен вернуться, пока этот плевок не высохнет.

— Слушаюсь, муаллим! Хочешь, плюнь еще раз.

— Нет, достаточно...

Мамед припустился бежать.

Ровно в десять часов ученики школы «Заря» сидели на своих местах.

Инструктор района Намаз-заде опустился на стул у классной доски.

Вопреки обыкновению, Мирза Калантар приветливо улыбнулся и сказал:

— Дети! Вы видите, наш сегодняшний урок по сравнению с прошлыми уроками более торжественный. Известна ли вам причина этого? Нет, вы ни о чем не догадываетесь. Вы еще очень малы. Смысл подобных вещей станет вам ясен, когда у вас за плечами будет столько же лет, сколько у меня, Мирзы Калантара.

Мирза Калантар взглянул на инструктора района и улыбнулся. Намаз-заде тоже ответил ему улыбкой, достал из кармана папиросу и закурил.

Мирза Калантар продолжал:

— Ребята! Вы читали вчера в газете текст новой конституции?

— Читали, муаллим!

— Хорошо. Раз так, я должен открыть вам одну истину! Знаете ли вы, кем я был в прошлом?

Ученики наперебой закричали:

— Портным!..

— Колхозником!..

— Рабочим!..

— Батраком!..

— Нет, ошибаетесь! Все это выдумка. До сегодняшнего дня мое прошлое находилось во тьме, было скрыто от людских глаз, как сердцевина арбуза. Сейчас я разрежу этот арбуз и извлеку ее оттуда. Слушайте! В прошлом я был духовным лицом, ребята!..

В классе поднялся шум.

— А что такое духовное лицо? — удивленно спрашивали ученики.

— Духовное лицо — это мулла, ахунд, марсиехан¹. Мои слова подтвердит Намаз-заде, потому что в прошлом мы оба были священнослужителями. Верно, товарищ Намаз-заде?

Инструктор района встал со стула и кивком головы подтвердил слова Мирзы Калантара.

Учитель продолжал:

— Дети, сразу стать духовным лицом невозможно.

¹ Марсиехан — исполнитель марсие, преданий о гибели имамов.

По этой лестнице поднимаются постепенно. Сначала я был купцом... Нет, нет, простите, ошибка... Сначала я был слугой, потом...

— Муаллим, Салман рвет мою тетрадь.

— Эй, Салман, осленок!.. Да... Потом я постепенно начал подниматься вверх и наконец достиг кафедры математики.

Инструктор Намаз-заде вытянул шею и сказал:

— Мир Касум, нельзя ли побыстрее?

Эту фразу услышали ученики, сидящие на первых партах. Поэтому Мирза Калантар громко ответил:

— Не Мир Касум, а Мирза Калантар... Товарищ инспектор ошибся. Да, ребята, новая конституция требует от нас, чтобы мы возвращались к своим истинным профессиям. А поэтому...

— Можно мне сказать?

— Кто просит слова?

— Я...

Это был Билал, один из лучших учеников школы.

Мирза Калантар решил, что мальчик хочет выразить свою радость, поздравить его.

Но тот удивленно спросил:

— Муаллим, вы шутите или говорите серьезно?

— Чистейшая правда, дитя мое! — напыщенно ответил Мирза Калантар. — В моих словах нет ни капли выдумки. Продолжай, сынок. Что ты хотел сказать?

— А вот что... Если все ваши слова шутка, жаль потерянного времени. Если же вы говорите правду, то знайте: учитель нам нужен, а духовное лицо — нет.

От гнева Мирза Калантар побагровел.

— Молчи, — оборвал он Билала. — Молчи, говорят тебе! Ты! Ты идешь против новой конституции! Отныне я могу устраивать такие уроки, какие захочу. Например, два раза в неделю буду вам читать марсие.

Кто-то из ребят крикнул:

— Долой мерсие! Мы хотим изучать науки!

— Кто это сказал? — возвысил голос Мирза Калантар. — Я спрашиваю! Кто хочет меня разозлить?..

— Муаллим, позвольте выйти из класса.

— Иди на все четыре стороны, только не перебивай. Моя цель и цель моего коллеги Намаз-заде заключается в том, чтобы...

— Муаллим, можно выйти?

— Можно. Итак, наша цель заключается в том, чтобы возвратиться к прежнему ремеслу: мало делать, но добиваться больших результатов... Эй, Хасай, ты куда?

— Муаллим, можно выйти?

— Иди... Эй, ребята, а вы куда идете?

— Нам тоже надо... Мы сейчас вернемся, муаллим...

— Дорогие, но ведь в классе никого не остается. Мамед, и ты уходишь? А где Билал? Ушел уже?!

Класс опустел. Мирза Калантар замер, уставясь в лицо инструктора Намаз-заде.

Оба принялись ждать.

Они прождали несколько часов, но никто из учеников не вернулся.

На другой день Мирза Калантар опять пришел на занятия очень рано. Но каково было его изумление, когда он увидел в окно, что его ученики сидят на своих местах, а урок ведет какой-то молодой парень. Он подошел к двери и долго смотрел в замочную скважину, но парня так и не признал.

Наконец Мирза Калантар открыл дверь и вошел в класс.

Странно! Никто даже не обернулся. Ребята делали вид, будто не замечают его.

Молодой учитель говорил о том, что некоторые авантюристы с темным прошлым, пытаясь обмануть народ, чтобы без труда загребать горы денег, используют любые средства, даже конституцию.

Бывший священнослужитель молча повернулся и вышел из класса. Он решил идти в районо.

Мирза Калантар не прошел и километра, как ему опять пришлось удивиться. У дороги на камне, поникнув головой, сидел инструктор районо Намаз-заде.

Увидев старого друга в такой позе, Мирза Калантар остолбенел. На глаза навернулись слезы. К горлу подкатил комок.

Дружки долго сидели на обочине, объятые грустью. Затем они пропели несколько марсие, взялись за руки и куда-то пошли.

У Мирзы Калантара были три странности, три отличительные черты, которые, казалось, спасали его от несчастий. В один прекрасный день он махнул на них рукой, и приключилась беда.

Где сейчас Мирза Калантар? Чем занимается? Как живет? Трудно сказать, но одно несомненно: подобные Мирзе Калантару люди уже не могут открыто опутывать народ ложью, безнаказанно обманывать честных граждан.

1937

ТАЙНЫЕ ВЫБОРЫ

жителей деревни Хыдырлы есть обычай: если ночью в чей-нибудь дом постучится путник, он должен непременно там заночевать. Иначе хозяин обидится и будет его врагом до конца жизни...

Мне давно не приходилось бывать в Хыдырлы, и я забыл этот обычай.

Вчера меня послали туда для проведения предвыборной работы среди жителей.

Я приехал в деревню поздно вечером и хотел направиться прямо к председателю сельсовета. Но как найти его дом? Тьма — хоть глаз выколи. Над деревней

стояла тишина, которую изредка нарушал собачий лай.

Я дошел до первого попавшегося двора. Ворота были ветхие, сломанные. Постучал. Надо было узнать, где живет председатель.

Немного погодя открылась калитка. Вышел человек с фонарем в руках. Я сразу же узнал его. Это был Мешади Хашим, цирюльник Мешади Хашим.

И он меня узнал. Раскинул руки, обнял, воскликнул:

— Вай, добро пожаловать! Ах, милый, как ты меня обрадовал своим приходом, прямо осчастливил! Прошу в дом...

— Нет, нет, Мешади, — возразил я. — Мне нужен председатель сельсовета. Я к нему...

— Что ты, что ты, дорогой! Теперь я тебя не отпущу! Неужели Мешади Хашим умер?.. Как же это так?.. Его друг будет ходить от ворот к воротам и искать чей-то дом? Входи, входи... Милости просим. У меня как раз гости.

Короче говоря, Мешади Хашим насильно затащил меня в дом.

Мешади Хашима я знаю давно. Он переменял сотню профессий, занимался тысячью дел. Когда-то у него было даже совсем другое имя. Он то взлетал вверх по жизненной лестнице, то падал вниз. А сейчас Мешади Хашим цирюльничает в Хыдырлы. Человек он образованный, знает арабский, персидский языки, разбирается в поэзии. Говорят, в прошлом он был марсеханом. Но я этого утверждать не берусь. Знаю только, что сегодняшняя профессия Мешади Хашима очень похожа на его прежнюю: раньше он стриг людей в переносном смысле, а сейчас — в прямом. Почти одно и то же.

Мы вошли в дом. Присутствующие с шумом поднялись со своих мест. Я даже смутился.

Мешади Хашим, улыбаясь, представил меня гостям.

— Мирза — мой друг, мой дорогой брат. Знакомьтесь. Попросим его сесть на почетное место. Он пришел вовремя. Пусть не скучает, пьет чай и руководит нашим собранием. Но сначала я ему должен сделать выговор. Стучит в мои ворота и говорит: «Хочу остановиться в

сельсовете». Милый, подумаешь, сельсовет! Завтра-послезавтра, может, мы сами станем сельсоветом...

Слова хозяина были встречены громким смехом.

Я прошел и сел на то место, которое мне указали.

Кроме меня и Мешади Хашима, в комнате было еще пять человек. В конце вечера я уже хорошо знал, что из себя представляет каждый. Но, чтобы читатели, как любит говорить Мешади Хашим, не скучали, представлю их сразу.

Первый — Вели, по кличке Братец. В настоящее время он — курьер сельсовета. В прошлом владел в деревне лавочкой пряностей. Словом, человек был зажиточный.

Второй — Чапыг Аббас. В настоящее время — без определенных занятий. В прошлом тоже бездельничал. Каким образом и на что существует — никому не известно.

Третий — Али. В настоящее время — член колхоза. Одновременно занимается спекуляцией. В прошлом тоже был торгашом. Словом, ремесло пророка Мухаммеда вошло в его плоть и кровь.

Четвертый — Мамед Али. Точнее мулла Мамед Али. Но когда его в глаза называют муллой, он воспринимает это как страшное оскорбление.

И, наконец, пятый — мулла Мамед Вели, брат муллы Мамеда Али. Мамед Вели — деревенский мулла. Если его не называют в глаза муллой, он воспринимает это как страшное оскорбление.

После того как Мешади Хашим заверил присутствующих в моей благонадежности, они перестали меня стесняться.

Мулла Мамед Али обернулся к брату и сказал:

— Мамед Вели, Мирза — свой человек. Пойди принеси тот ящик.

Мамед Вели быстро вскочил на ноги и скрылся в соседней комнате. Через минуту он появился с ящиком, очень напоминающим почтовый, поставил его посреди комнаты и обернулся к Чапыг Аббасу.

— Давай сюда свечку, Аббас.

Чапыг Аббас вынул из кармана длинную свечку и положил на ящик.

Я с любопытством следил за происходящим и ничего не понимал.

Вдруг мулла Мамед Вели обратился ко мне.

— Мирза, — сказал он, — объясни, чем мы должны запечатывать ящик?

Я пожал плечами.

— А что это за ящик? Зачем вы его запечатываете? Для какой цели?..

Мулла Мамед Вели удивленно спросил:

— Разве Мешади не посвятил тебя в суть дела?

— Нет.

— Если так, Мешади, объясни все нашему другу.

Хозяин дома поставил передо мной стакан чаю и сказал:

— Мирза, у нас очень важное дело. Мы репетируем, готовимся к выборам и так далее... Ящик, который ты видишь, предназначен для тайного голосования. Мы заранее прикидываем, кому быть председателем сельсовета.

Картина прояснилась. Они хотели получить от меня соответствующую инструкцию.

Мулла Мамед Вели опять обратился ко мне:

— Ну, Мирза, теперь тебе все ясно. Скажи, чем мы должны запечатывать крышку этого ящика. Наше мнение таково: запечатывать можно чем угодно, лишь бы была печать. Верно или нет?

Я утвердительно кивнул головой.

Мулла Мамед Вели обернулся к Вели и приказал:

— Братец, дай печать.

Вели вынул из кармана печать.

Кажется, это была печать сельсовета.

Зажгли свечку, закапали воском ящик и приложили печать.

Началось обсуждение кандидатур.

Мулла Мамед Али первый заявил о своей готовности стать председателем сельсовета. Однако его брат Мамед Вели сказал, что считает себя не менее достойным кандидатом на этот пост.

Слово взял Братец и принялся доказывать, что председателем должен быть только он, так как вот уже два года работает в сельсовете курьером.

Чапыг Аббас долго молчал, но потом залпом осушил два стакана чаю, встал, подбоченился и заявил:

— Мамед Вели, вы знаете, я — безработный! Вдобавок к этому, я чистокровный крестьянин. Клянусь, если меня не выберут председателем сельсовета, я всю деревню опозорю.

Выступление Мешади Хашима длилось ровно полчаса.

Он приводил примеры из арабской и персидской литературы. В конце речи выяснилось, что Мешади Хашим сам хочет занять председательское место.

Поднялся Али и начал объяснять, что из присутствующих он единственный, кто достоин звания председателя сельсовета. Им был выдвинут веский аргумент.

— Я колхозник, а вы — нет!

Что тут началось!

Муллу Мамед Вели заявил колхознику Али:

— Ты ведь торгаш. И в колхоз-то еле-еле пролез. Какой из тебя председатель? Ты пустишь по миру всю деревню.

Глаза Али засветились злобой.

— Уважаемый Мамед Вели, держи себя в руках! — язвительно сказал он. — Хорошо, допустим, я не гожусь на этот пост. А ты годишься? Ведь ты — мулла! Разве священнослужитель может быть председателем сельсовета?

Чувствовалось, эти слова сильно заделали муллу Мамеда Вели. Он поставил на место стакан с чаем, вынул изо рта сахар, зажал его в кулаке и закричал:

— Глупости говоришь, Али! Глупости! Ты меня еще не знаешь. — Я образованный, я человек науки!

Услышав слово «наука», Мешади Хашим не выдержал.

— Эй, ты, послушай! — сказал он. — Нечего заливать про науку. Ты не знаешь и половины того, что знаю я. Я изучал арабский язык, персидский... Я знаю всевозможные науки и так далее...

Желая успокоить брата, который слишком разнервничался, Мамед Али сказал:

— Будет, Мамед Вели, не надо... Здесь есть друзья и есть враги.

Муллу побагровел.

— Во-первых, не Мамед Вели, а мулла Мамед Вели!.. Во-вторых, заткни глотку и не лезь в мои дела!..

Грубость брата задела муллу Мамеда Али.

— Ты сам не лезь! Выскочка! — крикнул он. — Хотя ты и брат мой, но подлец!

Кто-то схватил избирательную урну и швырнул в голову муллы Мамеда Вели. К счастью, тот успел пригнуться, и ящик угодил в окно. Посыпались стекла.

В комнате развернулось ожесточенное сражение. Я едва успел выскочить.

Младшая дочь Мешади Хашима постелила мне в соседней комнате. Я лег, но шум за стеной не дал мне уснуть до самого утра.

На рассвете я собственными глазами видел, как Братца и муллу Мамеда Али унесли домой на носилках.

Я остался дома.

Неожиданно раздался стук в ворота. Мне сказали, что меня хотят видеть какие-то два человека.

Я вышел во двор и увидел муллу Мамеда Вели и Мешади Хашима. В руках у каждого было несколько связанных цыплят.

Мешади Хашим приблизился и сказал:

— Мирза! Принесли тебе несколько курочек и так далее... Понимаешь, мы с муллой Мамедом Вели пришли к соглашению. Теперь между нами нет никаких разногласий. Решили: я буду председателем сельсовета, а он — секретарем...

Муллу Мамед Вели тотчас подскочил ко мне, положил на землю цыплят и сказал:

— Мешади чуть-чуть ошибся! Дома мы решили, что председателем буду я, а секретарем — он. Как бы там ни было, не думаю, чтобы из цирюльника мог выйти председатель сельсовета.

Мешади Хашим недоуменно глянул в лицо муллы Мамеда Вели и протянул:

— Мамед Вели...

— Не Мамед Вели, а мулла Мамед Вели.

— Оказывается, у тебя нет ни капли совести, мулла, и так далее...

— Сам ты бессовестный! Ступай, стриги своих клиентов!..

Мешади Хашим и мулла кинулись друг на друга. Я поспешил ретироваться.

На перевыборном собрании не было Братца и муллы Мамеда Али. Они не смогли присутствовать по болезни. Чапыг Аббас тоже не появился. Крепко досталось колхознику Али. При обсуждении его кандидатуры выступающие говорили, что он занимается спекуляцией.

Председателем сельсовета избрали пожилого опытного колхозника.

Вот уже два дня младшая дочь бывшего председателя сельсовета не может переловить во дворе цыплят, принесенных муллой Мамедом Вели и Мешади Хашимом. Мулла самолично раза три являлся за ними.

Просто надоел нам!

1937

МОИ ЗНАКОМЫЕ

Некогда один мой знакомый упорно доказывал, что подобно тому, как с годами меняется значение многих слов, точно так же претерпел изменение и смысл слова «мулла». Конечно, я своему знакомому не поверил и даже сделал выговор в соответствующих выражениях. Но впоследствии мне пришлось признать его правоту.

Действительно, очень часто в зависимости от обстоятельств смысл слова «мулла» теряет свое первоначальное значение.

У меня есть знакомый мулла Фарадж. Он живет недалеко от нас в доме с балкончиком. Каждый день, отправляясь рано утром на работу, я вижу, что и мулла Фарадж куда-то спешит. Конечно, мы здороваемся, а иногда даже он спрашивает:

— Как самочувствие, Мирза?

— Спасибо, мулла-ами,— отвечаю я,— чувствую себя неплохо.

Но вот однажды рано утром я не встретил муллу Фараджа.

Прошло несколько дней. Вижу — нет, мой мулла не появляется, исчез куда-то.

Я расспросил одного, другого. Выяснилось, что мулла Фарадж уехал в деревню. В какую именно, зачем — неизвестно.

Лично я — человек новый. Если даже в каких-нибудь закоулочках моего сознания иногда и встретится старенькая мыслишка, тем не менее я вполне новый, современный человек.

Но почему-то на моем пути часто встречаются люди старого уклада.

На углу у нас есть чайная. Если вы туда зайдете, непременно встретите там человека по имени Гасан. Он таскает в чайную воду. Кроме этого, Гасан годится и для других дел.

Например, клиенты кричат:

— Гасан, купи мне несколько лимонов.

— Будет сделано.

— Гасан, у меня есть килограмм шафрана. Сможешь продать?

— Будет сделано.

— Гасан, мне нужна прислуга, только помоложе.

— Будет сделано.

Гасан помогает всем, выполняет любые поручения. Как он услужлив!

Однако имя этого человека не такое уж простое и коротенькое. Совсем недавно его звали Гасан Церемония.

Это случилось во время магеррама. Ахунд мечети, где служил Гасан (тогда он только что появился в городе), закончил чтение проповеди. Гасан ходил по

мечети и собирал деньги. То и дело раздавался его зычный голос:

— Ахунд-ами, Кеблаи Сафар дал десять рублей!..

Ахунд с кафедры отвечал:

— Да пошлет аллах его отца по райской дороге! Да сбудется воля аллаха!

— Ахунд-ами, Мешади Али — двадцать рублей!..

— Да уготовит аллах на том свете рай всем его родным и близким, всем его потомкам! Да сбудется воля аллаха!

— Ахунд-ами, Салам-киши — двугривенный!..

Услышав это, ахунд воскликнул:

— Мулла Гасан, не порть мне церемонию, не порть церемонию!

После этого случая квартальные мальчишки дали мулле Гасану прозвище Гасан Церемония.

Гасан — мой приятель. С того времени, когда он собирал в мечети деньги, и до сего дня ничто не омрачило нашей дружбы.

Каждый день, возвращаясь с работы, я справляюсь о его самочувствии. Он тоже относится ко мне с должным уважением.

На днях я стал свидетелем такой картины. Гасан сидел перед чайной и слушал школьника, который читал вслух газету.

Увидев меня, Гасан вскочил и пошел навстречу.

— Ты читал?

— Что?..

— Конституцию...

Я оторопел.

Гасан был так обижен на советскую власть, что не читал не только газет, но даже налоговых квитанций, поступающих в чайную. Что же произошло? Почему он заговорил о конституции?..

— Какую конституцию? — спросил я.

— То есть как какую? Конституцию нашего правительства...

Гасан заговорил со мной каким-то новым языком. Я подумал: уж не хочет ли он проверить очередную аферу?

— Да, читал,— ответил я равнодушно.

— Ты понимаешь, как это здорово! Теперь я займусь своим старым ремеслом. Да, Мирза, я буду читать мар-

сне! — Гасан возвысил голос до крика: — Ай молодец, Гасан! Теперь у тебя не будет времени считать заработанные деньги. Ай, Гасан!

Через несколько дней Гасан исчез.

Я начал расспрашивать людей. Мне отвечали, что наш Гасан превратился в гаджи¹ мулла Гасана и уехал в деревню. В какую, зачем — неизвестно.

Летом я поехал на недельку к брату в деревню.

От станции предстояло несколько километров идти пешком. Оказии не было. Нещадно палило солнце. Пыль стояла по колено. Я устал, хотелось пить.

Вдруг слышу, сзади нагоняет машина. Я вышел на середину дороги, поднял руку.

Шофер затормозил. Из машины кто-то крикнул:

— В чем дело? Чего останавливаешь?

Голос показался мне знакомым. Однако я не стал разгадывать, кто это, и спросил:

— Помоги, братец. Довезите до деревни. Замучился...

Из окна высунулась голова.

— Нельзя, это государственная машина...

Человек запнулся и удивленно уставился на меня. Вижу, лицо знакомое.

Мужчина усмехнулся.

— Ты не узнал меня?

— Нет... Но...

— Какое там «но»! Я — Фарадж.

Да, это был мой старый знакомый. Я удивленно воскликнул:

— Мулла Фарадж?!

— Молчи... — мулла Фарадж кивнул на шофера и тихо добавил: — Молчи, несчастный. Я не мулла Фарадж, я Фарадж Заманов. Ну, лезь в машину.

Я сел.

Внешне мулла Фарадж сильно изменился. Он остриг свою длинную бороду, а от его пышных усов остались только две тоненькие черные полоски. Волосы на голове отросли и были зачесаны набок.

— Что за вид? — спросил я тихо.

Фарадж шепотом ответил:

— Сейчас я секретарь правления колхоза.

— А как же старая профессия?

— Пока что пришлось отложить. Будет время, опять возьмусь за прежнее ремесло. Только, прошу тебя, помалкивай.

У дома брата я вылез из машины.

Мулла Фарадж заставил меня несколько раз поклясться, что я буду молчать, и только тогда поехал своей дорогой.

Выйдя на следующий день из дому, я увидел странную картину: колхозники сидели по обеим сторонам улицы и внимательно слушали человека, который горячо ораторствовал.

Я хотел пройти мимо, но, взглянув на говорящего, остолбенел: это был Гасан, Гасан Церемония.

Он тоже узнал меня и запнулся.

Воспользовавшись паузой, кто-то из крестьян крикнул:

— Ты кажется, умом тронулся, братец!

— Вот и нет! — быстро парировал Гасан. — Клянусь вам, у меня голова работает лучше, чем прежде. Сейчас я вам расскажу о выборах в сельсовет. Это будут тайные выборы. Но советовать никому не возбраняется. Например, я предлагаю выбрать в сельсовет колхозного секретаря Заманова. Есть ли у нас в деревне человек лучше?

Седоволосый старик вынул изо рта чубук, выколотил его о камень и сказал:

— Послушай, гражданин!.. Раньше я думал, что ты только плут, а сейчас вижу, нет: ты вдобавок и мошенник. Убирайся лучше отсюда подобру-поздорову, а не то мы проводим тебя с собаками.

Кто-то другой добавил:

— Какое тебе дело, кого мы выбираем? Мулле нечего соваться в подобные дела.

— Посмотрите, кого он советует! Заманова!..

— Сразу видно: хромого ишака подковывал слепой кузнец.

Колхозники так напустились на Гасана, что он едва ноги унес.

Накануне моего отъезда Фарадж Заманов был разоблачен на колхозном собрании.

¹ Гаджи — паломник; это слово прибавляется к имени человека, совершившего паломничество в Мекку.

Случай почему-то всегда сводил меня с Гасаном. Я был свидетелем всех важных событий его жизни. Мы опять с ним встретились в Баку. Догадаетесь где?

В Баксовете.

В последний раз я видел его в деревне. Он бежал от колхозников, путаясь в полах своей абы. А сейчас его трудно было узнать. Он отрастил длинную бороду и походил лицом на святого. На нем был халат из дорожной парчи, на ногах — позолоченные туфли, на голове — папах из бухарского каракуля.

Увидев меня, Гасан сделал вид, будто не узнает, и даже не поздоровался. Но зато я видел, как он здоровается с другими. Стоило кому-нибудь войти в приемную, Гасан степенно приподнимался, громко приветствовал и снова опускался на стул.

Приемная Баксовета была набита битком. Каждый, кто входил, недоуменно поглядывал на Гасана. Лишь несколько человек не постеснялись подсесть к нему и завести разговор.

Откашлявшись, Гасан обратился к одному из них:

— Братец, какова цель вашего визита в Баксовет? Зачем пожаловали?

— Да буду я твоей жертвой, мулла-ами, давно мы не слышали таких вежливых речей... Говори, говори...

— Я хочу спросить, зачем ты сюда явился?

— Горе у меня... Поэтому... У меня на Зеленом базаре фруктовая лавочка. Пришел по поводу налога.

— А ты зачем пожаловал, братец? — обратился Гасан к другому.

— У меня собственный дом, а квартирант не хочет платить. Говорит, время хозяев прошло. Я хочу, чтобы мне вернули мою комнату. Потому и пришел.

— Вернем. Я уверен, вернем!

Это слово «вернем» всех удивило. Кто-то насмешливо спросил:

— А кто ты такой, мулла-ами? На каком основании ты говоришь «вернем»?

Гасан обернулся, вытаращил глаза и заговорил, словно читал с кафедры проповедь:

— То есть, как это?.. Разве вы не читали новую конституцию?.. Вы не смотрите, что я мулла, я — новый мулла, современный мулла...

Пожилой мужчина в очках пробасил:

— Ты с ума спятил или прикидываешься... Что значит — новый мулла, современный мулла?

Однако Гасан не собирался сдаваться.

— Ты не имеешь права так со мной разговаривать! Вот пожалуюсь начальнику. Я как раз пришел к нему за разрешением... Хочу открыть мечеть...

— Иди, иди отсюда! Не позорься! Ступай в чайную! Прошли старые времена! Теперь нас не проведешь.

В приемной поднялся невообразимый шум. Гасану пришлось спасаться бегством.

Теперь по утрам, идя на работу, я не встречаю муллу Фараджа. Не знаю, что с ним стало. Одни говорят, что его посадили за растрату колхозных денег. Другие утверждают, будто мулла Фарадж работает в каком-то магазине-кооперативе. А третьи просто не снисходят до того, чтобы говорить о нем.

Что касается Гасана, его я вижу ежедневно, возвращаясь с работы. Он опять устроился водителем в чайную...

И снова можно услышать такой разговор:

— Гасан, раздобудь немного шафрану!

— Будет сделано, — с готовностью отвечает он.

Вчера я шел мимо. Гасан подбрасывал в самовар угли. От дыма у него слезились глаза. Он подбежал ко мне, отряхивая с рук угольную пыль, и тихо сказал:

— Не удалось мое дело, мирза. Как я ни старался, ничего не вышло. Прежде народ был хороший, а сейчас испортился. В конституции пишут: мечеть можно открыть. Откроешь, и разрешение тебе дадут. Но все стали вероотступниками. Никто не хочет туда идти! Короче говоря, из профессии муллы не будет никакого проку. Слава аллаху, хоть в чайную люди ходят. Спасибо этим самоварам! Пока народ не отказался от чая, можно жить припеваючи. Но боюсь, потом и чайную закроют. Тогда плохи мои дела!

Я спешил, поэтому был вынужден проститься с Гасаном.

1937

асма-хала постучала в ворота своего соседа Алескера, заведующего сельпо.

— Эй, Алескер, ты из города приехал? Нет ли

каких вестей о моем сыне?

Алескер вышел за ворота. В руках у него был стакан с недопитым чаем. Увидев соседку, он рассердился.

— Послушай, милая, чего это ты ходишь спозаранку? Не даешь людям чаю спокойно напиться! Я ведь не на фронте был. Где я мог узнать о твоём сыне? В городе новости по карточкам не распределяются. Ну и глупость мы спорили, породнившись с тобой!..

Алескер захлопнул калитку перед носом Масмы-халы.

Понутив голову, Масма-хала отошла и постучала в ворота Мамеда-киши.

Председатель колхоза рубил во дворе тушу только что зарезанного барашка. Услышав стук, он крикнул сыну:

— Эй, Билал, посмотри, кто там. Только не вздумай открыть калитку!

Билал сообщил, что это Масма-хала.

Мамед-киши отнес тушу в дом. Шашлык, который жарился на жаровне, только что начал румяниться. Мамед-киши разбросал угли, чтобы убавить огонь, вытер руки о штаны и вышел к воротам.

— Что надо, Масма-хала?

— Ай, Мамед! Нет ли каких новостей о мальчике? Я думаю, может, ты напишешь от имени колхоза... Пусть хоть что-нибудь сообщат...

Мамед-киши захлопнул калитку и двинулся вниз по дороге. Он хотел увести Масму-халу подальше от дома, чтобы она не учуяла запаха шашлыка.

— О каком мальчике ты говоришь, Масма-хала? — спросил он наконец.

— О моем сыне Новрузе...

— А давно нет известий?

— Больше двух лет. Будто сам не знаешь...

Когда Мамед-киши увидел, что они уже достаточно далеко отошли от ворот, он остановился и сердито сказал:

— Послушай, Масма-хала! Дом председателя колхоза — это не призывной пункт и не военкомат, чтобы писать бумаги на фронт. И нечего бродить по деревне ни свет ни заря. Приедет — сам приедет, а не приедет, — значит, не приедет.

— Нет, Мамед, больше я не могу терпеть, клянусь аллахом. Целыми ночами глаз не смыкаю.

— Спи днем. Мы ведь тебя на работу не посылаем. Клянусь, если б мне дали возможность, я бы спал беспробудно целый год и все равно не насытился бы сном.

Масма-хала глубоко вздохнула.

— Днем, говоришь, спать? А кто же за меня работать будет? Эх, родня, родня... Никто помочь не хочет!

Мамед-киши понял, что это камушек в его огород.

— Откровенно говоря, Масма-хала, сейчас человек и близкому родственнику помочь не может, что уж говорить о дальних? Время тяжелое. Месяцами кусочка мяса не видим.

Вдруг из-за спины Масмы-халы вынырнул Билал.

— Отец, иди скорей, шашлык горит!

Мамед-киши даже вздрогнул. Он обернулся и так треснул сына по голове, что у бедняги чуть глаза не вылетели.

— Сон тебе приснился, бездельник?! Откуда у нас шашлык? Наверное, где-нибудь осла клеймят. Потому и запах такой... Иди, я сейчас приду.

Масма-хала не пожалала протянутой ей руки.

Немного погодя она встретила кеблаи Замана, своего дальнего родственника. Обычно Заман целыми днями слонялся по деревням без дела. Это был махровый спекулянт, но все свои аферы он устраивал тайком, и доказать что-либо было трудно.

Масма-хала окликнула его:

— Здравствуй, кеблаи!¹

Заман подошел ближе и окинул Масму-халу свирепым взглядом. Обращение «кеблаи» задело его. Он давно уже отказался от этой приставки к своему имени.

— Кто ты такая, женщина? Не припомню что-то...

— Это я, кеблаи, Масма, мать Новруза.

— Какого Новруза? Новруза, сына Мюрсала? Но ведь его мать, кажется, давно умерла...

— Нет, кеблаи, причем здесь сын Мюрсала Новруз? Мой сын Новруз работал трактористом. Я — жена Зейнала. Ведь вы с Зейналом родня.

Заман был вне себя оттого, что Масма-хала несколько раз подряд назвала его «кеблаи».

— Нет, нет, баджи², я не знаю никакого Зейнала. Прощай! — Он двинулся своей дорогой.

Масма-хала сначала растерялась, а потом подумала: «Наверно, Заману память отшибло. Стар уже...»

У Масмы-халы в деревне было еще несколько родственников. Однако к ним она не пошла.

Женщина остановилась посреди улицы, задумалась.

Что же это за родственники? После ухода Новруза на фронт они словно перестали ее узнавать. Чужие люди в сто раз роднее и ближе. Например, Салима... Девушка каждый день навещает ее. Колхозный бригадир Курбан поселился у них в деревне уже после отъезда Новруза. Но и он часто заходит в гости, расспрашивает о жизни. А ей большого и не надо. Масма-хала не нуждается ни в чьей помощи. Новруз оставил ей кое-какие сбережения, на них она и живет.

У соседа Гафара-киши четверо сыновей на фронте. Их семьи остались на иждивении старика. У него нет ни одной свободной минутки, и все-таки он умудряется каждое утро забежать справиться о ее здоровье.

Таких, как она, не счесть: в каждой семье кого-нибудь ждут. Встречаясь, расспрашивают друг друга, интересуются новостями. Если одна семья получает письмо или кто-нибудь возвращается с фронта, радуются все, у всех праздник.

— Не горюй, Масма-хала, не сегодня-завтра твой сын придет!

Масма-хала очнулась от своих мыслей. Перед ней, улыбаясь, стоял бригадир Курбан.

— Ах, Курбан,— грустно ответила она.— Если бы я получила от Новруза хоть какую-нибудь весточку!

— Получишь, получишь. Рассказывают, он храбрый парень. А смелого пуля боится!..

Курбан и Масма-хала разговорились. А когда они собрались прощаться, на холме вдруг показался почтальон Салман.

— Эй, Масма-хала! Масма-хала! — закричал он и побежал в их сторону.

Сердце у Масмы-халы забилося. Она не смогла вымолвить ни слова.

— В чем дело? — спросил Курбан.— Письмо есть?

— Идите скорей в сельсовет,— ответил Салман, размахивая газетой.— Кахраман¹ стал Новрузом.

И почтальон исчез.

Масма-хала удивленно посмотрела на Курбана:

— Что он сказал? Кто такой Кахраман Новрузов?

¹ Кеблаи — почетный титул мусульманина, совершившего паломничество в Кербелу — священный город шиитов.

² Баджи — сестра; вежливое обращение к женщине.

¹ Кахраман — распространенное в Азербайджане имя, дословно — герой.

— Ума не приложу. Пойдем узнаем, в чем дело. Мне кажется, у нас в деревне нет никого по имени Кахраман.

— Зачем же тогда он звал меня?

Масма-хала и Курбан зашагали к сельсовету. Ноги у Масмы-халы заплетались. Она едва шла. В голове мелькали тысячи разных мыслей. Может, какая-нибудь неприятная весть? Но человек, принесший неприятную весть, не станет кричать на все село... Если пришло письмо от Новруза, почему он не вручил его сразу? При чем здесь сельсовет?

Когда Масма-хала, задыхаясь от волнения, передумав буквально все на свете, добежала до сельсовета, она увидела во дворе толпу колхозников.

Почтальон Салман воскликнул:

— Ну, Масма-хала, с тебя магарыч. В портрете напечатана его газета.

Почтальон Салман был славным человеком. Но у него был один большой недостаток — все говорить шиворот наыворот. Колхозники знали об этом и, когда он говорил, мысленно переставляли слова, чтобы понять смысл.

Но сейчас Масма-хала была не в состоянии заниматься перестановкой слов. Мысли путались у нее в голове.

— Послушай, Салман, объясни хорошенько, кто такой Кахраман Новрузов?

— Да нет же, я говорю, что твой сын стал героем. Или опять не понимаешь?

Салима, молодая двадцатидвухлетняя девушка-комсомолка, работающая секретарем сельсовета, подошла и обняла Масму-халу.

— Поздравляю тебя, Масма-хала! — Краснея, Салима объяснила: — В газете напечатали портрет Новруза. Он совершил геройский поступок, и его наградили орденом. Выходит, он жив и здоров.

Трудно было передать радость счастливой матери. Она крепко расцеловала Салиму, от чего та зарделась еще больше.

Перед войной вся деревня смотрела на Новруза и Салиму как на жениха и невесту. После ухода Новруза на фронт к девушке сваталось несколько человек, но она всем отказала. Потому-то Салима и застыдилась, когда Масма-хала поцеловала ее при всех.

Однако никто из колхозников не стал обращать внимания на такие детали. Весть о том, что Новруз жив-здоров и совершил геройский поступок, мигом облетела деревню. Масму-халу окружили, жали ей руку, поздравляли.

Кто-то воскликнул:

— Есть предложение резать барашка!

— Зарезать!.. Зарезать!..

— Выберем на ферме барашка пожирнее!.. Новруз был членом колхоза, имеем право!

Салима возразила:

— Почему же на ферме? У меня есть хороший баран. Давайте его и зарежем.

Через минуту притащили барана.

Салима взяла Масму-халу под руку. Старые и молодые, женщины и дети торжественно двинулись вслед за ними.

...Покончив с шашлыком, председатель колхоза Мамед-киши расправил масляными пальцами усы и обернулся к сыну.

— Эй, Билал, если меня кто-нибудь спросит, скажи, ушел на работу. Я буду у заведующего сельпо Алескера. Если же случится что-нибудь серьезное, прибежишь, тихонько дашь мне знать.

Мамед-киши надел галоши и вышел за ворота. Его внимание привлекли голоса и шум в противоположном конце улицы. Он пригляделся: вверх по дороге шла большая толпа колхозников.

«Что это может быть?» — подумал он.

Толпа приблизилась. Впереди всех шла Масма-хала. Мамед-киши забеспокоился.

«Может, Масма-хала нажаловалась на меня? Дескать, родственник, не помогает... — Мамед-киши рассердился: — Семейственность тут разводят!»

И он решил, как только толпа поравняется с ним, при всех отказаться от родства с Масма-халой.

На всякий случай он принял меры предосторожности — открыл калитку и закричал:

— Эй, Билал, спрячь шампуры.

— Что ты говоришь, папа? Какие куры?

— При чем здесь куры, осел? Говорю: спрячь шампуры, шампуры от шашлыка.

Билал схватил с жаровни шампуры и отнес в дом.

Мамед-киши двинулся навстречу толпе. Он уже открыл было рот, чтобы отчитать Масму-халу, но тут заметил, что колхозники не обращают на него никакого внимания. Тащат на веревке барана... Мамед-киши удивился.

Рядом с Масмой-халой шел почтальон Салман. Мамед-киши подошел к нему и спросил:

— В чем дело, товарищ Салман? Что случилось?

— Как, что случилось? — закричал Салман. — Герой стал Новрузом!

Мамед-киши оторопел. Он знал привычку почтальона менять порядок слов. Быстро сделав в уме перестановку, он сообразил: «Выходит, Новруз стал героем».

Мозг Мамеда-киши заработал, как мельничный жернов:

«Значит, Новруз живой, да еще совершил геройский поступок. Наверно, грудь его покрылась орденами. Кончится война, он вернется в деревню. И тогда колхозники могут выбрать его председателем колхоза».

Мамед-киши разволновался, растерянно заморгал глазами. И вдруг его осенило. Он широко раскинул руки и двинулся к Масме-хале.

— Ай, Масма! — воскликнул он. — Наш Новруз жив! Какое счастье!

Не успела Масма-хала опомниться, как Мамед-киши заключил ее в крепкие объятия и закричал еще громче:

— Эй, Билал, ставь чайник! К нам гости идут!

Билал высунул голову из калитки и ответил:

— Я спрятал, папочка... Спрятал все шампуры.

— Заткнись, осленок! При чем тут шампуры? Ставь чай! У нас гости!

Масму-халу с трудом удалось вырвать из рук Мамеда-киши.

Толпа прошла дальше.

Из-за угла вышел кеблаи Заман. Увидев Масму-халу, он хотел отвернуться, но передумал.

«Что случилось? Почему она окружена таким почетом?»

В сердце Замана закралось сомнение: может быть, вернулся Новруз? Решив, что в подобной ситуации нужно действовать осторожно, он подошел к Мамеду-киши и поинтересовался, что произошло.

Председатель колхоза, огорченный тем, что Масма-

хала не обратила на него внимания, решил обмануть Кеблаи Замана. «Как бы он не опередил меня и не втерся первым к ней в доверие», — подумал Мамед-киши.

— Проходи, проходи... — строго сказал он кеблаи Заману. — Нашел время приставать!

— Да что случилось?

— С фронта пришло известие: Новруз ранен. Увидит тебя мать — еще больше затоскует. Проходи.

Однако от кеблаи Замана не так-то легко было отвязаться. Такое известие! Новруз ранен...

Кеблаи Заман сделал грустное лицо и подошел к Масме-хале.

— Не горюй, Масма-хала. Если аллаху будет угодно, он поправится. Заживет его рана...

Все в изумлении переглянулись. Масма-хала недоумевала.

— Послушай, кеблаи, а кто ранен?

— Как, кто ранен? Да ведь говорят, твой сын ранен.

Колхозники засмеялись.

— Эх, кеблаи! — сказал Курбан. — Видно, ты забыл голову там, где торговал курами. Никто не ранен. Иди своей дорогой...

— А что же случилось? Почему вы собрались?

— Новрузу дали орден. Понятно?

Известие не обрадовало кеблаи Замана. Ведь после ухода Новруза на фронт он делал вид, будто не знает Масму-халу. Что же теперь будет?

Кеблаи Заман был не из тех, кто долго думает. Он решил немедленно поздравить счастливую мать. Однако рядом с ним уже никого не было. Он один стоял посреди улицы.

Кеблаи Заман, задыхаясь, побежал за толпой.

Радостная весть перешла из дома в дом. Все шли поздравлять Масму-халу.

В ее доме было шумно и весело, как на свадьбе. Газету с портретом Новруза передавали из рук в руки. У всех на устах было только его имя.

Гости расположились во дворе. Зарезали барана. Лицо Масмы-халы светилось гордостью и счастьем. Ей еще никогда не приходилось выступать перед таким количеством людей. Но сейчас она чувствовала, что не может не говорить.

— Дети мои! — начала она.

Музыка тотчас смолкла.

— Я дожила до того дня, когда мой Новруз стал героем. Как мне хочется, чтобы каждая мать обняла своего сына! Да придет тот час!

— Спасибо, родная!.. Будь счастлива!

Масма-хала обернулась. В дверях стоял заведующий сельпо Алескер. В руках у него были стограммовая пачка чая и кулечек с конфетами.

Масма-хала пристально посмотрела ему в глаза и не ответила на приветствие. Потом повернулась к гостям и так закончила свою речь:

— Никому не нужны такие родственники! Ты, Алескер, — моя дальняя родня. Эти же хорошие трудолюбивые люди — мои братья и сестры. А есть ли кто ближе, роднее братьев и сестер?

Веселье затянулось. Все гордились тем, что их односельчанин Новруз стал героем.

Колхозники написали Новрузу коллективное письмо. Под письмом не было только трех подписей.

1944

авскладом овощной базы Мамед Гарибов открыл глаза, вскочил с постели и принялся торопливо одеваться.

— Что с тобой Мамед? — удивилась жена. — Еще рано... Куда ты?

Гарибов даже не взглянул на жену и продолжал натягивать на ноги галифе. Лицо было мрачное, удрученное.

— Ночью видел во сне сырое мясо, — сказал он наконец. — Слышишь, жена? Надо найти газету «Коммунист». Интересно, в чем дело?.. Сырое мясо плохой признак.

Наполовину очищенная картофелина вывалилась из рук жены и покатилась по полу.

— Что ты говоришь, Мамед? Какое отношение имеет газета «Коммунист» к твоим сновидениям?

— Не понимаешь? Не понимаешь! — вспылал Гарибов. — Вот уж истинно — женщина... Издай хоть сто приказов — все равно не сообразишь. Тридцать лет тебя натаскиваю, а ты до сих пор не разбираешься в моих делах. Стоит мне увидеть во сне сырое мясо, как я сейчас же попадаю в газету. Наверно, и на этот раз что-нибудь стряслось. Живо достань мне свежую газету.

— А хвалить тебя не могут?

— Похвалят обухом по голове. В последний раз отделался легким испугом, всего-навсего распрощался с местом. Теперь будет по-другому. Десятью годами дело пахнет.

Жена кухонным полотенцем смахнула с глаз набравшую слезу и горестно покачала головой.

— Не дай аллах случиться такому! Но ведь не каждого, кто попадает в газету, выгоняют с работы. Не понимаю, что ты натворил? За что о тебе могут написать?

Причитания жены вконец расстроили Гарибова. Он свернул сигарку, вставил ее в мундштук, оторвал край газеты, запалил ее от керосинки, прикурнул, швырнул горящую бумагу на коврик и затоптал ногой.

— Значит, не понимаешь? — спросил он после жадной затяжки.

— Не понимаю...

— Для понимания нужна голова. Эх, ты!.. Ладно, сейчас я тебе все растолкую. Помнишь, я работал в Азторге?

— Как же не помнить?.. Помню. Ведь мы тогда жили по-хански. Сколько у нас было сахара! Перед домом очереди выстраивались, как перед магазином...

— Не перебивай. А чем кончилась история с Азторгом? Работал я там в охотку, вдруг в газете «Коммунист» статья. А перед этим накануне я видел во сне сырое мясо. После статьи мне сейчас же дали под зад. Пришлось перебазироваться в сельпо. Помнишь?

— Неужто забыла! Сколько у нас было круп!.. Продавали направо и налево.

— А чем кончилась история с сельпо? Опять сырым мясом. Помнишь, целый год я шатался без работы. Прикрутил керосинку, коптит... Наконец кое-как устроился на нефтесклад. Ты помнишь?

— Как не помнить? Мы тогда купили этот ковер, который у нас под ногами.

Гарибов скосил глаза на пол, вздохнул и продолжал:

— Да, чудное было время! Эх, нефтесклад!.. Мне казалось порой, что я сам Муса Нагиев¹, что это мои скважины бьют день и ночь фонтанами. Удивительная штука — нефть! Настоящее золото, золото, которому нет конца.

— И не было...

— Помню, однажды вечером я подвыпил, лег спать и мне опять приснилось сырое мясо. А наутро опять в газете «Коммунист» статья, и снова судебная волокита...

Вместо ответа жена вторично прижала к глазам засаленное полотенце.

Гарибов выбил мундштук, окурочок покатился по ковру. Он наступил на него ногой и продолжал:

— Да, целый год таскали меня по судам. Кое-как выкрутился. Деньжата уже подходили к концу, а тут еще война грянула.

Жена глубоко вздохнула.

— Тогда ты продал мое жемчужное ожерелье...

— Не перебивай, жена. Потом я устроился в хлебный магазин... Я тебе сказал, прикрутил керосинку, коптит.

Жена нехотя подошла к керосинке, поправила фитиль, обтерла пальцы о подол платья и снова вернулась к мужу.

— Ах, как ты меня огорчил! Как ты меня расстроил! Ну, а мясо, которое ты видел во сне, было жирное?

— Нет, грудинка. Не перебивай... Помнишь, как я торговал хлебом?

— Как же не помнить? У меня мозоли с рук не сходили. Шутка ли — с утра до вечера разглаживать утюгом мягкие деньги и складывать их в сундук...

При упоминании о деньгах глаза Гарибова лихорадочно заблестели.

— А куда уплыли эти деньги?! — воскликнул он. — Что было потом, помнишь? Однажды ночью мне опять приснилось сырое мясо, и все твои разутюженные деньги перекочевали в карманы адвокатов. Еле выкрутился. Вот уже полгода как я устроился на овощную базу. Слава аллаху, живем понемножку, перебиваемся кое-как. Так

¹ Муса Нагиев — крупный бакинский нефтепромышленник.

нет же, опять увидел во сне сырое мясо. Сбегай к соседям. Узнай, принесли газету?

— Постой, я тебе сначала картошку поджарю.

— Что?! Опять картошка? Сколько можно? Надоело!..

— Что делать, муженек? Ведь ты, кроме картошки, ничего больше не приносишь домой. А она гниет... Каждый день килограмм десять выбрасываю.

— Ничего не поделаешь. Мы сейчас проводим заготовку картофеля. На складе ничего больше нет. Ну, живенько беги к соседям, узнай, принесли газету?

Жена кинулась к дверям.

Гарибов несколько раз прошелся по комнате и принялся опять торопливо скручивать сигарку.

В комнату с газетой в руках вошла жена.

— Вот, только что принесли.

Гарибов коршуном бросился к газете, развернул ее, принялся пожирать глазами столбцы.

Жена замерла, уставившись в лицо мужа, затем взмолилась:

— Ради бога, читай вслух. Я тоже хочу слушать.

— Ну, что тебе? Что ты хочешь слушать? Так... От советского информбюро... Славный герой... План выполнен... Это ко мне не относится. Дальше... Гариб... Гариб... Дай стул, жена, ноги не держат...

— Что с тобой, Мамед? Что с тобой?

— Сбылся сон. Пропал я!..

— Прочти же до конца.

— Что там читать?! Вот заголовок: «Гарибов-аферист»... Тебе содержание надо?

— Ох, содержание мне уже известно...

Гарибов встал и, хватаясь за спинки стульев, поплелся к столу. Открыл ящик, вытащил какой-то сверток.

— Возьми, жена. Спрячь куда-нибудь. Посадят меня — наймешь адвоката. Не дают спокойно жить! И ведь чувствовал!.. Ну теперь убедилась в моей способности предсказывать будущее?

прошлом году, как раз в это время женился Ахмед из нашего квартала. Редкий человек не знает его отца Ганбара-киши, заведующе-

го складом одного очень крупного предприятия. И дом их расположен рядом со складом.

Убедительно прошу, пусть это обстоятельство не наводит вас на дурные мысли,— Ганбара-киши еще никто не уличил в воровстве.

Правда, он немного поощряет семейственность. Например, сын оформлен его заместителем, жена проходит по штату как заготовитель. Однако на работе склада

это нисколько не отражается. Он функционирует отлично, как аптечные весы.

Но сейчас разговор пойдет не об этом. Я хочу рассказать о свадьбе Ахмеда. Ах, что это была за свадьба! Не часто такую увидишь! Гремели зурны, звучали тары, собирали шабаш¹. Одним словом, Ахмед был безумно рад женитьбе на такой красивой девушке. Казалось, длись эта свадьба сорок дней и сорок ночей, ему все равно не надоело бы.

Образование самого Ахмеда не превышает семи классов, зато невеста его учится в институте. Зовут ее Джейран². Вот уж девушка, поистине достойная своего имени! Когда она идет — от нее невозможно глаз отвести, когда говорит — кажется, поет соловей, а засмеется — словно розы вокруг рассыпаются.

Короче говоря, присутствующие думали, что Джейран явилась на свадьбу прямо из сказки. Ахмед чувствовал себя на седьмом небе и без конца шептал на ухо невесте:

— Там не садись, сядь здесь!.. Там не стой, встань здесь!.. Накинь на плечи шаль. Продует сквозняком... Джейран, милая, скушай кусочек... Джейран, жизнь моя, выпей полстаканчика чайку...

Ахмед увивался вокруг своей невесты, как волчок. Он находился в полной боевой готовности, будто ждал, что на Джейран вот-вот кто-нибудь нападет, жаждал отдать за нее жизнь.

Певец всю ночь распевал о «джейран». В знаменитой песне «Куропатка» он даже кое-что переделал: вместо «кеклик»³ вставил «джейран».

Ахмед и Джейран сидели за столом рядом. У девушки были выющиеся мягкие, как шелк, волосы. Они спускались на плечи и делали ее еще прелестнее.

За окном завывал декабрьский ветер, а в доме было жарко, как в летний зной. Порой невесте хотелось обмахать себя белым платочком. Ахмед вырывал платок и сам принимался ее обмахивать. Он не позволял невесте пальцем шевельнуть.

Кому-то из гостей понадобилась соль. Джейран хотела передать солонку, которая стояла перед ней. Ахмед

покраснел от гнева, выхватил солонку и зашептал на ухо девушке:

— Зачем поднимаешь тяжелую солонку? Пусть сам возьмет...

Короче говоря, свадьба была что надо. Все радовались, все хором кричали «ура».

Гости перешептывались:

— Ахмед подстрелил красивую газель. Видно, он искусный охотник!

Времени со дня свадьбы прошло порядком.

Вчера я проходил мимо дома Ганбара-киши. Хозяин стоял в дверях и сосал трубку. У всех, кто курит трубку, есть одна привычка — не иметь при себе спичек. Вот и мне пришлось остановиться, чтобы дать ему прикурить.

К дому подъехала большая грузовая машина. В кузове стоял Ахмед. Он посмотрел на меня и улыбнулся. На нем был красивый костюм, галстук в горошек и кепка, напоминающая крышку от кастрюли, разрисованная словно шахматная доска.

Некоторое время мы смотрели друг на друга и бессмысленно улыбались. Наконец Ахмеду надоело это занятие, он повернулся к дому и закричал:

— Эй вы, там!.. В чем дело? Мы опаздываем!

Калитка распахнулась. Я увидел женщину с большим мешком на плечах. Она, пошатываясь, двинулась к машине. Ахмед чуть нагнулся, чтобы подхватить мешок, но не достал.

— Эй, подними выше плечо! — крикнул он.

Женщина встала на цыпочки, изловчилась и каким-то образом перекинула мешок в машину.

Она обернулась, и я узнал ее. Джейран!.. На ней было старое платье. Волосы рассыпались по лицу.

Я удивился.

— Да ведь это ваша невестка!..

— Она самая, — горделиво улыбнулся Ганбара-киши. — Определил ее на склад грузчиком. Огонь-женщина!.. Кто скажет, что только два дня, как из больницы?..

— А что случилось? Болела?

— Нет. У меня внук... Сынок у них родился...

Пока мы разговаривали, Джейран вынесла еще один большой мешок, сбросила его в машину, появилась с третьим... Под его тяжестью молодая женщина согну-

¹ Шабаш — подношение музыкантам.

² Джейран — по-азербайджански — газель, серна.

³ Кеклик — куропатка.

лась пополам. На полдороге мешок свалился на землю. Бедняжка сделала попытку опять взвалить его на спину, но не хватило сил.

Мы, трое мужчин, стояли и наблюдали за этой сценой. Силась поднять мешок, Джейран обливалась потом, тяжело дышала, но все было напрасно. Тогда она поволокла мешок по земле.

Ганбар-киши не выдержал и закричал:

— Эй, милая, что ты делаешь? Мешок прорвется.

У машины Джейран с трудом подняла мешок. Ахмед, боясь запачкать костюм, помогал ей двумя пальцами.

Ганбар-киши повернулся ко мне и глубокомысленно изрек:

— В мешке мука. Мука — тяжелая вещь.

Из дома донесся женский голос:

— Милочка, иди сюда! Иди, ребенок плачет...

Ахмед ответил за жену:

— Она занята, мать. Напон сына чаем, пусть замолчит.

Ганбар-киши улыбнулся и зашептал мне на ухо:

— Жена души не чаёт в невестке. Самое бранное слово у нее — «милочка».

Наконец машина была нагружена доверху. Ахмед расстелил на мешках газету и сел. Ганбар-киши пристился со мной и полез в кабину к шоферу.

Джейран пробормотала:

— Вы не оставили дома денег...

Как ни тихо это было сказано, Ганбар-киши все-таки услышал, высунул голову из кабинки и ответил:

— Несколько дней как-нибудь перебьетесь. Мы еще не рассчитались с долгами за вашу свадьбу.

Машина тронулась. Джейран некоторое время смотрела вслед грустным, печальным взором, затем вернулась в дом.

Я тоже был огорчен тем, что увидел. Хотел закурить, смотрю: спичек нет. Они остались у Ганбара-киши.

По дороге домой я все время думал о Джейран. Мне вспомнились слова из песни, которую певец пел на свадьбе: «Трудно газели бегать по скалам».

Действительно, зачем испугнули бедную газель, зачем загнали на острые скалы?

ходя в родильный дом, Кыз-тамам обернулась к мужу и глухо сказала:

— Смотри за детьми!

— За какими детьми?

— Я говорю о наших дочерях...

Пирали от злости прикусил губу, грубо взял жену за руку и вывел во двор.

— Иди, иди!.. — сказал он. — Ты еще называешь этих девчонок детьми? Да еще велишь мне смотреть за ними!

— А как же иначе? Если это не дети, то кто же? Старшей только десять лет!

— Это не дети, а несчастье на мою голову! Твои дочери словно три змеи обвилились вокруг моей шеи.

Если из роддома не придет известие о сыне — забудь меня!

— Не беспокойся, муженек! — голос Кызтаман задрожал. — Чувствую, на этот раз будет мальчик... Такой беспокойный. Все время толкается в животе, не дает спать по ночам.

Ответ жены пришелся по душе Пирали. Он самодовольно усмехнулся и сунул в рот сигарету.

К Пирали подбежала няня.

— Поздравляю! Твоя жена благополучно разрешилась.

— Кто?.. Мальчик?.. Или опять девчонка?

Волнение и страх смешались в голосе Пирали.

Няня приложила палец к губам, давая понять, что в роддоме кричать нельзя, и тихо сказала:

— Не шуми, товарищ. Это больница, а не парк культуры.

— Баджи, кто же у меня родился? Ну, говори!.. Сын?.. Дочь?.. Быстрее, иначе мое сердце не выдержит...

— У тебя девочка, дочь... — ответила няня радостно.

Казалось, Пирали ударило электрическим током. Сначала он задрожал, потом его бросило в жар. Бедняга пытался что-то сказать, но слова застревали в горле. Дома три дочери, и тут еще одна, всего, значит, четыре... Четыре дочери! Что же ему теперь делать?!

Кто-то из палаты позвал няню.

Женщина повернулась к Пирали и сказала:

— Постой, постой, товарищ! Кажется, у вас двойняшки. Подожди, я узнаю, может второй — мальчик...

В сердце Пирали вспыхнула искра надежды. Дрожь и жар прошли. Бог с ним, четыре девочки, один парень — это полбеды.

Скоро няня вернулась и, смеясь, сообщила:

— Вторая тоже девочка, двойняшки...

Пирали оторопел. Он посмотрел в лицо женщины, бессмысленно улыбнулся, затем зло заскрежетал зубами, вскинул вверх руку, вырвал из лысеющей головы волос и хотел уже было что-то сказать, соответствующее этому жесту, но женщина перебила его:

— Погоди, меня опять зовут.

Няня ушла.

Пирали смотрел на волос у себя в руке и не знал, что делать: бросить на пол или снова прилепить к макушке.

Вернулась няня и весело сказала:

— Ты посмотри, как везет! У тебя сразу трое...

— А третий кто же? — спросил Пирали сухо.

— Девочка...

Терпению Пирали пришел конец. В глазах потемнело, задрожали колени. Он сказал:

— Пойди, передай жене, пусть не считает меня своим мужем. Все кончено. С матерью шестерых девочек я дела не имею.

Кызтамам лежала вся в слезах. Слова мужа, переданные через няню, так расстроили бедную мать, что она опасалась, как бы у нее не пропало молоко.

Что теперь будет? Кто присмотрит за девочками, которые остались дома? Они, наверно, умирают с голоду... Кто накормит их, уложит спать, оденет? А вдруг они заболели? Или опрокинут керосинку, разольют керосин. Загорится дом, девочки сгорят заживо...

Ладно, муж, хорошо! Пусть девочки подрастут.

Горестные размышления Кызтамам были прерваны: принесли кормить новорожденных. Она посмотрела на пухленькие личики крошек и глубоко вздохнула. Девочки с жадностью набросились на ее грудь. Кызтамам горделиво улыбнулась. В эту минуту она забыла свое горе.

Но детей скоро унесли. И опять Кызтамам осталась одна со своими грустными мыслями.

Что делать?.. Как они будут жить? Кто поможет?

Вошла няня и сообщила, что заведующая женотделом райкома справляется о ее здоровье, интересуется самочувствием.

Кызтамам удивилась: она никогда не была в райкоме. Откуда ее могут знать райкомовские работники? Может, произошла ошибка? Или в родильном доме есть еще одна Кызтамам? Однако на всякий случай она сказала няне: «Передайте от меня большое спасибо».

Немного погодя к ней пришел главный врач роддома. Приветливо улыбаясь, он подсел к Кызтамам и сообщил, что звонил председатель райисполкома, справлялся о ее здоровье.

Кызтамам уже почти не сомневалась, что произошла ошибка, что, очевидно, здесь лежит еще какая-нибудь Кызтамам. Она чистосердечно высказала свое предположение главному врачу. Тот запротестовал и заверил женщину, что никакой ошибки нет, все справляются именно о ней, Кызтамам, супруге Пирали-киши.

Услышав это, Кызтамам глубоко вздохнула и сказала, что с сегодняшнего дня у нее нет мужа, так как Пирали ушел, бросив дом и детей.

Это известие в мгновение ока облетело роддом. По распоряжению главного врача одна из санитарок была послана на квартиру Кызтамам присматривать за девочками до тех пор, пока мать не вернется из больницы.

С этой минуты Кызтамам едва успевала получать хорошие, приятные известия. В полдень из райсобеса прислали единовременное пособие. А час спустя из пионерского дома пришла группа школьников и сообщила о своем решении взять шефство над дочерьми «тети Кызтамам». Но самая приятная новость пришла около четырех часов дня. Сообщили, что Кызтамам получает квартиру в новом доме. Известие о том, что матери дается корова для обеспечения крошек дополнительным молоком, пришло на следующее утро. А минуту спустя фотокорреспондент сфотографировал Кызтамам для районной газеты.

Через два дня в газете появился ее портрет. Внизу была подпись: «Мать шестерых дочерей».

А где же отец этих шестерых девочек? Разве он не знает обо всем, что произошло? Нет, не знает. Получив известие о рождении еще трех дочек, Пирали просто не пришел домой. Прежде всего он напился и два дня не выходил на работу. Еще три дня он занимался тем, что улаживал дела по поводу прогула. Затем он начал думать о новом жилье. Что делать? Где жить? Прежде всего он категорически решил, что вообще никогда не покажется на глаза своей супруге. Потом немного смягчился и пришел к выводу: их комнату надо разделить, в одной половине будет жить мать с шестью дочерьми, в другой — он, Пирали.

Только через две недели Пирали впервые направил стопы к своему дому. И, начиная с этого момента,

на него, словно град, посыпались неприятные известия.

На углу ему встретилась старушка соседка. Улыбнувшись беззубым ртом, она прошамкала:

— Поздравляю тебя, Пирали! Видела в газете портрет Кызтамам. Рада за нее!

Пирали смотрел в сморщенное, словно печеное яблоко, лицо старушки и удивлялся: как в этом дряблом существе еще теплится жизнь? Он решил, что соседка вследствие своего преклонного возраста что-то путает. С какой стати будут печатать в газете портрет Кызтамам? Она сейчас в роддоме возится со своими дочками.

Пирали двинулся дальше и встретил управдома.

Сам управдом был человеком молодым, но под мышкой всегда таскал потрепанный портфель, пестревший заплатками.

Развязывая на ходу тесемку, которой были схвачены раздутые бока портфеля, он закричал издали:

— Пирали, у меня не было времени провести сестрицу Кызтамам. Вот бумаги, пойди отдай ей, пусть распишется. А это... — управдом в поисках какого-то документа несколько раз перерыл портфель, словно это была кастрюля с лапшой, которую надо мешать, чтобы не подгорела, вынул наконец бумажку, порванную в нескольких местах, и протянул Пирали. — А это копия ордера. Тоже надо подписать. Мы приложим к делу. Три комнаты в новом доме — не шутка.

Сказав это, управдом закричал кому-то:

— Эй, товарищ! Ведомость за квартплату осталась у вас! — И убежал.

Пирали недоуменно пожал плечами. Что за новый дом? Какие три комнаты? Почему Кызтамам должна подписать ордер? Может, после того как у нее родились тройняшки, ее назначили председателем районного коммунхоза?

Замок, висевший на дверях дома, не дал ему ответа на все эти вопросы. Наоборот, появились дополнительные. Где дети? Хорошо, допустим, жена еще в больнице, но что случилось с дочерьми за время его отсутствия?

Пирали продолжал стоять перед запертой дверью, силясь разрешить хотя бы одну из этих загадок. Неожиданно он увидел длиннорукого мужчину, который тащил на веревке корову. Пирали посторонился, чтобы дать

ему пройти. Длинноусый спросил тоненьким голоском, который никак не вязался с его возрастом.

— Братец, где здесь дом Пирали?

— Пирали — это я, — ответил радостно Пирали.

Старик нахмурился.

— Мне нужен не Пирали, а его дом.

— Вот он... Вот он — мой дом.

— Который?

— Да вот... — Пирали показал на замок.

— Нет, — ответил длинноусый, обращаясь больше к корове, чем к самому Пирали. — Ты говоришь о старой квартире, а мне нужна новая, та, что в трехэтажном доме. Исполком дал сестрице Кызтамам новую квартиру.

Старик потянул за собой корову, затем опять остановился и сердито сказал:

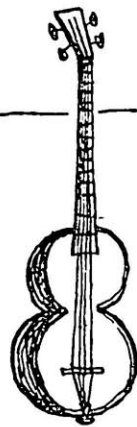
— Тоже, нашел над кем шутки шутить! Разве ты Пирали? Пирали сейчас, наверное, в своей новой квартире возле детишек. Быть отцом шестерых дочерей — большая честь!

Пирали так и замер на месте с раскрытым ртом.

Сейчас он день и ночь кружит вокруг нового дома, в котором живет Кызтамам. Она не только не пускает мужа в свою квартиру, но даже видеть его не хочет.

Что будет дальше, я и сам не знаю.

1957

ПОВЕСТИ

нашей соседке Садаф-хале переехали новые жильцы: женщина с двумя детьми. Сыну — восемь лет. Дочь — уже взрослая девушка.

Вещей — всего одна повозка. Въехали. Разместились. Открыли окна. Вычистили, вымыли, привели в порядок комнату.

Женщина служит, дочь тоже. Мальчик учится в школе.

Садаф-хала говорит, что она слишком поздно узнала о том, что девушка — комсомолка, а мать — служащая.

Узнай соседка об этом раньше, она им отказала бы. Сейчас Садаф-хала расканивается. Ворчит:

— Откуда я знаю, что это за человек. Завтра ей захочется, она присвоит себе мой дом, а меня выгонит. Куда я пойду в моем-то возрасте?

Моя мать утешает Садаф-халу.

— Зря ты боишься. Не смотри, что она чужая. Среди чужих встречаются такие люди, что в тысячу раз лучше родственников. Не бойся. Все будет хорошо. А потеряешь дом, приходи, живи у нас. Сейчас не те времена... Нечего шуметь!

После переезда к Садаф-хале новых жильцов в жизни квартала произошли некоторые изменения. Придя из школы, мальчуган сразу же перелезает через забор в наш двор и взбирается на макушку алычового дерева. Отец в подобных случаях всегда держит себя в руках. Кричать он не может, но я вижу: внутри у него все дрожит.

Мать ругает меня:

— Почему ты не вобьешь в забор колья?!

Я отвечаю:

— Честное слово, мама, для этого разбойника колья не преграда...

— Послушайся меня. Вбей колья. Посмотрим, сможет ли он завтра перелезть через забор.

— Он не полезет через забор, через ворота пройдет. Что ты ему скажешь?

За три дня мальчишка оборвал всю верхушку алычи. Что можно было съесть — съел, а остальное оборвал и побросал на землю. Наконец он оставил в покое алычу и полез на грушу.

Отец не выдержал, подошел и говорит спокойно:

— Послушай, сынок, зачем ты взобрался на эту грушу? Ведь плоды еще не созрели...

— Я заранее тренируюсь, товарищ! — отвечает мальчишка отцу. — К тому времени, когда груши созреют, я буду взбираться на дерево в один миг.

Садаф-хала привела не в свой дом жильцов, а в наш сад беду. От стыда она даже стесняется заходить к нам.

Прежде Садаф-хала целыми днями пропадала у нас на кухне, куда собирались и другие женщины квартала, чтобы поболтать и посплетничать. Я любил их слушать. Женщины меня не стеснялись.

Наибольший успех в этой компании выпадал на долю Садаф-халы. Она раньше всех в квартале узнавала самые интересные новости. А как она умела их преподнести! Например, она первой узнала о том, что дочь рябого Ахмеда обручилась. Она так расхваливала девушку, сидя у нас на кухне, что я чуть не влюбился в нее за глаза.

Отец сердился. Ему не нравилось, что я сидел вместе с женщинами и принимал участие в их болтовне.

— Лучше, — говорил он, — полистай книги, подучи молитвы...

Сам он полдня проводит на минарете, читает азан¹ в маленькой мечети. Раньше у отца был хороший голос. Но сейчас его держат муэдзином² только из уважения. Шутка ли — тридцать пять лет драть глотку на верхушке минарета!

Отец хотел и меня повести по своему пути. Но его мечты не сбылись. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, у меня пропал голос. Так я и не стал муэдзином. Мать этому страшно обрадовалась. Она хочет, чтобы я учился. Говорит:

— Если бы наш сын выучился, как другие дети и стал человеком, мы не остались бы без куска хлеба на старости лет.

Виноват не я. Отец не разрешил мне учиться.

Я окончил начальную школу. В средней школе он дал мне проучиться только два года.

— Достаточно!.. — отрезал он. — Хватит, подучись немного ремеслу.

Как сказал, так и сделал. Забрал меня из школы и устроил учеником к шапочнику уста³ Зейналу.

Уста Зейнал — человек пожилой, старого уклада. Летом несколько месяцев его лавка работает на полный ход. Дело в том, что у крестьян обычай — менять шапки летом. Зимой же мастер предается пагубной страсти. Сейчас вам все станет ясно. Уста Зейнал говорит, что зимой люди или женятся, или курят опиум. Мой мастер избрал последнее. С наступлением зимы он распродает

¹ Азан — призыв к намазу (молитве), провозглашаемый с минарета.

² Муэдзин — служитель мечети, с минарета призывающий мусульман к молитве.

³ Уста — мастер.

все свое добро и предается любимому занятию. Наступает лето, и он снова принимается за работу. То же самое и я: зимой сидел дома, а летом исполнял свои обязанности подручного.

Сейчас я не хожу к своему мастеру. У отца с ним почему-то испортились отношения. Это было для меня спасением. Я воткнул иголку в ворот рубахи и отправился домой.

Как раз в тот период, когда мы расстались с мастером Зейналом, я пристрастился к чтению небольших книжек. Вначале мне было трудно привыкнуть к новому алфавиту, но сейчас я уже свободно читаю.

Однако читать приходится тайком от отца. Он против. Мне очень стыдно. До каких пор я буду жить на иждивении отца? Он приносит из мечети гроши, добытые чуть ли не попрошайничеством. Мои сверстники сейчас вершат большие дела. А я сижу дома, ничем не занимаюсь, трачу попусту, время. Отец ничего не говорит, но ведь у меня есть совесть. Я единственный сын у родителей. Поэтому они не тревожат меня.

Откровенно говоря, я сам не знаю, чем заняться. Торговлей? К ней у меня не лежит душа. Да сейчас это и невозможно. А для государственных учреждений я не годюсь.

Что делать?.. Ума не приложу.

Я уже совсем взрослый. Мне стыдно просить у отца на баню и парикмахера. Кроме всего прочего, я знаю, что у него нет денег. В мечети деньгами не платят. Он получает натурой — зерно, муку и тому подобное. Другого же дохода у него нет.

Случается, у нас в доме не бывает ни крошки. Если мать плачет, я знаю: есть нечего. Отец сидит, уткнув голову в колени, и без конца вздыхает. У меня начинает ныть сердце.

Вот и сегодня у нас нечего есть. Утром мы не завтракали. Матери нездоровится. В полдень она не выдержала, показала на коврик у порога и сказала:

— Сынок, возьми его, отнеси на базар, постарайся продать...

Я ждал, что отец начнет кричать. Он всегда был против, когда дело доходило до распродажи домаш-

них вещей. И так уже в доме почти ничего не осталось.

Но на этот раз отец промолчал.

Я взвалил коврик на плечи и пошел на базар. Некоторое время я стоял на одном месте, перекинув свой товар через руку. Но никто ко мне не подходил. Тогда я принялся бродить по базару. Неожиданно какой-то мужчина, одноглазый, весь обросший щетиной, спросил у меня цену. Я не смог ответить, так как мне не пришлось в голову заранее оценить коврик.

Шли минуты. Я не отвечал кривому.

Заметив мое смущение, он сказал:

— Что-то ты примолк, дружок. Видно, краденое продаешь... Где стибрил?

На это я тоже ничего не ответил.

Видя, что я смутился еще больше, кривой ухмыльнулся и отошел. Но вскоре опять появился передо мной в сопровождении каких-то двух типов. Приглядевшись внимательно к коврику, он сказал приятелям:

— Смотрите, разве это не тот коврик, который я в прошлом году купил в Карабахе?

Дружки тотчас подтвердили.

— Он самый, милый, он самый... Его-то и украли у тебя.

Кривой схватил меня за руку и приказал одному из парней:

— А ну, мчись за милиционером!

У меня пересохло во рту, стянуло губы. Я пытался что-то сказать, но ничего не вышло. Одноглазый крепко держал меня за руку. Я рванулся раз, другой, вырвался наконец... Швырнул к их ногам коврик и кинулся наутек.

Я прибежал домой и разревелся. Отец не сказал ни слова. Он так и застыл, уставившись глазами в одну точку. Мать плакала. Но не бранилась. Это ужасно на меня действовало. Если бы они рассердились, кричали, мне было бы гораздо легче.

В этот же день мать где-то раздобыла муки. Садаф-хала помогла ей испечь лаваш.

А вечером я думал о странных вещах...

В доме было темно и тихо, как на кладбище. Мать спала. Я слышал ее частое дыхание. Иногда она стонала во сне. Отца дома не было. Он куда-то ушел. Кажется, в мечеть.

Я думал, как много на свете плохих людей. А вдруг меня действительно ни за что ни про что обвинили бы в воровстве? Что, если утром постучат в дверь, схватят меня и объявят вором? Отец не сможет вымолвить ни слова в мою защиту. А мать — больна, она не выдержит и умрет с горя.

— За что его арестовали? — спросят люди.

— За воровство!

Мне сделалось так тоскливо! В темноте слышались какие-то таинственные голоса. Вдруг мне почудилось, будто стучат в дверь. Отец всегда входил без стука. Я прислушался. Теперь уже в дверь не стучали. Кто-то карабкался по стене, чтобы заглянуть в комнату. Я испуганно уставился на окно. Вдруг из темноты появилось лицо одноглазого. Он показывал на меня кому-то пальцем.

— Мама!.. Мама!.. — закричал я.

— Что с тобой, сынок? Что случилось?

— Проснись, мама! Встань!

— Почему ты так вспотел, сынок? Почему такой бледный?

— Жарко... Мне очень жарко... Не спи, мама, пока отец не придет. Жарко... Как жарко!..

Маленькую мечеть закрыли. Говорят, это подстроили муллы больших мечетей, чтобы к ним приходило больше народу. Какое значение имеет теперь причина? Мечеть закрыта — и все! Одно меня удивляет: как аллах может смотреть на все это равнодушно? Муллы, спекулируя его именем, творят беззакония, обижают бедных и слабых. Почему аллах терпит это?

Короче говоря, нас превратили в нищих.

Матери стало еще хуже. Она совсем не встает, пожелтела, как лимон. Все время спит. А если не спит, то плачет.

Вот уже два дня я ищу работу. Ничего подходящего нет. Ремеслом я никаким не владею. Носильщиком работать не могу: слаб. Отец совсем приуныл, упал духом. Он сильно постарел за эти два дня. Борода у него побелела. Глаза стали большими. Можно подумать, он все время ждет, что кто-то принесет нам поесть. Я знаю, отец

переживает не за себя. Мы оба думаем о матери. Если бы нам удалось ее вылечить!

Кажется, все в квартале знают о нашем бедственном положении.

Племянник Садаф-халы где-то работает. Получает он очень прилично. Раньше он всегда здоровался с отцом и со мной. Но вчера он проходил мимо, — я поздоровался, а он не ответил. Может, решил, что я собираюсь попросить у него взаймы.

Однако я не из тех, кто зарится на чужие деньги или вещи. Мне легче убить себя, чем просить, кланяться. Эта черта моего характера известна отцу. И очень ему не нравится. Мечеть приучила его просить милостыню. Таков обычай. Говорят, муэдзин, выкрикивающий азан, служит прихожанам. Поэтому, считают, и платить ему должны прихожане. А как это назвать? Конечно, это все-таки попрошайничество.

К вечеру состояние матери резко ухудшилось. Отец послал меня к Садаф-хале.

— Попроси хоть для больной кусочек хлеба. Как она страдает! Не вынесет бедняжка. Нам-то самим ничего.

Мне был известен скверный нрав нашей соседки. Но ради матери я все-таки пошел.

Садаф-хала кормила во дворе кур. Она сердито глянула на меня. Затем повернулась к своей квартирантке, которая стояла на балконе, и громко сказала:

— Товарищ соседка, посмотри... Какой взрослый парень, а не стыдится попрошайничать!

После этого Садаф-хала повернулась ко мне.

— Послушай, дорогой, если вы голодны, чем же я виновата? Работайте, трудитесь. Привыкли жить на подаюния... Что вам надо от меня? Мой дом — не пекарня.

Меня даже пот прошиб. Язык прилип к гортани. Если бы во дворе была только одна Садаф-хала, возможно, я что-нибудь и ответил бы ей. Но мне было стыдно перед женщиной, стоящей на балконе. Я поплелся домой.

Мать спала. Я говорю: спала, но это значит, она просто лежала с закрытыми глазами. Я обо всем рассказал отцу. Он сел, положив руки на колени, и задумался. Вдруг раздался звон разбитого стекла. Большой камень стукнулся в стену над головой матери. На пол посыпался

лись осколки. Мать вскрикнула и очнулась. Мы с отцом выбежали во двор.

Перед домом стоял сын жилички Садаф-халы. Увидев нас, он хлопнул в ладоши и громко засмеялся.

— Извините, товарищи! Хотел подбить воробья, а попал в ваше окно.

Сказав это, мальчишка с быстротой молнии выскочил со двора. Я хотел догнать его, но отец остановил меня:

— Не надо. Не трогай мальчика. Пойди и все расскажи его матери.

Я опять поплелся к дому, со двора которого только что ушел смущенный, красный от стыда. Я не знал, что скажу. Но перед моими глазами стояло бледное лицо матери, которая испуганно вскочила, встревоженная звонком разбитого стекла.

Я несколько раз постучал в ворота. Мне открыла молоденькая девушка с миловидным лицом, обрамленным каштановыми волосами. Увидев ее, я снова покраснел.

— Вам кого? — улыбнулась девушка.

Я догадался, что это дочь жилички Садаф-халы.

— Потрудитесь, пожалуйста... Позовите на минутку вашу маму, — попросил я.

— Хорошо...

Девушка ушла, оставив калитку открытой.

Я смотрел ей вслед и видел, как развеваются ее короткие волнистые волосы.

Немного погодя появилась ее мать.

Увидев меня, она нахмурилась и закричала:

— У меня нет хлеба для дармоедов! Ступай работать. Стыдно! Зачем попрошайничаешь?

Эти слова оглушили меня, как пощечина. Я растерялся и не знал, что отвечать. Потом, робея, пробормотал:

— Мы не попрошайничаем... Мой отец не мулла... Он зарабатывает своим трудом.

Женщина выкрикнула еще громче:

— Зарабатывает, и пусть себе зарабатывает! Но зачем же ходить по дворам и выпрашивать хлеб?

— Я не выпрашиваю...

Женщина не стала меня слушать, хлопнула калиткой и ушла.

Я подумал: у такой злойки не может быть иного сына, — и пошел домой.

У меня колотилось сердце. Опять я возвращался от этих ворот, никого не пристыдив, наоборот, пристыженный сам.

Мать умерла. Мы с отцом похоронили ее. Отец еще больше постарел. В тот вечер, вернувшись с кладбища, он лежал на кровати, словно мертвец. Потом поднялся, сел, показал рукой на окно, за которым зияла тьма, и прохрипел:

— Сынок, почему ты не пожаловался его матери? Почему он не оставляет нас в покое?

За окном никого не было.

— Отец!.. Ложись... Там никого нет.

— Вот он!.. Вот!..

Отец показывал пальцем на темное окно.

— Смотри... мальчишка... Видишь, в руках у него камень? Хочет бросить в меня!

Отца начала бить дрожь. Он крепко обнял меня. Руки были горячие, как угли. Я не понимал, что с ним происходит. Он дрожал, как осиновый лист. Что это?.. Страх, болезнь?..

Я встал и закрыл окно.

— Может, лампу зажечь, папа?

— Нет... нет... Ты с ума сошел?! Зажжешь лампу — он увидит нас и бросит камень.

Некоторое время отец молчал, потом заговорил дрожащим, взволнованным шепотом:

— Мать умерла от голода, сынок. Но она умерла с честью. Не попрошайничала. Мы тоже умрем. И ты, и я... Постараемся не быть тяжелым грузом на плечах у других. Пусть аллах хранит нас. А не хочет хранить — пусть убьет!..

Отец показал на окно и снова начал городить чепуху.

— Вот он!.. Снова кидает камень... Тысячи камней летят в нас... Не давай!.. Закрой!.. Закрой!.. Все закрой...

Он опять задрожал, а вместе с ним и я. Мне стало жутко. Немного погодя отец снова заговорил:

— Ты тоже не будь вероломным... Завтра же принимайся за работу! Найди работу!.. Живи только своим трудом. Не гнись. Ни перед кем не гнись! Я всю жизнь

ходил согнувшись в три погибели, как серп. Хватит! Не будь таким! Если ты когда-нибудь заработаешь, угодничая, кусок хлеба и принесешь его в дом, он застрянет у меня в горле. Ты не должен быть вероломным...

Вдруг отец закрыл лицо руками и закричал:

— Что я ему сделал?.. Что я сделал?.. Почему он хочет меня побить?! Тридцать пять лет я призывал людей к молитве именем аллаха. Почему же он сейчас не хочет прийти мне на помощь? Почему они хотят забросать меня камнями?

Отец немного успокоился. В его глазах промелькнула искра сознания. Затем он опять впал в бред.

— Солтан! — кричал он. — Посмотри на Солтана, на Солтана!..

Недалеко от нас жил человек по имени Солтан. Отец всегда боялся его. Причина мне была неизвестна. Но он и на меня почему-то наводил страх.

— Сынок, он ни тебе, ни мне не даст житья...

— Кто, отец?

— Солтан... Солтан...

Отец снова задрожал. Я насильно уложил его в постель. А сам стоял рядом.

К утру у отца начался жар. Он бредил.

— Твоя мать оказалась вероломной... Ушла... Умерла раньше меня... Что я буду делать без нее?.. Как я бился, чтобы спасти ей жизнь! Помнишь тот день, когда мы сидели голодные?.. У кого я только не просил займы денег. Никто не дал. Все меня гнали... И я украл... Да, под страхом голодной смерти я зашел в один дом и украл муку... Я хотел украсть и ее смертный час. Но не смог. Краденая мука убила ее!..

Эти слова потрясли меня. Известие о воровстве пробудило во мне чувство, ранее неведомое: отвращение к отцу.

Я не знаю, куда направиться, чтобы найти работу. Я готов взяться за любое дело. Я хочу работать, я ведь проворный, легкий на подъем, не то что некоторые.

Но я не знаю, куда идти. Словам отца я не придаю значения. Если человек где бы то ни было будет честно

работать, он имеет право с чистой совестью есть свой хлеб. А по мнению отца, ты можешь делать все, что угодно, но одной ногой обязан стоять в мечети. По-моему, это глупые слова. Разве не мечеть явилась причиной всех наших несчастий? И он еще хочет вести меня по дороге, которой шел сам. Ах, если б я знал, что тот хлеб испечен из краденой муки! Я бы не притронулся к нему!.. Последний кусок, съеденный моей матерью, был ворованным куском!

После той ночи, когда отец признался в воровстве, я не могу смотреть ему в лицо.

...Я вышел из дому и медленно побрел куда глаза глядят. В голове мелькнула мысль: не пойти ли туда, где строятся новые дома? Наймусь рабочим... Может быть, получится.

Кажется, я еще ни разу в жизни не проходил так медленно, так спокойно по этим улицам? Все мне кажется новым. Только сейчас я начинаю понимать, каким дикарем я вырос. Можно подумать, я жил в каком-то ином мире, вдали от этой жизни.

Что это? Ребята, играющие на улице, побросали игрушки и удивленно уставились на меня. Кто-то засмеялся, кто-то обидно пошутил. Откуда я знаю, что они говорят? Я ничего не слышу. Только чувствую, что краснею.

А за что? За мной по пятам идут какие-то люди. Кто-то хватается за полу чухи. Оборачиваюсь. Люди стоят в стороне. Просто полы чухи путаются у меня в ногах. Но люди начинают смеяться, улюлюкать. Кто-то вышел из лавки и начал стучать палкой по ее дверям.

Тогда я пошел быстрее, затем побежал. Люди некоторое время бежали за мной следом, потом отстали.

Кто-то крикнул вслед:

— Это полоумный!.. Не трогайте беднягу...

Другой добавил:

— Давайте напугаем его, чтобы он больше здесь не появлялся.

Огромный камень, рассекая воздух, пронесся у меня над ухом.

Я бросился в какую-то пустынную, безлюдную улочку. Хохот, насмешки остались позади.

Я опустился на камень. В каком я был жалком состоянии! Однако мне почему-то хотелось не плакать,

а смеяться над собой. Это было мое первое столкновение с жизнью, с настоящей жизнью. Она подняла меня на смех. Но я должен все стерпеть. Должен перенести и это, и еще худшее! Убегать нельзя!

Я поднялся и пошел на строительство.

Все рабочие, начиная от грузчиков, кончая штукатурами, оставили свои дела и принялись удивленно меня разглядывать. Краснея, я подошел к одному и спросил, кто здесь начальник.

Рабочий показал рукой на здание вдаль. Хотел было что-то сказать, но не выдержал и фыркнул. Все вокруг тоже засмеялись. Я покраснел еще сильнее. Задрожали колени. Я двинулся к дому, который мне показал рабочий. Неожиданно я опять запутался в полах своей чухи и упал на песок.

То ли рабочим стало жалко меня, то ли они боялись, что я пожалуюсь начальнику, — не знаю. Однако тот же самый рабочий, который только что смеялся надо мной, и еще кто-то из его товарищей подошли, подняли меня и привели в комнату, где было два больших зеркала.

— Сейчас придет директор и примет тебя!

И они ушли.

Я остался один, подошел к зеркалу. И тут меня самого разобрал смех. Ну и вид! На голове рваная шапка отца, на плечах — его же старая заплатанная чуха, на ногах — чувяки, какие носят служители мечетей. Шапка сползала на глаза. А в чухе мог бы поместиться еще один такой же парень, как я. Раньше я этого не знал, а сейчас зеркало все мне сказала. Вдобавок, я был весь в пыли, — испачкался, когда упал.

Чтобы предстать перед директором в более приличном виде, я принялся отряхиваться.

Неожиданно дверь кабинета распахнулась. На пороге появился сердитый человек в очках и что-то закричал.

Я склонился перед ним в глубоком поклоне. Человек продолжал раздраженно говорить, да так быстро, что я не мог разобрать ни слова.

В ответ я склонился еще ниже. Потом приложил руку к груди и сказал:

— Прошу тебя, директор... Я хочу стать рабочим...

Директор нахмурился и посмотрел на меня.казалось, мой вид привел его в чувство и сделал речь доступной пониманию.

Он ясным голосом спросил:

— Что тебе надо, эй? Чего здесь трясешь пыль?

Я онемел. Казалось, у меня отняли язык и передали его этому человеку. Я снова поклонился.

Директор закричал:

— Что ты вертишься, как ветряная мельница? Говори, что тебе надо?

Я хотел сказать что-то связанное. Но из горла у меня вырвалось только одно слово:

— Работа...

— Чем занимался до сего времени?

— Я не работал, товарищ директор.

— Значит, бездельничал...

— Да, бездельничал... Но сейчас прошу вас...

— Кто твой отец? Чем занимается?

— Он муэдзин.

— Значит, мулла.

— Нет, директор, муэдзин. Он с утра до вечера выкрикивает с минарета азан.

— Довольно болтать! — оборвал сердитый директор. — Таким, как ты, у нас нет работы. Иди, не отнимай время!

Взбрав голову в плечи, я двинулся к двери.

Большая площадь, на которой громоздились горы камней, была залита желтыми лучами заходящего солнца. Горизонт, окрашенный в янтарный цвет, казалось, замер в ожидании момента, когда он проглотит светило. Ветерок сметал с камней белую пыль и убегал куда-то вдаль, взбирался на высокие деревья, заставляя шептаться и трепетать их листву. Достигая моих ушей, этот шепот превращался в плач. Мне чудилось, будто за моей спиной сотни голосов хором повторяют: «Сбрось с себя эту одежду!.. Сбрось!..»

Велика была моя тяга к жизни. Я годами сидел дома на стареньком коврик. Теперь он меня не принимает. «Ступай! — говорит он, — раздобудь кусок хлеба своему несчастному отцу. Он голодный, бедняга».

«Значит, мулла?..»

Нет, мой отец не мулла, он бедняк. Он создан из людских страданий. Он вскормлен человеческим горем!

Площадь передо мной залита лучами заходящего солнца. Они падают и на большое зеркало в комнате директора, делают мое отражение огромным.

Зеркало тоже хохочет. «Сбрось эту смешную шапку! Скинь с себя лохмотья!..»

Зеркало кричит, множество зеркал кричат: «Скинь!.. Скинь!.. Скинь!..»

Я сорвал с головы шапку, натянул на колено, рванул, разодрал на куски и швырнул что было силы вверх. Словно подстреленная птица, она несколько раз перевернулась в воздухе и упала на камни.

Я крикнул ей: «Значит, мулла?»

За спиной раздался чей-то голос.

— В чем дело, сосед? Голубей пускаешь, что ли?

Я обернулся: это был Солтан, Солтан, живущий не-подалеку от нас.

Солтан не из нашего города. Он из другого района, земляк Садаф-халы. Однако отношения между ними натянутые. Они почему-то не разговаривают друг с другом.

Солтан из тех людей, которые много о себе мнят. У него безобразное лицо: маленькие хитрые глазки, лохматые брови, нос напоминает ястребиный клюв. Цвет лица смуглый. Возраст определить трудно, можно дать и тридцать и сорок.

Видя, что я по-прежнему был задумчив, Солтан засмеялся и мягко спросил:

— Что же случилось, Салех? Почему ты такой грустный?

Мне не хотелось отвечать. Я стоял, устремив глаза вдаль.

Солтан подошел ближе и так же мягко, проникновенно сказал:

— Я спрашиваю тебя. Ты что, спишь?

Он опустился рядом на камень. Некоторое время мы молчали. Затем Солтан тихо заговорил:

— Надел на себя отцовскую одежду муллы и пошел искать работу? Нацепил бы еще что-нибудь. В такой одежде ходят только к намазу. Оденься по-человечески. И приходи ко мне в учреждение. А то надумал — таскать камни! Это не для тебя.

Я молчал.

— Только у меня есть кое-какие условия, — продолжал Солтан. — Если ты их принимаешь, я тебя завтра же устрою на работу. Если нет, — пеняй на себя. За таких, как ты, должны ручаться только такие, как я. Ина-

че ничего не выйдет. Будь человеком! Человеком!! Понял? Иди в моей тени. Но у меня есть условие.

— Я слушаю.

— Да, слушай. Твоя работа в учреждении — исполнять мои поручения. Но ты должен быть нем и слеп. Слышишь?

— Слышу.

— Слушай дальше. Ты будешь расписываться в ведомости о зарплате, а деньги будешь получать от меня. Неважно какая сумма будет там значиться. Довольствуйся тем, что я дам. Дальше. Ты можешь писать по-новому?

— Как по-новому?

— Новым шрифтом. Не старым, арабским.

— Я знаю новый шрифт...

— Хорошо. Сейчас иди домой. Завтра придешь ко мне на работу. Знаешь, где это?

— Знаю. Приду...

Название учреждения, куда я устроился, мне неизвестно. Одно знаю: все рабочие, работающие на стройке, приходят сюда с какими-то книжечками и платят членские взносы.

Не знаю также, как именуется моя должность. Прежде всего я выполняю приказания Солтана. Затем разношу письма, переписываю, бегаю за папиросами.

Здесь, кроме меня, работает много людей. Но я еще никого не знаю. О ком вам рассказать? Может, о дочерях жилищки Садаф-халы, о той комсомолке, которая однажды открыла мне калитку?.. Она тоже здесь работает. У нее большой стол. Все бумаги, поступающие в наше учреждение, лежат на этом столе. Девушку звать Инджи¹. И действительно, она похожа на жемчужину. Со всеми говорит приветливо, всем дает добрые советы.

Мой стол в той же комнате, где сидит Инджи. Тут же работает еще одна девушка, худая и высокая. Она красит губы в какой-то странный цвет, а каждый ее ноготь похож на чайную ложку. По профессии она машинистка. Весь день стучит на машинке, ест и смотрится в зеркало. У Солтана отдельная комната. Мы не можем

¹ Инджи — по-азербайджански жемчуг.

войти к нему, когда хотим. Если надо, он сам звонком вызывает нас. Когда ему нужен я, звонок звенит два раза, если он зовет Инджи — три, а машинистку он не вызывает вовсе: она входит к нему без звонка, когда ей вздумается.

Когда она входит к Солтану, Инджи смотрит на меня и улыбается. Я от смущения опускаю глаза.

После работы мы иногда идем домой вместе с Инджи. Она говорит, я слушаю. Теперь уже люди на улице не поднимают меня на смех, как прежде. Я одет прилично. В первый же день после моего назначения на работу Солтан вызвал меня и дал немного денег, чтобы я приоделся.

Теперь я по крайней мере избавился от сходства с муллой. Поэтому, когда мы идем вместе с Инджи, я не боюсь, что ко мне начнут приставать. Но я стесняюсь Инджи. На все, что она говорит, отвечаю односложно: «Да, да...» Не смею спрашивать, не смею отвечать...

Отец теперь совсем не показывается на улице. Со мной он разговаривает очень мало. Я покупаю ему на базаре еду. Перекусив, он бродит по двору, подбирает всякое старье и приносит домой. Он осунулся, постарел, он страдает.

Вчера, придя домой, я вспомнил, что забыл на работе еду, купленную для отца. Мы пообедали тем, что у нас осталось со вчерашнего дня. Вечером я решил сходить на работу, забрать свой пакет.

Наш дом стоит на склоне горы. Место очень живописное. Чтобы немного развлечься, я сначала взобрался на гору. Мое сердце, покрывшееся плесенью в темной лагуне отца, который постепенно теряет разум, исполнилось радости. Мне чудилось, будто я под самыми облаками. Город казался крошечным, словно сделанным из картона. Трава походила на многоцветный бархат. Она блестя и переливалась у меня под ногами в желтоватых лучах солнца, которое уже собиралось спрятаться за гору. Да и вообще в эту минуту мне казалось, что вся гора, весь мир сделаны из бархата. Я — наверху, а город, залитый янтарным светом, — внизу.

Солнце село. Из ущелий начал подниматься туман. Как серая, зловещая опасность надвигался он на зеленое царство красоты. Немного погода снежная вершина высокой горы окрасилась в молочный цвет, стала сереб-

ряной. Скоро из-за нее выглянула луна, похожая на улыбающееся девичье лицо. Поднимаясь все выше и выше по склону к снежной макушке, она, казалось, ласкала седые кудри старушки горы.

Можно до самого утра наслаждаться этой красотой, — и все равно не насытишься!

Я спустился с горы и по пыльным улицам города пошел в свое учреждение. Там никого не было. Насвистывая, я подошел к столу, открыл ящик, взял свой сверток и хотел уже уходить. Вдруг слышу: какой-то странный звук. Мне показалось, он исходил из комнаты Солтана. Я замер, прислушался. Звук повторился. Сердце сжалось от страха. «Может, в кабинет Солтана залезли воры?» — подумал я. Что делать? Бежать, позвать людей или войти в комнату, проверить? Некоторое время я колебался. Потом вдруг осмелел. Какой-то голос внутри меня приказал: «Открой, посмотри, кто там!» Я на цыпочках подошел к кабинету и что было силы рванул на себя дверь.

Моим глазам представилась странная картина: в комнате происходила борьба. Ухватившись одной рукой за спинку дивана, Инджи старалась вырвать другую из рук Солтана. Солтан был без шапки, волосы его рассыпались по лицу. Задыхаясь, он тянул к себе девушку.

Как только дверь отворилась, оба замерли. Солтан сверкнул глазами, налитыми кровью, и отпустил руку Инджи. Девушка оправила платье и, не глядя на меня, кинулась вон, словно птица, выпущенная из клетки.

Я очутился в затруднительном положении и начал раскаиваться, что открыл дверь и вошел в комнату, что вообще пришел сюда.

Я хотел уже уйти, но Солтан подошел ко мне. Глаза его метали молнии.

— Слушай, — сказал он. — Что ты здесь делаешь?

Я не успел ответить. Он продолжал:

— Ты слышишь?

— Слышу.

— Я тебя спрашиваю, что ты здесь делаешь?

— Я забыл на работе сверток. Пришел за ним...

— А зачем открыл эту дверь?

— Услышал голоса... Подумал, может, воры. Потому и открыл.

— Я тебя спрашиваю, зачем ты открыл эту дверь?! Глаза Солтана горели злобой. Рубаха была расстегнута до самого пояса. Каждый волосок на его груди ошетинился, словно дракон. Он часто дышал, не моргая, смотрел мне в глаза и без конца повторял:

— Зачем ты открыл эту дверь?

Я собрался с силами и ответил:

— Я открыл дверь, чтобы посмотреть, кто в комнате.

Солтан схватил меня за плечи.

— Ступай! — сказал он. — Завтра получишь расчет. Слышишь?

Значит, он выгоняет меня с работы?! Почему-то вся моя жизнь в один миг промелькнула у меня перед глазами.

— Ты слышишь?

Я ничего не слышал. Только вдали, где-то совсем далеко, мне мерещилась фигура отца... Согнувшись, он подбирал во дворе какой-то мусор. Старик смотрел на меня и быстро-быстро повторял: «Не будь вероломным!.. Не будь вероломным!..»

Мне стало страшно. Сердце забило, в глазах потемнело. Потом они наполнились слезами. Задрожали колени. Я не устоял, опустился на пол, припал к ногам Солтана.

— Хорошо, ступай! — сказал вдруг Солтан. — Но о том, что здесь произошло, должны знать только ты и твоя могила. Ступай!

На следующий день Солтан двумя звонками вызвал меня к себе в кабинет.

Я вошел.

Худая машинистка тоже была здесь. Не глядя на меня, Солтан протянул мне пачку бумаг.

— Возьми! — сказал он. — К вечеру перепишешь это красивым почерком. Когда кончишь, отдашь Лейли-ханум, она отпечатает. Потом принесешь мне. К восьми часам вечера. Слышишь?

— Слышу.

— Слушай! Никто не должен читать эти бумаги. Когда Лейли-ханум кончит печатать, принесешь их мне. Слышишь?

— Слышу.

— Ступай!..

Все мои злоключения начались с этих бумаг. Невозможно не прочесть того, что переписываешь. А если, прочитав, у тебя появится определенное мнение о содержании, ты пропал.

Почему я говорю: «Ты пропал»? Потому что так случилось со мной.

Переписывая бумаги, я увидел, что Солтан написал в них страшные вещи. Например, он утверждал, что Инджи безнравственная девушка, что она не подходит для работы в советском учреждении и так далее, и тому подобное.

Несмотря на то что между нашими семьями существовала некоторая вражда, я глубоко уважал Инджи. Эти бумаги заставили меня призадуматься. Впервые в жизни меня так сильно мучила совесть. Что же получается? Неужели я собственными руками должен переписывать клевету о девушке, которая достойна большого уважения?

Сначала я хотел все рассказать самой Инджи, показать ей бумаги. Но мне пришлось тут же отказаться от этой мысли. Мало ли что может быть! Девушка молодая, погорячится, и меня погубит и себя...

Так что же делать? В чем состоит мой долг? Что должен делать в данном случае молодой парень, который имеет совесть и честь, но у которого нет поддержки и опыта?

После долгих размышлений я пришел к выводу:

«Нет, так не годится. Письмо Солтана готовится тайком. Точно так же надо подготавливать и меры против него. Тайком... Чтобы никто ничего не знал. Надо выяснить, куда и кому будет послано это письмо. Туда же надо написать другое письмо и рассказать, как все обстояло на самом деле. На яд Солтана я должен приготовить противоядие. Он собирается нанести удар моему другу, я должен быть готов защитить этого друга».

Эта мысль понравилась мне самому. Действительно, понемногу я начинаю кое-что понимать в делах мира сего. Столкновение с жизнью, с настоящей жизнью, кажется, пошло мне на пользу. Мой ленивый мозг начал шевелиться.

Сделаю так. Узнаю, куда будет послано письмо, и напишу туда все, как было. Сделаю добро Инджи, а она ничего не будет знать.

Однако самое трудное — узнать учреждение, куда будет послано письмо. Я долго ломал голову. Наконец мой мозг, который уже начал постепенно привыкать к сложным ситуациям, нашел выход и из этого положения.

Нужное мне учреждение знает только машинистка Лейли. Возможно, даже она лично принимала участие в написании письма.

Сведения, в которых я нуждаюсь, можно вывести у нее только с помощью хитрости.

Мне не нравится Лейли. Когда она со мной здоровается, мне кажется, будто она меня оскорбляет. Но я чувствую, что с первого же дня понравился ей. Она молодая, но уже была замужем и разошлась с мужем.

На днях она сказала мне очень странную вещь. Я молча работал за своим столом. Инджи тоже была занята делом. Лейли сидела за машинкой. Она почему-то все время смотрела на меня. Всякий раз, когда я, устав, поднимал голову от бумаг, мои глаза встречались с ее глазами.

Через некоторое время она встала и подошла к моему столу.

— Товарищ Салех,— сказала она,— Хочу вас кое о чем спросить. Не обидитесь?

— Нет, пожалуйста...

— Прошу вас, извините... Меня мучает любопытство, вы бреете себе брови?

Сначала я плохо расслышал. Мне показалось, она говорит про мою голову. Поэтому я ответил так:

— Я брею голову раз в год. Но...

Лейли-ханум перебила меня:

— Я спрашиваю не о голове, а о бровях.

Меня разобрал смех.

— Да разве брови бреют?

Инджи громко захохотала.

Лейли покраснела, сердито сверкнула глазами, села на свое место и громко застучала на машинке.

С тех пор она со мной не разговаривает.

Но сегодня вечером я должен непременно помириться с нею, чтобы узнать то, что мне нужно. Благо для этого есть и повод. У Солтана очень скверный почерк.

Переписывая письмо, я порядком помучился. Когда я, закончив, вернулся на работу, Лейли-ханум еще не было. Пришлось ждать.

Я смотрел в окно, и снова мое сердце наполнялось печалью.

Тьма на улице напоминала горькую, темную жизнь, прожитую мной. Я больше не хотел жить такой жизнью, опять переживать пустые, бессмысленные дни, которые остались позади.

Дни, когда мы жили благодаря покровительству мулларшарлатанов, думающих только о своих карманах, вечно обманывающих моего отца, месяцами не дающих ему плату; дни, когда мы ждали смерти того или иного человека, чтобы досыта поесть на его поминках,— эти дни навсегда останутся страшным черным пятном в моей жизни. Отец, казалось мне, существует лишь для того, чтобы напоминать об этом прошлом. Ах, если б у меня не было ни отца, ни воспоминаний!.. Если бы мое прошлое походило на белый еще не исписанный лист бумаги!.. Мое прошлое оставило на мне след, который сохранится до самой смерти, как клеймо на бедре быка.

Вот в одном из уголков моей памяти ожило воспоминание об отце. Он еще молод. Каждое утро, подкрутив свои тонкие длинные усы, он идет в мечеть. Я слышу его приятный голос. Трижды в день этот красивый голос эхом отдается в горах. По вечерам в рамазан весь город готовится услышать, как он прокричит «салат»¹. В лунные ночи его мягкий, как бархат, голос заставлял замирать не только людей, но и природу, которая тоже восторженно слушала его. В жизни отца это единственное светлое пятно: красивый голос и тонкое понимание музыки...

Потом он готовился стать муллой и каждую ночь, когда мы все уже спали, читал коран. Но из этой затеи ничего не вышло. У него не хватало образования и хитрости. Потому-то он и остался на всю жизнь муэдзином и слугой в мечети.

Так идет жизнь. Сменяются дни, серые, скучные, похожие на заунывную мелодию «мугамат».

Сейчас отец уже не тот. Это полоумный, который все время разговаривает сам с собой. На его лице нет прежней одухотворенности, как в те времена, когда он выкрикивал «салат». Он завалил полдома старым хламом, ча-

¹ Салат — молитва, прославляющая пророка Мухаммеда.

сами сидит, уставившись в одну точку, теребит пальцами седую бородку, что-то бормочет себе под нос.

Беспросветная тьма за окном и лишенный мысли взгляд отца — это мое отвратительное прошлое.

Я устал смотреть из окна на улицу. Лейли-ханум все еще не появлялась. Если она придет, я попытаюсь разыграть задуманное. Не знаю, сумею ли, — в подобных делах я профан, но я буду стараться во что бы то ни стало спасти честь Инджи!

Послышались чьи-то шаги. Я догадался: это Лейли-ханум. Скрестив на груди руки, я сел на подоконник. Едва она переступила порог, встал и поздоровался. Лейли подошла ко мне. Я крепко пожал ее руку.

Кажется, Лейли не ожидала от меня такой смелости. Она игриво улыбнулась. Я почувствовал отвращение. Надо сказать, Лейли очень следила за своим лицом, но это не шло ей на пользу. От косметики она выглядела еще хуже.

Чтобы быть заметной и в темноте, она наложила на лицо целый фунт пудры, на губы — толстый слой помады.

Поздоровавшись со мной, Лейли танцующей походкой подошла к стулу, села, небрежно бросила на стол сумочку и глубоко вздохнула.

Вот тут-то я сразу и начал.

— Почему вы так вздыхаете, Лейли-ханум? Какое у вас может быть горе?

Она сказала, еще больше кривляясь:

— Так... Не всякий поймет горе, живущее в сердце молодой девушки.

Я взял стул, сел рядом с Лейли и спросил:

— А что, если один молодой человек интересуется вашим горем?

Тут я почувствовал, что переборщил. Интонация была совершенно неестественная. Однако Лейли-ханум не почувствовала фальши.

Некоторое время мы говорили о печали, которая живет в ее сердце. Я видел: разговор со мной доставлял ей большое удовольствие. Она спросила, продолжая кокетничать:

— А почему вы до сего времени так холодно обращались со мной? Я думала, что совсем вас не интересую.

Я ждал этого вопроса.

— Хотите знать правду? Я боялся...

— Кого же? — удивилась Лейли. — Я сама себе хозяйка.

— Нет, я боялся не чужих. Меня смущали те, кто работает у нас в учреждении. Два человека...

— Солтан?

— Да. Прежде всего он.

Эти слова привели Лейли-ханум в возбуждение. Она схватила мою руку, сжала ее и заговорила взволнованно и быстро.

— Вы боитесь Солтана? Он у меня в руках. Вот в этой маленькой ручке. Стоит мне только сжать ее — и из него дух вон!

Сказав это, Лейли-ханум опять стиснула мои пальцы и продолжала:

— Мне известны такие его делишки, что стоит мне только захотеть — у него голова полетит с плеч. Конец ему тогда! И так им все недовольны! От одного удара скончается!

Лейли распалялась все больше и больше. Словом, она разнесла Солтана в пух и в прах.

Наконец, оставив его в покое, она спросила:

— А кто же второй, кого вы боитесь?

— Инджи... — тихо ответил я.

В следующий миг мне показалось, будто в комнате разорвалась бомба.

— Кого? Инджи?! — воскликнула Лейли. — Кто такая Инджи, чтобы ее боялись? Вот смотри: вся ее судьба в этой бумажке.

Лейли-ханум помахала у меня перед носом письмом Солтана.

— А что может сделать эта бумажка? Вы, наверно, подошьете ее к делу. Там она и останется.

Итак, мы перешли к интересующему меня вопросу.

— Зачем подшивать к делу? — удивилась она. — Один экземпляр отдадим в Контрольную комиссию, другой — в комитет комсомола. Увидишь, от Инджи в учреждении и следа не останется!

— А правда ли, что о ней написано?

Вопрос рассмешил Лейли-ханум. Она опять взяла меня за руку, притянула к себе и хрипло зашептала на ухо:

— В этом мире нет правды, милый.

Видя, что Лейли готова перейти от слов к делу, я осторожно высвободил руку и сказал:

— Пора... Надо начинать, иначе опоздаем...

Лейли-ханум нехотя села за машинку и начала быстро печатать.

Мне все стало ясно. Я узнал план этих двух людей, но как теперь действовать? Этого я еще себе не уяснил.

Я слышал о существовании таких организаций, как Контрольная комиссия, комитет комсомола. Но как они работают, чем занимаются, это мне было неизвестно. Я думал, как только подобное письмо доберется до этих учреждений, Инджи тотчас будет уволена и опозорена. Поэтому я решил действовать немедленно, посоветоваться с Инджи и бороться вдвоем.

Вскоре стук машинки прекратился. Лейли-ханум кончила печатать. Она вытерла с лица пот, как люди, много потрудившиеся над добрым делом, и обернулась ко мне.

— У вас красивый почерк. У Солтана — отвратительный. Какие-то закорючки. Ничего нельзя разобрать. А ваш почерк так же красив, как ваше лицо.

Лейли-ханум встала, потянулась и шепотом добавила:

— Я очень люблю красивых мальчиков.

Увидев, что положение опять становится опасным, я быстро встал, собрал бумаги, которые она отпечатала, и сказал:

— Я пошел. Надо поскорее отнести все это Солтану.

Кажется, моя поспешность не пришлась по душе Лейли-ханум. Она подошла к двери, загрозила мне дорогу и спросила, сощурив свои хитрые глаза:

— Вы от меня убегаете? Или боитесь Солтана?

Тут я не выдержал и сказал ей всю правду:

— Я питаю отвращение к вам обоим! Вы интриганы и клеветники. Вот ваша истинная профессия!

Лейли-ханум нахмурилась. Лицо ее стало страшным.

— Вы это серьезно? — спросила она неуверенно, не зная, сердиться ей или смеяться.

Я был взбешен, поэтому на ее вопрос ответил громко:

— Да, я говорю серьезно. Вы — низкие, отвратительные люди. Мой отец говорит, что...

Глаза Лейли-ханум загорелись ненавистью.

— Твой отец сумасшедший! — оборвала она меня. — Он бродит по улицам и собирает мусор. А ты... ты — червяк, который вылез из этого мусора!

Эти слова потрясли меня. Я не смог больше ничего сказать этой безнравственной женщине. У меня потемнело в глазах, закружилась голова.

Я оттолкнул Лейли-ханум от двери и бросился в тьму.

Да, верно, я вылез из грязи и мусора. Но разве вся эта зелень, деревья, цветы, не выросли из черной земли?

Да, верно, я вылез из грязи и мусора. Но я всем своим существом тянулся вверх, к свету, солнцу. Несчастны те, чьи глаза слепнут от яркого света, те, кто прячется в грязи и нечистотах. Лейли-ханум и Солтан именно такие люди.

Я, как бездомный, долго бродил по темным улицам. Казалось, тени, окружавшие меня со всех сторон, едва различимые тени домов, заборов, стен, кустарников, деревьев вздыхали, словно живые, и что-то шептали мне. Я не слушал их, не хотел слушать и шел наугад, не разбирая дороги.

Вдруг вижу: я стою перед своим домом. Стараясь не шуметь, я вошел во двор. В окне светился слабый свет. Я на цыпочках подошел и заглянул в комнату. Отец готовился к намазу. На нем был рваный халат. Волосы на голове всклокочены, борода растрепана. Он развернул молитвенный коврик, расстелил его на полу, замер, устремив глаза в одну точку. Так прошло несколько минут. Неожиданно он собрал молитвенный коврик и бросил его в угол. Затем, то ли под действием моего взгляда, то ли от звука моих шагов, он принялся настороженно смотреть в окно. Если бы я вошел, он, наверно, не узнал бы меня и закричал от испуга.

Я повернул назад, вышел со двора и хотел подняться на гору. Тут я вспомнил Инджи. Я решил поговорить с ней, непременно поговорить этой ночью. Я подошел к забору и заглянул в их двор. Инджи сидела на террасе. Большая лампа освещала ее красное лицо. Мать без конца вставала, входила в комнату и опять возвращалась. Она что-то говорила Инджи. Девушка слушала и одновременно читала книгу.

Я осторожно перелез через забор и, крадучись, подошел к террасе. Мне стал слышен их разговор.

Мать говорила:

— Как только найду новую квартиру — сейчас же переедем. Откуда я знала, что нашим соседом окажется сумасшедший. Бедный мальчик не может выйти из дому.

— Брат тоже хорош, мама, — перебила Инджи. — Он извел всех соседей.

— Верно, он немного шаловливый...

— Не шаловливый, а озорник, — опять оборвала девушку. — Мы обе работаем, а он предоставлен самому себе. Потому такой невоспитанный.

— Не стыдно ли тебе называть своего брата невоспитанным?!

— Я говорю то, что есть. Соседи ни в чем не виноваты.

— Может, еще станешь защищать этого сумасшедшего муллу?

— Он не сумасшедший, мамочка. Он такой же труженик, как и мы. То, что с ним случилось, произошло от горя, от бедности.

— Ничего не знаю. Если он скажет моему сыну еще хоть слово, я подниму такой скандал...

— Ты ничего не сделаешь, потому что не права. В этом вопросе тебя никто не поддержит.

Мать вспыхнула.

— Посмотрим! — выкрикнула она и ушла в комнату. Инджи опять уткнулась в книгу.

Я сделал шаг к террасе и тихо позвал:

— Инджи, Инджи...

Я думал, Инджи испугается голоса из темноты и убежит в комнату. На ее месте я поступил бы именно так. Но Инджи не испугалась. Она подняла голову, сощурила глаза, защищая их от света лампы, и, глядя в темноту, равнодушно спросила:

— Кто меня зовет?

Я подошел к террасе и тихо сказал:

— Это я.

Увидев меня, Инджи сначала удивилась, потом улыбнулась.

— Входи, входи! — пригласила она меня на террасу.

Я ответил все так же шепотом:

— Мне надо вам кое-что сказать по секрету.

Инджи удивилась еще больше.

В жизни не видел такой смелой и решительной девушки.

Она встала и крикнула:

— Мама, я буду во дворе. Сейчас приду.

Затем подошла ко мне, взяла за руку и повела в глубь сада, к забору, который разделял наши дворы.

Стало светлее. Чадра черных туч, покрывающих небо, в некоторых местах разорвалась. То там, то тут проглядывали звезды, иногда появлялась луна.

Я рассказал Инджи обо всем. Девушка слушала внимательно. Когда я кончил, она задумчиво сказала:

— Большое спасибо, Салех. Хорошо, что предупредил. Солтан все время увивался вокруг меня. В тот вечер, когда ты нас застал, он вызвал меня якобы для срочной работы. Гнусный тип! Однако он убедился, что я не из тех, которые ему нужны. И вот результат — клеветническое письмо. Но ничего... Мы ему покажем, кто мы такие. Он уже был исключен из партии и скрыл это. Ты иди, большое спасибо. Помогли нам разоблачить его.

Я проводил Инджи до террасы, попрощался и вышел на улицу.

Это и была моя главная ошибка. Надо было перебраться к себе через забор.

Дело в том, что, подойдя к воротам, я увидел мужской силуэт. Откровенно говоря, у меня от страха задрожали поджилки. Я так и застыл на месте, не зная, что делать: бежать ли назад, идти ли вперед или продолжать стоять.

Человек подошел ко мне и схватил за руку. Я узнал Солтана.

Сжимая мою руку, Солтан быстро заговорил:

— Ты откуда? Почему до сих пор не принес бумаги? Слышишь?

— Слышу.

— Откуда ты идешь? Чей это дом?

Солтан подошел к забору, пригляделся и страшным голосом зашептал:

— Ага, здесь живет Инджи!.. Вон она... Разговаривает на террасе с пожилой женщиной. Значит, ты... Значит, ты... Ты показал ей мое письмо?.. Негодяй!.. Давай его сюда. Паршивый мулла!.. Сын муллы!..

Я протянул Солтану бумаги и тихо сказал:

— Не кричи на улице!.. Бери свое письмо!.. Мой отец не мулла, а муэдзин.

Солтан сунул бумаги в карман и забормотал:

— Проклятье и змее и ее детенышу. Какая разница — мулла или муэдзин. И то и другое — нечисть!.. Хорошо, увидишь, что я с тобою сделаю. Ты еще не знаешь Солтана!

Сказав это, он исчез в темноте.

Я пошел домой.

Рано утром меня разбудил голос отца. Дверь дома была распахнута. Он стоял посреди комнаты, прижимая к груди несколько старых, рваных башмаков, и, глядя в одну точку, повторял:

— Уносят... Все собрали, хотят унести...

— Отец, что случилось? Что хотят унести? — спросил я.

Отец вздрогнул, словно в него плеснули кипятком, посмотрел на меня и закричал:

— Хватайте его, держите!.. Вот пришел, вор!

Отец бросился на меня. Я оттолкнул его и вышел из дому. Запер дверь.

Из дома раздался крик:

— Ты не имеешь права запираешь мой дом! Ты запер мечеть, разрушил минарет. А теперь хочешь перед моим носом закрыть дверь моего же дома?! Открой, открой! Я молчал.

— Открой, говорят тебе! Открой, иначе я так закричу, что весь мир перевернется вверх дном. Открой! У меня умер сын! Открой! Я хочу похоронить его! Открой!

Мне стало жаль отца, и я отпер дверь. Он стрелой выскочил во двор и замер, ослепленный светом, словно заключенный, десять лет просидевший в темнице. Потом он подошел ко мне, припал к земле и разрыдался, как ребенок.

— Вставай, отец, вставай! Не узнаешь меня? Я твой сын, Салех.

Отец молчал. Затем медленно поднялся, вышел за ворота и куда-то поплелся.

Час был ранний. Я хотел сделать все свои дела до работы. Боясь, что отец помешает, я запер ворота и бы-

стро написал письмо, которое, по моему мнению, должно было противодействовать клевете Солтана. В письме я объяснял, почему Солтан клеветает на Инджи.

Вдруг в ворота заколотили кулаками.

— Открой!.. Открой!..

Я решил, что вернулся отец. Однако были слышны чей-то плач, голоса детей, женщин. Я вскочил и побежал во двор.

— Открой ворота! Эй, сын сумасшедшего! Твоего отца надо заковать в цепи!

Я открыл ворота.

Перед домом толпился народ.

Отец вырвался из чьих-то цепких объятий и бросился ко мне. Его лицо и руки были в крови.

— Что случилось? Вы хотите убить старого человека?! — закричал я.

Мать Инджи, растолкав толпу, подвела ко мне своего сына. Увидев их, отец скользнул в ворота и кинулся в дом.

Мать Инджи сдвинула свои тонкие брови и напустилась на меня:

— Вы должны отправить безумца в сумасшедший дом. Я сейчас пойду жаловаться! Старик бросается на детей! Не дает им проходу. Если бы не люди, он убил бы ребенка!..

Она говорила еще очень долго: что я такой же сумасшедший, как мой отец, что все наши предки были сумасшедшими, что нас нужно выгнать из этого квартала. Затем схватила сына за руку и побежала куда-то жаловаться.

Люди никак не могли оторваться от «интересного» зрелища. Мне стоило большого труда выпроводить всех со двора.

Оставив отца дома, я вышел на улицу. Но куда идти: на работу или за врачом? Конечно, надо прежде всего за доктором. Но где они, эти доктора? Где больница? Я не знал. Поэтому поспешил на работу, чтобы посоветоваться с Инджи.

Улицы были украшены флагами. Магазины закрыты. Интересно, какой сегодня праздник? Пионеры с крас-

ными галстуками, с красными флажками в руках куда-то шли, распевая песни.

Может, сегодня и учреждения не работают? Как же я найду Инджи? Идти к ним домой я не хотел. После сегодняшнего скандала мне противно было встречаться с матерью Инджи. С другой стороны, без Инджи я не найду врача... Кроме нее, я никому не доверю своей тайны.

Перед нашим учреждением стояли Солтан, Лейли, Инджи и несколько рабочих со стройки. Лица у всех были оживлены. На стене висел большой красный флаг. Видимо, мои сослуживцы собрались на демонстрацию и кого-то ждали.

Я подошел, поздоровался.

Лейли отвернулась. Солтан сердито нахмурился и вошел в учреждение. Да, отношения обострены, тучи сгустились, все стало ясным. Я подумал, что теперь уже нет никакой возможности удержаться на работе.

Лейли стояла озлобленная и разгневанная.

Я приблизился к Инджи, и мы принялись болтать, смеяться. Для Лейли-ханум это было тяжелой пыткой.

Немного погодя Солтан позвал ее. Виляя бедрами, она вошла в учреждение и заперла двери изнутри.

Инджи посмотрела на меня и улыбнулась. Рабочие тоже многозначительно переглянулись.

Я не знал, какой сегодня праздник, а спросить стеснялся. После долгих колебаний я наконец спросил у Инджи, но так, чтобы никто не слышал:

— Что за праздник сегодня?

Инджи удивленно вскинула брови.

— Я спрашиваю, какой сегодня праздник? — повторил я.

— Международный день молодежи.

Я не расслышал, подошел к Инджи поближе и переспросил:

— Как, как?

Инджи наклонилась к самому моему уху и громко сказала:

— Международный день молодежи... — Она рассмеялась и добавила: — Кажется, ты не понял.

Я промолчал. Мне действительно было непонятно, что значит Международный день молодежи.

Видя, что я ничего не отвечаю, Инджи опять засмеялась. Мы отошли и сели на траву в палисаднике возле нашего учреждения. Дул легкий ветерок. Флаги на стенах домов трепетали. Трава тоже тихо колыбалась. Поглядывая на нас, травинки наклонялись друг к другу и о чем-то шептались. Мне казалось, что они шепчутся обо мне, бедном Салехе, отец которого сошел с ума.

Мое сердце наполнилось грустью. Представьте себе человека, который рвется вперед, а его не пускают. Казалось, прошлое в образе моего безумного отца, в образе Солтана, который только внешне похож на нового человека, а изнутри — еще страшнее отца, стоит преградой на моем пути, хочет отнять у меня эту жизнь, эту траву, цветы, красные флаги, этот смех Инджи.

— Значит, не понял? — спросила Инджи.

Я стеснялся Инджи. Я думал, что неприязнь, существующая между нашими семьями, должна породить в конце концов и неприязнь Инджи ко мне. Я боялся говорить, мне хотелось молча, не разговаривая, просто так посидеть с нею рядом.

— Ну, ты что, язык проглотил? Отвечай...

— Откровенно говоря, Инджи... ханум, да, не понял.

Инджи вырвала пучок травы, сжала в кулачке и повернула ко мне свое улыбающееся лицо.

— Что? Что ты сказал? С каких пор я стала «ханум»?

— А как же мне вас звать?

— С каких пор мы с тобой стали на «вы»?

Я растерялся. А Инджи легонько дернула меня за волосы и погрозила пальцем.

— Если вы еще раз назовете нас на «вы», то больше никогда не увидите нашего лица!

Я весело рассмеялся.

— Вот теперь ты похож на человека. А ну-ка, развяжи язык, рассказывай... В жизни может приключиться всякое. Перед неприятностями пасовать нельзя. Болен отец — лечи его. Я помогу. Он поправится. А почему ты побледнел?

— Не знаю. Неужели я побледнел?

— Ты вообще не тот, что был раньше. Похудел, в лице ни кровинки. Что случилось?

— Так, ничего. Наверное, у меня много горя, поэтому...

— Много горя? Сколько, например?

Я засмеялся:

— В килограммах?

Инджи тоже улыбнулась, но тут же нахмурилась, стала серьезной.

— Не говори ерунды. Ты не должен горевать! Пусть горюют слабосильные, не умеющие работать. А ты должен бороться. У тебя еще все впереди. Сколько тебе лет?

— Восемнадцать.

Инджи так громко рассмеялась, что я даже вздрогнул.

— Мне действительно восемнадцать. Я не обманываю.

— Салех, оказывается, ты совсем ребенок.

Это задело меня. Сколько же ей самой лет? Почему она смеется надо мной? Я хотел спросить, но Инджи опередила меня.

— Восемнадцать? Я думала, что ты старше. А мне — двадцать. Значит, ты младше на два года. Смотри, если не будешь слушаться, оттащу за уши.

— Хорошо. Я буду послушным.

— Повернись ко мне.

— Пожалуйста.

Я повернулся лицом к Инджи.

— Нет. Не так. Совсем, совсем повернись...

— Слушаюсь.

Я придвинулся еще чуть-чуть, приблизил к девушке свое лицо. Инджи откинула со лба короткие волосы, ласково посмотрела на меня и сказала:

— Ну, а теперь говори, в чем заключается твое горе?

Я рассказал ей про отца.

Инджи выслушала меня внимательно и дала слово помочь устройте отца в больницу, вылечить его.

Вдруг я поднял голову: перед нами стояла Лейли. Казалось, она была потрясена, увидев нас сидящими рядом. Она смерила взглядом сначала Инджи, потом меня. Хитрая, отвратительная усмешка скривила ее губы.

Она сказала жеманно:

— Салех, вчера в темноте у меня из волос выпал гребешок. Ты взял его?

Я ожидал от этой женщины все, но не такой страшной клеветы. Что я должен был отвечать?

Воспользовавшись моим замешательством, она продолжала:

— Впрочем такие мальчики, как ты, стоят тысячу гребешков. Волнующая ночь!.. До того ли нам было!.. Разве мы думали о гребешках?..

Сказав это, вернее, ужалив, как ядовитая змея, она повернулась и пошла прочь.

Я закричал ей вслед:

— Клеветница! Бессовестная!..

Инджи вскочила на ноги.

Я хотел объяснить:

— Это ложь, Инджи!

— Хорошо, мне все ясно. Можно не объяснять.

Я схватил Инджи за руку, насильно усадил на траву. Девушка залилась краской и молчала. Я держал ее за руки дрожащими руками. Она старалась высвободиться, сердилась, отворачивалась. Я начал клясться, твердил, что все было иначе.

Инджи решительно сказала:

— Мне не нужны объяснения, хватит, молчи...

Несмотря на ее возражения, я рассказал обо всем, что произошло вчера вечером, как я притворялся, чтобы выведать тайну, как обозвал Лейли и Солтана интриганами и клеветниками.

— Так ли? — спросила Инджи.

— Да... Так...

Я хотел снова поклясться. Но Инджи остановила меня. Она сердито поднялась с места и сказала:

— Если так, я их опозорю прямо при народе. Пусть все увидят их подлое лицо.

— Не надо этого делать, — попытался я успокоить девушку. — Когда отец был здоров, он часто говорил: «Поспешись — людей насмешись». По-моему, надо действовать обдуманно, осторожно.

— Нет, Салех, — решительно возразила Инджи. — Комсомолец никогда не должен бояться. Пойду и расскажу обо всем секретарю комсомольской ячейки. Мы быстро уладим это дело. Сегодня — День молодежи. А знаешь, что значит Международный день молодежи? Это день объединения революционной молодежи всего мира, день ее боевого союза. В этот день настоящий комсомолец должен срывать маску с врага! Я иду. Сегодня в семь вечера приходи в клуб на собрание. Буду

ждать тебя. Может, мы еще сегодня увидимся на демонстрации. Я буду с заводскими. Найдешь меня — подходи, пойдем вместе.

Она побежала по траве, потом обернулась и крикнула:

— Не забудь: вечером в клубе!..

Я пришел в клуб.

Сверкающий, залитый светом зал, балкон, к которому вплотную подступали высокие развесистые вербы, были забиты юношами и девушками.

Со сцены доносились звуки рояля. Они проникали мне в самое сердце, волнами разливались по залу, прятались в листве деревьев, в волосах молодых девушек.

Все смеялись, все веселились.

Я бродил долго, но Инджи найти не мог. Тогда я встал посреди зала и начал смотреть по сторонам.

Мимо проходили девушки, задевали меня.

— Прости, товарищ!

— Извини, товарищ!

Инджи нигде не было. Я решил, что стоять так бессмысленно, просто надо узнать, пришла ли она. Если нет — уйди. Я подошел к трем девушкам, которые стояли и весело разговаривали пересмеиваясь.

Девушки обернулись ко мне. Я почувствовал, что краснею.

— Простите, нет ли здесь Инджи? — спросил я.

Все трое громко засмеялись. Я покраснел еще сильнее.

Высокая черноглазая девушка ответила:

— Здесь есть изумруд и яхонт¹, но жемчуга, к сожалению, нет.

— Я говорю не про жемчуг. Инджи — имя девушки.

— Мы не знаем, где ваша Инджи, но уверены, что все наши девушки — жемчужины.

Я немного осмелел и сказал:

— Вот я и ищу одну из этих жемчужин.

Тогда другая девушка подошла ко мне и сказала весело:

— Я тоже одна из жемчужин. Ну, что вы хотите мне сказать? Говорите.

Я растерялся. Что же мне ответить? Подружки засмеялись. Я вовсе сконфузился. Казалось, руки мои стали вдвое длиннее. Я не знал, куда их деть. Спотыкаясь, я вышел из зала и остановился у входа в клуб.

Звуки рояля долетали и сюда. Кто-то с помощью белых клавиш выражал свои чувства, душевное волнение, заставлял говорить безъязыкое дерево, плакать эти костяные клавиши.

«Я тоже одна из жемчужин. Ну, что вы хотите мне сказать? Говорите».

Почему я не смог ответить на этот вопрос? Почему не вздохнул полной грудью, не сказал: «Я тоже молод, как и вы. Я тоже имею право смеяться, веселиться, как и вы!»

Быть бессильным — значит проиграть в этой новой жизни. Если не будешь отвечать на смех смехом, на слезы — хохотом, у тебя всегда будет чернеть на лбу клеймо: «бессильный».

— Салех!

Я обернулся и увидел Инджи. Она была так красива и весела, что мне захотелось обнять ее.

— Что еще случилось? Чего скривил губы, как ребенок, сломавший игрушку?

— Так... Я искал тебя. Не нашел. Хотел уходить.

— Я была на сцене. Сусанна сказала, что ты меня ищешь.

Видя, что я молча краснею, Инджи добавила:

— Ты понравился Сусанне. Знаешь, как она мне сказала? «Стеснительный, хорошенький мальчик ищет тебя. Я пошутила с ним, он обиделся и ушел». Ты действительно обиделся? Не стесняйся, пошли наверх. Я познакомлю тебя с Сусанной. Сегодня вечером будут принимать в комсомол. Каждый год в Международный день молодежи на общем собрании принимают в комсомол. Пойдем, напиши заявление, тоже вступишь. Хочешь? Пошли, не стесняйся.

Инджи схватила меня за руку и потащила вверх по лестнице.

Я остановил ее:

— А как же с Солтаном?

На лицо Инджи набежала тень.

¹ Изумруд и Ягуд — азербайджанские женские имена. Здесь игра слов, т. к. первое значение этих слов — изумруд и яхонт.

— Я сообщила в Контрольную комиссию, — ответила она. — Завтра нас туда вызовут. Тебя тоже. Я никогда никого не трогаю первая. Но если меня заденут — спуску не дам. Увидишь, что я с ним сделаю. Пошли.
Мы поднялись наверх...

— Сусанна...
— ...
— У нашего мальчика нет языка. Он не может говорить. Его зовут Салех.

Мы познакомились. Сусанна пожала мне руку, затем повернулась к Инджи и сказала:

— Он в стороне от коллектива, потому такой застенчивый. Заладил свое: «Где моя Инджи?» Я ему предложила другую жемчужину, он не согласился...

Не желая смущать меня еще больше, Инджи переменила разговор.

— Сусанна! — обратилась она к подруге. — Этот парень хочет подать заявление в комсомол, — затем ко мне: — Как ты думаешь, кто эта стриженная девушка? Она — член комсомольского бюро.

Сусанна весело улыбнулась и спросила меня:

— Вы написали заявление?

— Нет...

— Хотите вступить в комсомол?

— Да.

Инджи хлопнула меня по плечу и громко засмеялась.

— Смотрите, какой деликатный! Вся его речь: «нет», «да». Ха-ха-ха!..

— Не смущай Салеха, Инджи!

Действительно, эти слова смутили меня. Я чувствовал, что у меня пылают щеки. Руки опять стали длинными, я не знал, куда их деть. Хотелось убежать, выбраться из этого глупого положения.

Инджи схватила меня за руку.

— Иди, иди сюда... Не бойся девичьих шуток. Пошли, напишешь заявление.

Мы вошли в какую-то комнату. Меня усадили за стол. Дали в руки перо, положили передо мной бумагу. Я написал заявление.

Инджи сказала:

— Подпишись!

Я подписался.

— Поставь дату!..

Я вывел сегодняшнее число.

— Теперь вставай, пошли. Собрание начинается. Перестань стесняться. Веди себя как настоящий комсомолец.

У входа в зал нам встретилась Лейли. Я думал, после недавнего оскорбления она навеки станет моим кровным врагом. Но нет. Увидев меня в обществе девушек, Лейли остановилась. На Инджи и Сусанну она даже не посмотрела, а со мной поздоровалась. Ее голос звучал жалобно. Мы, не задерживаясь, прошли в зал.

Лейли крикнула вслед:

— Салех, подожди! На одну минуточку... Мне надо тебе что-то сказать!..

Я заколебался. Но Инджи потянула меня за руку и сказала:

— Пошли, пошли, не задерживайся!

Мы смешались с толпой. Передние места были уже заняты. Мы отыскивали сзади свободные стулья и сели.

Собрание еще не началось. На сцене сидели незнакомые мне люди. Сусанна пошла передать мое заявление секретарю ячейки.

Инджи нагнулась и шепнула мне на ухо:

— Когда тебя вызовут на сцену, не теряйся. Откровенно все расскажи. Скажи, кто твой отец... Не бойся! Правда — это самое главное! Она не повредит.

— Разве меня вызовут на сцену?

— Конечно, так надо... Ты смелее, не стесняйся. Вот увидишь — тебя примут под аплодисменты.

Сердце у меня сжалось от страха. Я еще никогда не бывал на собрании... Сколько людей! Все молодые... Они умеют хорошо говорить... Они умные... Как я выйду перед ними на сцену? Что буду говорить?

Я вспотел и начал пугливо озиаться по сторонам, словно вокруг меня были не люди, а драконы.

— Инджи! — позвал я.

Инджи о чем-то разговаривала с Сусанной, которая уже вернулась.

— Инджи! — позвал я снова.

Инджи придвинулась ко мне, освобождая место Сусанне, взяла меня за руку, заглянула в лицо и спросила:
— В чем дело?

— Инджи, а нельзя ли не выходить на сцену?

— Нельзя, нельзя! Сбрось с головы чадру. Разве не слышишь? Все кричат: «Долой чадру!» Вот я встану сейчас и объявлю, что в зале сидит девушка, которая еще не сняла чадру.

— Но ведь я никогда в жизни не выступал, Инджи!..

Инджи поднялась и сказала Сусанне:

— Пойду гляну, как там наши ребята... Спой Салеху колыбельную, пусть подремлет...

Мы с Сусанной остались вдвоем.

Собрание началось.

Из-за стола, накрытого красной скатертью, поднялся какой-то высокий мужчина и несколько раз взмахнул колокольчиком. Затем он начал рассказывать о значении Международного дня молодежи.

Кто-то сзади протянул мне записку. Мы с Сусанной развернули ее и прочли.

«Салех! Жду тебя на балконе. Лейли».

Я побледнел и не сказал ни слова. Мне стало досадно, что я прочел записку вместе с Сусанной. Я разорвал ее на клочки и бросил на пол.

Сусанна улыбнулась.

— Любовь не дает девице покоя!..

Я промолчал.

Председатель продолжал говорить. Зал внимательно слушал. С улицы доносился стук паровой мельницы. Легкий свежий ветерок врвался в открытое окно, ерошил волосы Сусанны.

Мне подали вторую записку. Я хотел порвать ее, не читая. Сусанна не позволила. Она насильно отобрала ее у меня, развернула.

Там было написано:

«Салех!.. Ты пожалеешь, если сейчас же не подойдешь ко мне! Кроме того, тонкие губы девушки, которая сидит с тобой рядом, не принесут тебе счастья. Солтан в зале. Он ждет моего приказа. Пожалей себя. Приходи на балкон. Лейли».

Не глядя на меня, Сусанна тихо сказала:

— Вот бесовская!

— ...

Вернулась Инджи и села на свое место. Она смотрела на нас и улыбалась. Однако, заметив, что нам

не до веселья, девушка хотела что-то спросить, но передумала и принялась внимательно слушать оратора.

Наконец председатель закончил вступительное слово. Выбрали президиум. В президиуме оказалась и Сусанна. Она встала, прошла на сцену.

Председатель предоставил слово докладчику, полному черноглазому парню. Слова нескончаемым потоком полились у него изо рта.

Инджи шепнула мне на ухо:

— Пойдем на балкон. Я не могу его слушать...

Мы вышли из зала на балкон, сели вдвоем на один стул и принялись вслушиваться в темноту. Листочки верб, которые со всех сторон окружали балкон, перешептывались с ночным ветерком. Казалось, это журчит вода. На небе перемигивались веселые звездочки.

Инджи о чем-то задумалась. Я потрогал рукой ее волосы. Стук паровой мельницы заглушал слова докладчика, которые залетали на балкон из зала через открытую дверь.

— Салех, ты еще совсем ребенок.

— Из чего ты это заключила?

Инджи не ответила.

Мы опять замолчали. На балконе было темно. Вдруг в противоположном углу кто-то зашевелился. Черный силуэт двинулся в нашу сторону. Я пригляделся и узнал: это была Лейли.

Сердце мое заколотилось.

Подойдя к нам, Лейли подбоченилась и сказала:

— Ах, вот как?! — и, не дожидаясь ответа, быстро убежала с балкона.

Эта женщина, словно страшный кошмар, преследовала меня, не давая покоя. Нервы мои были натянуты до предела. Хотелось догнать ее, задушить и швырнуть в темную бездну...

Мы сидели уже в зале.

— Салех! Ты еще совсем детеныш!

— Почему ты так думаешь?

— Послушал бы, как у тебя колотится сердце от страха перед Лейли, оно стучит, словно паровая мельница.

— ...

— Салех, ты что, уснул?

— Я очень несчастен, Инджи.
И вдруг голос со сцены:
— Первое заявление от Салеха Акпер-оглы. Он здесь?

Мы с Инджи вскочили на ноги.
Председатель громким голосом вызывал вступающих в комсомол.

— Здесь Салех Акпер-оглы?
Инджи толкнула меня локтем.
— Отзовись скорей... Скажи, что ты здесь.

— ...
— Что, его нет?!
— Живо, отзовись!..
— Салех Акпер-оглы!
— Я здесь!

Все обернулись в мою сторону. Не помню, как я поднялся на сцену. Сидящие в зале и на сцене сделались маленькими, превратились в крошечные точки.

— Повернись к публике. Расскажи автобиографию!
Я встал лицом к залу. Перед глазамиплыли темные круги. Я никого и ничего не видел. Не мог шевельнуть губами.

— Расскажи свою автобиографию!
Меня бросило в жар, прошиб пот. Темные круги перед глазами начали постепенно бледнеть, проясняться. Я стал различать людей в зале. Они шевелились, разговаривали, смеялись.

Кто-то с места закричал:
— Его отец мулла!..

Мне показалось, это был голос Солтана. Словно кто-то всадил в мое сердце нож.

— Товарищ, у нас мало времени. Быстрее!
— Товарищи! Мой отец не мулла. Он муэдзин. Мы всегда были бедняками. Наши знакомые хорошо знают, как мы живем. Не могу говорить...

Я спрыгнул со сцены.
Когда я шел по залу, люди оборачивались:
— Ребенок вспотел.
— Ничего, это целебный пот. Сейчас он очнется.
Инджи смеялась. Я сел рядом и почувствовал, что с моих плеч свалился тяжелый груз. Сразу стало легче дышать.

Со сцены спросили:

— Товарищи комсомольцы! Кто хочет сказать о товарище Салехе Акпер-оглы?

Инджи храбро вскочила с места.

— Я хочу сказать...

Председатель остановил ее.

— Товарищ Инджи, нам славословий не нужно. Кто хочет высказаться против?

Из заднего ряда раздался зычный голос:

— Я хочу сказать!

Это был Солтан.

Взоры всего зала обратились к нему. Он важно прошел на сцену, сделал знак, чтобы все успокоились, и заговорил...

Да как заговорил! Каждое его слово молотом опускалось на мою голову. Я никогда в жизни не слышал столько клеветы и лжи. Он говорил, будто мой отец мулла и у него несколько жен. Будто он вел распутный образ жизни, отчего заболел сифилисом и теперь сошел с ума. Что касается лично меня, то я чуждый элемент, и принимать меня в комсомол — значит пустить змею в голубиное гнездо.

Солтан ораторствовал очень долго. Многих его слов я не понял. Не желая, чтобы окружающие видели, как меня трясет, я встал и прошел на балкон. В лицо мне пахнул свежий ветерок.

Не знаю, что было в зале после этого...

— Убей, избавь свою душу от мук!

Казалось, эти слова мне сказал кто-то из тьмы. На сердце лежал камень, такой же черный, как ночь. Листочки вербы перестали шептаться и слушали меня. К горлу подступил комок. И вдруг я разрыдался, как одинокая вдова, потерявшая сына-кормильца. Лицо горело. Слезы душили меня.

Слезы... Мне почудилось, будто в листе вербы мелькнуло лицо отца. Он смотрел на меня и смеялся: «Вероломный! Вероломный!» Затем лицо отца превратилось в перекошенное лицо Лейли. Потом ветви вербы вытянулись, вытянулись... С них закапали слезы...

«Убей... Убей себя... Избавь душу от мук!..»

Убить себя?... А не будет ли эта тьма смеяться над мной? Не назовут ли меня дураком?

«Кто ты и почему собираешься себя убить? Через твоё тело перескочат солданы; лейли и по-прежнему будут обдѣлывать свои грязные делишки. Ты ещё не умер, но уже забыт. А после смерти от тебя останется только имя: дурак! Нет, нет... Бежать от такого подлѣца и негодяя, как Солтан? Убить себя? Нет, так не годится!.. Живи!.. Бейся!..»

Листочки вербы зашептали: «Живи!.. Живи!..»

Жить?.. Но как жить, если тяжѣлый кулак Солтана не перестаёт колотить меня по голове?.. Чем жить? Чем может жить болван, не умеющий связать двух слов, в страхе бежавший после первой же атаки врага? Жить — значит бороться. Кто меня научит, как надо бороться?

Листочки вербы задрожали. Казалось, там, среди ветвей, стоит мой отец и шепчет: «Вероломный... Вероломный...»

— Нет, отец, я не могу остаться верным тебе, твоему пути, той среде, тем людям!.. Я не смогу жить, если не расстанусь с тобой, не оттолкну тебя!

— Эй, товарищ! Нечего здесь дремать. Вставай! Иди на улицу!

Зал был пуст. Собрание окончилось. Я вышел из клуба убитый горем.

Дверь нашего дома была не заперта. Отец спал, свалившись прямо посреди комнаты. На окне горела тусклая коптилка. Со стен свисали рваные обои. На полках, карнизах лежал толстый слой пыли.

Только сейчас я обратил внимание: шея отца — тоненькая, как соломинка, вся в голубых жилках. Если бы я схватил эту тонкую шею своими грубыми пальцами и сжал, я отомстил бы ему за все, что мне пришлось пережить. Я запер дверь. Завесил окно. Комната стала ещё более мрачной. Я засучил рукава и подошел к отцу. Он лежал на спине. Дыхание было неровное, прерывистое. Из моих глаз на его щеку скатилась слезинка. Я протянул руку к его горлу. Рука задрожала.

Перед глазами замелькали картины... Вот отец на мотив «раст»¹ читает коран... Вот выкрикивает с минаре-

та азан... Какой у него грустный голос... Вот он плачет над телом матери.

Отец зашевелился, открыл глаза. Увидев меня, он быстро поднялся и сел рядом. Его грустное лицо сморщилось, он засмеялся...

Отец смеялся. Он притянул меня к себе за руки, обнял, поцеловал мои волосы.

За много лет впервые отец был так ласков со мной! Потом вдруг лицо его сделалось озабоченным.

— Салех, ты знаешь?..

— Что, отец?

— Завтра праздник.

— Какой праздник?

— Новруз-байрам...¹ Я велел матери приготовить что-нибудь вкусное. Приходи домой пораньше. Хорошо, сынок?

Отец поймал мою руку и начал сжимать. Я хотел вырваться, отойти. Коптилка на окне медленно угасала. Комната погружалась во мрак. Глаза отца стали страшными, загорелись ужасом.

Вдруг он испуганно спросил:

— Ты не видел Салеха?

— Какого Салеха?

— Моего сына Салеха!

Я вскочил на ноги. Отец тоже молниеносно поднялся, схватил меня за ворот рубахи.

— Где мой сын? — закричал он. — Солтан, отдай моего сына!..

Я молчал.

— Твой отец хотел погубить меня, а ты преследуешь моего сына?! Отстань от него, отстань... И все вы отстаньте от моего сына! Отвяжитесь от него. Вы украли у меня его сердце. Вы забрали его у меня.

Он начал трясти меня. Затем замер на месте как истукан. На губах у него выступила пена. Он задрожал и упал на пол, прерывисто дыша.

Я с трудом разжал ему зубы и влил в рот снотворное.

Скоро отец успокоился и заснул.

¹ Новруз-байрам — первый день нового года по мусульманскому календарю.

¹ Раст — классическая восточная мелодия.

Рано утром в ворота громко постучали. Я быстро выбежал и открыл.

Это был врач и два санитары. Они пришли за отцом. Очевидно, Инджи приняла меры.

Мне казалось, что отправить отца в больницу будет нелегким делом. Я думал, он начнет сопротивляться. Но вышло совсем иначе. Увидев врача и санитаров, он вскочил с постели и начал поспешно одеваться. Можно было подумать, отец только и ждал их прихода.

В дверях он обернулся ко мне и зашептал:

— Не оставляй мать одну... Чаше приходи к ней...

Отца увели. Я избавился от своего прошлого. Я сразу приободрился, почувствовал прилив сил. Открыл окно, дверь, вынес из дома весь хлам, который натаскал отец. Вытер в комнате пыль, подмел пол. Стало чисто, хотя по-прежнему голо, как на мельнице. Я чувствовал себя так, словно заново родился. Когда человек рождается, у него ничего нет. Вот так и у меня. Я один... Гол и одинок... Я не умею хорошо говорить, неуверенно хожу... Всему этому меня научит жизнь.

Только одна мысль не дает мне покоя. Вчера отец принял меня за Солтана, схватил за шиворот и закричал: «Твой отец хотел погубить меня, а ты преследуешь моего сына?!» Что это значит? Откуда он знает Солтана?

Эти мысли без конца донимали меня, не давали спокойно пить, есть, ходить, казалось, путались у меня в ногах.

Я вышел из дому. У наших ворот мне встретилась мать Инджи. Она шла куда-то с сыном.

Я сделал вид, будто не замечаю их, хотел пройти мимо. Но, к моему удивлению, мать Инджи остановила меня. Впервые она посмотрела на меня ласково.

— Как живешь, милый? — спросила она, улыбнувшись.

Я не ожидал такого вежливого обхождения и замешкался с ответом.

Мать Инджи решила, что я убит горем, потому и молчу.

— Знаю, — сказала она. — У тебя несчастье. Отца увезли в больницу. Ничего, он быстро поправится и вернется. Сумасшествие — такая же болезнь, как насморк или малярия. Надо лечить — и человек выздоровеет. Вот

и мой сынок немного сумасшедший. Отведу его в школу, там его подлечат. Учитель — тот же врач.

Мать Инджи говорила долго, я только поддакивал.

Я хотел уже завернуть за угол, как вдруг кто-то окликнул меня. Обернулся, смотрю: Садаф-хала перегнулась через забор и зовет меня. Я подошел. Колючки в заборе помешали нам обменяться рукопожатием.

Садаф-хала сказала:

— Пройди через калитку, во двор... Давненько я тебя не видела.

Мы сели во дворе у террасы, поговорили о том о сем. И тут я вспомнил, что отец говорил о Солтане.

Садаф-хала старая женщина. Она давно знает нашу семью. Может быть, она откроет мне эту тайну?..

Я все узнал. Выяснилось, что семья Солтана была колючим кустом на пути моей семьи...

Стоит ли говорить об этом вредном сорняке, растущем посреди дороги, который только и может, что ранить да рассекать до крови ноги путникам? Одно ему название — колючка.

К двенадцати часам дня я пришел в Контрольную комиссию. Мне почему-то представлялось, что это такое место, где в каждой комнате сидят сердитые злые люди, а от крика и шума глухнут уши. Но я ошибался. Это было очень тихое учреждение.

Меня с улыбкой встретил пожилой седой мужчина с румянцем на щеках и усадил на один из стульев перед собой.

Немного погодя вошел Солтан. Пожилой мужчина и его встретил улыбкой и тоже вежливо предложил сесть.

Пришла Лейли. Повторилась та же процедура.

Появилась Инджи — та же улыбка, та же любезность.

Когда все собрались, начался разговор. Сначала все шло мирно. Солтан старался доказать, что Инджи своей работой не удовлетворяет его как руководителя учреждения, плохо себя ведет, не внушает доверия.

Начав тихо, медленно, осторожно, Солтан постепенно брал разбег, расходился все больше и больше, возвышал голос... Повторил клевету, которая содержалась в

письме. Самую верхнюю ноту он взял, произнося слово «безнравственная».

И замолчал.

В начале речи Солтана пожилой мужчина улыбался. Потом улыбка исчезла с его лица. А в конце, после завершающего выкрика Солтана, он поднялся и сказал:

— Не кричи, я хорошо слышу.

Лейли дословно повторила рассказ Солтана. Только она, наоборот, начала с крика, затем постепенно гасла, гасла и наконец, что-то пробормотав, умолкла совсем. Однако слово «безнравственная» она не осмелилась произнести. Очевидно, не решилась назвать своим именем другого человека.

После Лейли заговорил я. Я по порядку изложил все, чему сам был свидетелем. Рассказал о клеветническом письме. Об отношениях Лейли и Солтана.

Мой рассказ так подействовал на Солтана, что, я видел, он едва сдерживается, чтобы не броситься на меня с кулаками. Но я не испугался. Впервые в жизни я был так смел. Раньше Солтан казался мне великаном, а сейчас он в моих глазах превратился в цыпленка. Теперь я знал, кто он такой.

Затем я перешел к самому главному.

Маленький мальчишка, круглый сирота, рос на улице. В поисках работы он бродил из деревни в деревню, и наконец его взял в услужение богатый купец, злой, бессердечный человек. Он бил парнишку, оскорблял, обижал его. За свою работу парень не получал от хозяина ни копейки. Ему даже не давали досыта черствого хлеба.

Несколько лет он терпел все это. Наконец терпение лопнуло, и он убежал от купца. У парня был красивый голос. Он начал зарабатывать себе на жизнь пением. Купец преследовал его по пятам, не желая примириться с потерей бессловесного, покорного раба. Он всячески мешал ему жить.

Парень избавился от преследований купца только тогда, когда устроился в мечеть и попал в руки людей, еще более сильных, чем его хозяин.

Купец был отцом Солтана. Сирота — это мой отец.

Сын купца помогал отцу в торговле. Ездил в дальние города и привозил для продажи товары.

В самый разгар их коммерческих операций, когда Солтан и его отец вовсю спекулировали и обманывали народ, на их головы обрушился ураган революции. Отец не устоял перед бурей, сломился, а сыночек окончил трехмесячные педагогические курсы и стал учительствовать. Однако вскоре его отстранили от преподавания. В период нэпа он открыл магазин, но впоследствии был вынужден ликвидировать его. Друзья-приятели помогли Солтану устроиться на работу, вступить в профсоюз.

Купец преследовал сироту, сбежавшего от него, только до дверей мечети, а сын купца, боясь, как бы старый муэдзин не рассказал о его прошлом, не давал бедняге покоя и в мечети. Мало того, он начал преследовать и его сына. Сначала, чтобы заставить юношу молчать, он устроил его к себе в учреждение. Затем, после первого неповиновения, принялся чернить его, травить.

Сын купца — Солтан. Преследуемый — я.

— Ложь!.. Клевета!.. Заткните ему рот!.. Он оскорбляет члена профсоюза!..

Это кричал Солтан.

Пожилой мужчина, с улыбкой слушавший все наши объяснения, очевидно, терпеть не мог крика.

Он нахмурился, вскочил со стула и сердито сказал:

— Товарищи, не кричите, я хорошо слышу.

Я сорвал с Солтана маску. Все увидели его подлинное лицо. А он, как утопающий, размахивал руками, стараясь как-нибудь добраться до берега.

Я был так взволнован, что не понимал, о чем он кричит, что пытается доказать. Впервые в жизни я проявил истинную смелость. Впрочем, я это делал больше от страха, чем от храбрости. Если выпустить в комнату птицу, она, стараясь выбраться на волю, будет биться о стекла, бить посуду. Так и я был вынужден сражаться ногтями и зубами, чтобы вырваться из цепких рук Солтана.

Я никак не предполагал, что весь этот шум так скоро утихнет.

Пожилой мужчина, встретивший нас с улыбкой, с улыбкой же и выпроводил. Выслушав всех, он что-то

пометил у себя в тетрадке, пожал каждому руку и сказал:

— Можете идти...

С Солтаном он тоже попрощался за руку.

А я-то думал, что после всего случившегося ему уже никто не подаст руки! В Контрольную комиссию Солтан входил робко, с дрожью в коленях, а ушел веселый, радостный, держа Лейли под руку.

Инджи нервничала. Она бросила что-то вроде: «Посмотрим, увидим...» — и убежала.

Я пошел на работу. На доске у двери висел приказ. Я прочел его. В приказе, отпечатанном на машинке, говорилось, что я уволен.

Ко мне подошла Лейли. Она посмотрела на меня с презрением и сказала:

— Неблагодарный!.. Вероломный!..

Я молча направился к выходу. Она догнала меня, схватила за руку и злобно зашептала:

— Ты дорого за все заплатишь. Не сносить тебе на плечах твоей красивой головы!

Я ничего не ответил и пошел домой.

Во дворе было тихо, как на кладбище. Я задумчиво бродил по саду среди деревьев и кустов. У меня под ногами трещали сухие ветки, жалобно шуршали опавшие листья. Только деревья, на которых уже не было плодов, хранили молчание.

Я вошел в комнату. Она встретила меня гробовым молчанием. Пахло сыростью.

Вдруг в ворота постучали. Я открыл. Мне вручили повестку из суда. Меня вызывали в суд за то, что я оклеветал Солтана. Обвиняемый — я, истец — Солтан...

На сердце стало тоскливо. Я долго стоял на одном месте, вертя повестку в руках, не зная, что делать.

Опять раздался стук в ворота. Пришли два милиционера. Солтан заявил в милицию, будто я совершил в учреждении кражу.

Обыск закончился в одну минуту, так как в доме ничего не было. Тряпье отца я выбросил. А нового еще ничего не приобрел. Милиционеры ушли ни с чем.

На сердце тоскливо. Началась борьба, страшная борьба. Я и мое слабое тело, — мы не готовы к этой борьбе. Солтан хочет погубить меня... Лучше уж я себя...

На сердце тоскливо... Я открыл шкаф, достал большой хлебный нож.

Я читал в книгах: если перерезать вену на левой руке, наступит быстрая и легкая смерть.

Только это надо сделать не здесь. Возле матери...

Сунув нож в карман, я в последний раз окинул взглядом комнату, вышел во двор, мысленно попрощался с деревьями, с травой. Вошел во двор Садаф-халы. Лицо горело, руки тряслись, колени подгибались.

Я приблизился к террасе, чтобы в последний раз услышать голос Инджи.

И тут я услышал следующий разговор.

— Мамочка, ручаюсь головой, Салех не мог совершить кражу. Как Солтан опозорил его сегодня!

Ответ матери я не расслышал. Инджи продолжала:

— Солтан заявил, будто Салех взломал сейф, забрал шелк, купленный для праздника, и деньги...

Услышав это, я попятился назад, перелез через забор и очутился на улице.

Уже стемнело. На сердце было так тоскливо, что, казалось, на меня навалилась вся вселенная.

Я медленно дошел до кладбища. Нашел в темноте могилу матери, сел, обнял камень, стоящий у ее изголовья. Достал нож.

Неожиданно какой-то голос зашептал мне в ухо:

— Надо мстить, мстить...

Может, это голос матери? Волосы на голове встали дыбом. По спине поползли мурашки. Сжалось сердце.

Другой, более грубый голос, сказал:

— Надо драться... Мстить и драться...

Я вспотел от страха, вскочил на ноги и припустился бежать с кладбища. В ушах у меня звучали какие-то голоса. Мне мерещилось, будто мертвецы поднимают головы из могил и хохочут вслед.

— Ты думаешь, умереть легко? — говорили они. — Жить трудно, но и умирать — тоже. Смерть должна наступить в конце жизни. Ты хочешь бежать из жизни, найти приют у смерти?!

Я мчался по улицам. Я хотел убежать от кладбища, от мертвецов, от могил.

Наконец я остановился, чтобы перевести дух, и увидел, что стою перед нашим учреждением.

В кабинете Солтана горел свет. Я подошел, заглянул в окно. Там был Солтан и еще двое незнакомых людей. Они что-то держали в руках. Я пригляделся. Это была шелковая материя, купленная для флагов, и деньги. Они отмеряли материю, делили деньги.

Что делать? Кому сообщить?

Пока я раздумывал, в кабинете Солтана началась ссора. Незнакомцы угрожали Солтану. Завязалась драка.

Я вытащил нож и кинулся к двери. В это время мимо меня шмыгнули две тени.

Убегав в кабинет Солтана, я увидел, что опоздал.

Утром стало известно, что Солтана ночью зарезали в его кабинете. Весть эта мгновенно облетела город. Я чувствовал, что все косятся на меня. Подозрение росло и росло.

Кончилось тем, что я был арестован.

Но это ничего! Истина такая вещь, что всегда придет человеку на помощь, где бы он ни был.

Можно ли затмить свет солнца?

II

С тех пор прошло более четырех лет. Сейчас я назначен техником в новый, строящийся город.

И вот такой же день, как несколько лет назад. Праздник, праздник революции... Опять клуб набит битком. Все смеются, толкаются, разговаривают. Молодежь пляшет, танцует... Но очень многое изменилось. Бывшие комсомольцы стали партийцами, активными, трудовыми людьми.

Я, как прежде, стою на балконе, слушаю взволнованный шепот листочков вербы. До начала собрания еще полчаса. И опять стук паровой мельницы примешивается к звукам рояля на сцене.

С балкона видны далекие горы. Они стоят спокойные, величественные, словно прислушиваются к шуму праздничного города. Я вспоминаю...

Вот улицы, по которым меня вел милиционер. Затем тюрьма, следовательно, прокурор... Сначала мне не верили.

Кто такие те два человека?.. Мой рассказ казался всем выдумкой. Затем узелок распутался. Преступники были схвачены. Меня полностью оправдали и освободили.

Началась студенческая жизнь. Лекции, семинары, экзамены. Я готовлюсь к ним вот под такими же вербами.

Я уже многого достиг. И пойду все дальше, вперед...

— Салех! Отнеси ребенка в ясли... Я спешу.

— Ты совсем меня превратила в няньку, Инджи!

Листочки вербы зашептались. Раздались громкие аккорды рояля. Паровая мельница застучала еще сильнее.

1933

Рассказ о музыке

Сыну Эмину

Скрестив на груди руки, Фархад стоял у открытого окна и любовался вечерним Баку. Город горел, сверкал огнями, напоминая невесту, с го-

ловы до ног разукрашенную драгоценными камнями. Фонари на набережной отражались в водах Каспия. Казалось, это звезды упали с неба в море.

В соседней комнате маленькая девочка упражнялась на рояле. Она совсем недавно начала брать уроки у жены Фархада и пока играла простенькие этюды и неболь-

шие пьески. Лейла-ханум поправляла ее, учила правильно держать руки и, чтобы девочка не сбивалась с такта, громко отсчитывала:

— Раз-два, раз-два...

Жене Фархада было уже за пятьдесят. Эта красивая приветливая женщина с посеребренными сединой волосами, несмотря на возраст, обладала приятным звонким голосом, мелодичным смехом, легкой, молодой походкой.

— Раз-два, раз-два...

Чувствовалось, девочка изо всех сил старается угодить учительнице. Но рояль не хотел подчиняться детским пальчикам. Маленькие, слабые руки в полном смысле слова не могли заставить его заговорить.

Их рояль был очень редким инструментом, звучным, мелодичным. Лет ему было много, но он до сих пор сохранил красоту своей молодости. Его полированная поверхность ослепительно сверкала и, как зеркало, отражала окружающие предметы.

Фархад вспомнил день, когда был куплен этот рояль.

Шел двадцать пятый год со дня их женитьбы. Двадцать пять лет! Четверть века! Люди называют это серебряной свадьбой. Фархад хотел сделать Лейле красивый подарок. Он долго искал, ходил по магазинам и наконец в одном комиссионном увидел этот рояль. Инструмент так ему понравился, что он тут же отсчитал деньги. Подобно тому как изящное платье быстрее доносит до человеческих глаз красоту его владелицы, так и хороший инструмент быстрее доносит до слушателей красоту музыки и искусство исполнителя.

Лейла играла на рояле целыми днями и не могла наиграться. Только с появлением в доме нового инструмента, Фархад понял, какой талантливый, тонкий исполнитель его жена.

— Раз, два, три... Раз, два, три...

Детские пальчики неуверенно скользят по клавишам. Начинает отчетливо вырисовываться мелодия.

— Раз, два, три... Раз, два...

Неожиданно в доме погас свет. Голос прервался. Рояль умолк.

Фархад прошел в соседнюю комнату. Лейла-ханум недоумевала.

— Интересно, почему погас свет?

— А у соседей горит...

— Наверно, из-за счетчика...

Свет уличных фонарей слабо освещал комнату.

Фархад плохо разбирался в электротехнике. Соседского же паренька, студента политехнического института, дома не было. Пришлось вызывать монтера.

Через полчаса он наконец связался с Багэсом.

Девичий голос объяснил, что сейчас нет ни одного свободного монтера, все ушли по вызову.

После долгих уговоров и просьб девушка заявила, что сейчас есть только один монтер, в обязанности которого входит отрезать свет у тех, кто вовремя не уплатил деньги или совершает беззакония в пользовании электроэнергией. По вызовам он не ходит.

Фархад впервые слышал о существовании монтера, в обязанности которого входит только отрезать свет. Однако сидеть в темноте было не очень приятно, и он попросил прислать хотя бы его.

Неизвестно чему обрадовалась ученица Лейлы-ханум: то ли тому, что погас свет, то ли тому, что кончился урок. Она принялась прыгать, скакать, носиться по комнатам.

Скоро маленькая девочка устала прыгать и ушла. В квартире сразу стало тихо, как на мельнице во время спада воды.

Лейла села за рояль, отложила в сторону ноты своей ученицы. И вдруг комната наполнилась прекрасной музыкой, которая то кипела, бурлила, как горный поток, то превращалась в едва слышный шепот.

Фархад очень любил минуты, когда жена играла на рояле. Ее талантливое, вдохновенное исполнение всегда волновало и радовало его, бросало в объятия мечтаний и дум.

Вот и сейчас, слушая музыку, ему казалось, что в квартире уже зажглось электричество и все вокруг залило ярким светом. И это уже не дом, а сад, полный цветов и роз. Дует легкий ветерок, играет с этими цветами. Потом ветер начинает крепчать, сверкает молния, гремит гром. Цветы трепещут на ветру, им страшно, Фархад слышит их жалобные стоны. Но вот тучи рассеялись. Снова появилось солнце. Птицы радуются, щебечут.

И вдруг в это царство ликования вторгся грубый хриплый голос:

— Покажите, где у вас счетчик...

Музыка оборвалась. Цветы и розы пропали. В комнате опять стало темно...

Грубый голос монтера разрушил мираж, рожденный прекрасной музыкой.

В темноте трудно было разобрать его лицо. Был виден только силуэт. Высокий человек. Вялые, ленивые движения. Дыхание тяжелое, учащенное, хриплое. Вероятно, старик, страдающий астмой.

Монтер зажег в коридоре спичку, повозился со счетчиком, затем принялся ходить по комнатам и внимательно осматривать провода. Наконец он вошел в гостиную, постучал по стене, прислонил лестницу к роялю и поднялся наверх. Зажег спичку, осмотрел в нескольких местах проводку и пробормотал:

— Вот черт, никак не могу найти... Поддай-ка молоток, братец.

— Ты мне? — спросил Фархад.

Монтер грубо ответил:

— Неужели, думаешь, я сам с собой разговариваю? Молоток на полу возле лестницы. Давай его сюда. Собачья профессия! С утра до вечера то на одном столбе, то на другом, то у одних ворот, то у других...

Фархад поднял с пола большой тяжелый молоток, протянул монтеру. Тот размахнулся и ударил. Очевидно, по ролику, потому что на рояль сразу же посыпались осколки.

Не успел Фархад опомниться, как молоток вырвался из рук монтера и упал на рояль.

Фархад бросился к инструменту, но было поздно: от крышки отлетел большой кусок.

Фархад чуть не закричал от огорчения. Ему хотелось схватить монтера за ноги и стащить с лестницы.

Неожиданно загорелся свет. Это было тем более странно, что монтер ничего не сделал, разве только разбил ролик, отчего электрический провод провис.

Сам монтер тоже удивился. Прежде всего он огляделся по сторонам. Затем посмотрел вниз, желая узнать, что разбил.

И тут Фархад хорошо разглядел его. Худое, обросшее щетиной лицо, глаза, окруженные сетью морщин, показались ему знакомыми.

Лейла вскочила с дивана, словно увидела рядом с собой змею, и зашептала:

— Это он!.. Да, да, я узнала его...

— Слезай с лестницы,— закричал Фархад,— полюбуйся своей работой!

Монтер спустился и, даже не взглянув на рояль, небрежно ответил:

— Плачу за ремонт. У людей ноги ломаются, и то костоправы вылечивают. А тут какая-то деревяшка.— И направился к двери.

Нерешительный и мягкий Фархад вдруг превратился в льва.

— Стой! Куда бежишь? Еще не все! — он догнал монтера, схватил за шиворот, повернул лицом к свету и спросил: — Разве ты не Бахрам-бек?

Лейла подошла ближе и повторила:

— Это он... Я узнала его...

Монтер рванулся, высвободил ворот из рук Фархада и прохрипел:

— Какой там бек? Время беков прошло...

Он взвалил на плечо сумку с инструментами, вышел из квартиры и побежал вниз по лестнице.

— От меня не убежишь! — крикнул вслед Фархад. — Запомни сегодняшний день. Он будет для тебя роковым.

Фархад вернулся в гостиную. Жены здесь уже не было. Он бросился в спальню. Лейла лежала на кровати и плакала.

Фархад подошел к ней, сел рядом, положил руку на плечо, но успокаивать не стал. Он знал: иногда слезы приносят утешение.

Немного погодя Лейла села на кровати, вытерла слезы и, посмотрев на Фархада, сказала:

— Я вспомнила прошлое и не смогла сдержаться... Почему хорошие люди умирают, а скверные живут?

— Это не совсем так,— тихо ответил Фархад. — Вредных, плохих людей общество быстро изгоняет из своей среды, особенно сейчас... Однако некоторые, например, этот Бахрам-бек, продолжают жить, как отвратительные сорняки, которые не погибают даже под тя-

жестью машин и тракторов. Но ты не огорчайся, они исчезнут, эти люди уходят вместе со старой эпохой.

Лейла глубоко вздохнула.

Фархад сидел, погрузившись в задумчивость. Приход монтера нарушил его покой, растревожил душу. В памяти со всеми подробностями ожили далекие годы.

II

Деревня утопала в сугробах. Дороги были занесены снегом. Связь с городом и окрестными селами прекратилась.

По вечерам, когда с гор дул ледяной ветер, мороз достигал такой силы, что крестьяне боялись выйти из дому. Они кое-как защищали себя от холода, но скот, который находился в ветхих сараях, хлевах с покосившимися стенами, сырых землянках, погибал. Он подвергся нападению сразу трех врагов — холода, голода и волков.

В окрестностях деревни волки ходили стаями. Голод сделал их смелыми и бесцеремонными. Они даже днем забегали в деревню. Но самым страшным бичом для крестьян была старая волчица из этой стаи. Каждую ночь она приносила несчастье какой-нибудь семье.

Что есть у крестьянина? Овца или вол... Не будет скотины, как станет жить семья?

Была зима тысяча девятьсот девятнадцатого года. Мусаватистское правительство хотело в крови потопить революционное движение в Азербайджане. По селам, деревням бродили отряды вооруженных до зубов мусаватистов и истязали народ.

Маленькая горная деревушка Сабатлы находилась в стороне от этих тревожных событий. Казалось, кто-то взял и забросил ее подальше от населенных мест, в самую гущу гор, на голые скалы.

Ночь. Снег и тьма словно смешались воедино. В деревне никаких признаков жизни. Жители попрятались в свои лачуги, крепко заперли двери.

При свете крохотной керосиновой лампы Лейла лата ла рубаху отца и тихо напевала. Это была старинная народная песня, в которой говорилось о сердечных печалах, о несчастной любви, о разлуке и смерти.

Лейла пела, мелодия становилась все грустнее. Слушай этот нежный дрожащий голос чем-нибудь опечаленный человек, он непременно зарыдал бы, либо от проникновенного исполнения Лейлы, либо от печальных слов песни. Голос у девушки был не сильный, но приятный, задушевный. Она чувствовала музыку всем своим существом.

Лейлу выделяло среди подружек не только тонкое понимание музыки. У нее было красивое лицо, стройная фигура и мягкий, ласковый характер. Двенадцати лет она лишилась матери. На плечи девочки легла вся тяжесть домашней работы. Она помогала отцу, трудилась в поле. И несмотря на это, в ней было столько природного изящества, она была так грациозна, что вызывала всеобщее восхищение. Выросшая в голоде, лишениях и слезах, она походила на подснежник, который расцвел, пробившись из-под толщи снега.

Лейла пела тихо, чтобы не разбудить отца. Исмаил-киши спал в углу на циновке, изредка похрапывая. Он весь день работал на холоде и вечером, придя домой, свалился как подкошенный.

Исмаил-киши не был очень стар, однако уже считался в деревне аксакалом¹. Стоило с кем-нибудь приключиться беде, первым на помощь приходил он. Все шли к нему за советом. Сам бедняк, он готов был с каждым поделиться последним куском хлеба. Крестьяне говорили: «Кошелек у Исмаила маленький, а сердце — большое».

В соседней комнате на циновке прямо в одежде лежал Фархад и слушал пение Лейлы. Как ни странно, грустная, печальная мелодия наполняла сердце парня радостным волнением. Согласитесь, это очень необычно, когда тоскливая песня порождает в человеке радость. Но сейчас вам все станет ясно: прибавьте к этой грустной песне два молодых сердца, переполненных любовью к жизни, да еще звонкий, как родник, и мягкий, как бархат, голосок.

В окно была видна часть занесенного снегом дворика. Иногда из-за облаков проглядывала луна, серебра сугробы. В такие минуты в комнате Фархада становилось светлее.

Комната Фархада!.. Не подумайте, что половина дома Исмаила-киши принадлежит этому парню. Ничего подобного. Он живет здесь всего неделю. Фархад — гость Исмаила-киши, очень дорогой гость. Он — сын покойного друга Исмаила-киши.

Фархад родился в этой деревне двадцать два года тому назад. Когда парню исполнилось пятнадцать лет, умерла мать, а вслед за ней и младшая сестра. Горю отца не было предела. Он повесил на дверях дома, который состоял из единственной комнаты, замок и уехал в Баку. Два года проработал на нефтепромыслах, затем заболел... В прошлом году, как раз в это время, он умер. Фархад остался один.

В детстве мальчик играл на пастушьей дудке, потом пристрастился к сазу, а в Баку научился играть и на таре. После смерти отца Фархад начал кое-как зарабатывать на жизнь музыкой.

Но это продолжалось недолго. Скоро Фархад понял, что ему не устоять одному под градом тяжелых ударов жизни. Да и музыка, которую он исполнял, его не удовлетворяла. Родина полыхала в огне. В этом пожарище слышался стон народа. Он составлял разительный контраст с теми веселыми мелодиями, которые Фархад играл богачам на пирушках.

И тогда юноша решил расстаться со своей беднячкой, голодной жизнью в Баку и начал бродить по районам, из деревни в деревню, изучая народную музыку. Однако настал день, когда его скромные сбережения иссякли. Пришлось продать тар. Вырученных денег едва хватило на месяц. Наконец, голодный и усталый, Фархад вернулся в родное село, но их хижина развалилась еще в начале зимы, едва выпал первый снег, и он был вынужден искать приют в доме старого друга отца, Исмаила-киши.

Лейла и Фархад росли вместе. И вот сейчас, встретившись с девушкой после стольких лет разлуки, Фархад вдруг ощутил в сердце очень странное чувство. Целую неделю он ходил словно загипнотизированный, не понимая, что с ним происходит. Юноша не знал, что чувство это называется любовью.

Лейла пела. Ее песня то уносила Фархада в какой-то сказочный мир, то, наоборот, вырвав из объятий грез и мечтаний, воскрешала перед глазами образ родных гор,

¹ Аксакал — буквально: белобородый; авторитетный, уважаемый человек.

напоминала об обливающихся кровью сердцах, обреченных на страдания. Он вспоминал детство, прошедшее в нужде и горе.

Вдруг в дверь сильно постучали.

Лейла умолкла. Сердце ее сжалось от страха. Исмаил-киши проснулся и вскочил на ноги.

— Кто там? — спросил он.

За дверью послышался стон.

— Это я... Мурад... Откройте... Истекаю кровью...

Исмаил-киши кинулся к двери, отодвинул засов.

В комнату, шатаясь, вошел их сосед каменщик Мурад и прислонился к стене. Затем как подкошенный рухнул на пол. Он был весь в крови, одежда на нем была изорвана.

Исмаил-киши поднял Мурада, провел в угол, положил на кошму. Лейла принесла мутаку, сунула ему под голову.

— Мурад! — позвал Исмаил-киши. — Скажи, кто тебя так?..

Мурад поднял голову, пугливо покосился на дверь и прохрипел:

— Волчица!..

У Исмаила-киши, Лейлы и Фархада, который стоял в дверях, по спине побежали мурашки.

— Где ты ее встретил? Говори!

Казалось, этот вопрос придал Мураду сил. Он приподнялся, сел, прислонясь к стене, и стал рассказывать:

— Я работал в соседнем селе. Подрядился выложить забор... Вечером, закончив работу, пошел домой. До деревни добрался благополучно. Но у самой околицы встретил старую волчицу. В руках у меня был железный лом. Я начал отбиваться, побежал напрямик через сугробы... Лом выпал, утонул в снегу. Пока я искал его, волчица набросилась на меня. Мы сцепились... Потом я как-то изловчился, перескочил через ваш забор. Еще немного — загрызла бы.

Силы покинули Мурада, он снова лег. Исмаил-киши вернулся к дочери.

— Лейла, там на полке простыня... Старенькая, но чистая. Принеси скорей...

Когда Мураду перевязали раны, он попытался встать, чтобы пойти домой. Но страх и боль сковали его движе-

ния. Ему казалось, волчица ждет за воротами и стоит только выйти, как сейчас же снова начнется страшная, жестокая борьба.

Мурад остался ночевать у Исмаила-киши.

Наутро по деревне разнеслась весть: «Волчица напала на Мурада!»

Крестьяне толпами потянулись к дому Исмаила-киши. У изголовья Мурада сидели жена, сестры, пятеро ребятишек. Но Мурад их не видел, он весь горел. Под утро ему стало совсем плохо. Он потерял сознание.

Крестьяне, посоветовавшись, пришли к выводу, что состояние Мурада следует объяснить испугом. Послали в соседнюю деревню за муллой. Однако Мурад не дождался прихода священнослужителя и скончался под громкий плач и причитания близких.

Страшное известие всполошило всю деревню.

Что делать?.. Суровая зима и голод пожирала людей, как волки. А теперь и сами волки начали уничтожать людей.

Что делать?.. Оружия нет, связь с городом прервана.

Всю ночь аксакалы ломали головы. Наутро Исмаил-киши и кузнец Мардан, положив на плечи дубинки, отправились в город за помощью.

В уездном городке творилась неразбериха. Правители сменялись ежедневно. У кого рука посильнее, тот и назначал себя «главой правительства». Один даже, воспользовавшись смутным временем, объявил себя «царем уезда» и «царствовал» в течение целой недели. Потом этот самый «царь» покатился вниз по нерархической лестнице, добрался до нижней ступеньки и сейчас исполнял обязанности старшины базара.

Что могли сделать Исмаил-киши и Мардан в таком хаосе? Их даже никто не выслушал как следует. Подумаешь, большое дело — в деревне Сабатлы волк напал на человека! Не пошлет же туда правительство войска! Здесь люди головы не могут удержать на плечах, по ночам на каждом углу совершаются убийства...

Исмаил и Мардан исколесили весь город, а что толку? Наконец, перекусив на ходу, они решили вернуться назад в деревню. Проходя мимо лавки известного мастера Акона, который делал тары и кемапчи, Исмаил-киши вспом-

нил, как Фархад убивался, раскаиваясь, что продал свой тар.

«Неплохо бы купить парню новый инструмент!» — подумал старик.

Мастер-армянин оказался добрым, славным человеком. Он выбрал Исмаилу самый лучший тар и запросил недорого. Старик занял у Мардана немного денег и расплатился. Мастер Акоп помог ему завернуть инструмент в мешок, который оказался в хурджуе.

Поболтав с мастером о том о сем, крестьяне двинулись в обратный путь.

Мороз крепчал. Исмаил-киши прижимал к груди тар, как новорожденного ребенка. Ветер, дующий с гор, мешал идти, от усталости крестьяне не чувствовали под собой ног. Им казалось, они идут на каких-то деревьяшках.

Почти у самой деревни путникам повстречались два всадника. Впереди на гнедом коне ехал черноглазый, чернобровый человек в огромной серой папахе. Его толстые усы были лихо закручены полумесяцем, за плечами висела пятизарядная винтовка, на поясе — маузер. Всадник, ехавший следом за ним, тоже был вооружен до зубов. Его смуглое, изрытое оспой лицо походило на кусок теста, исклеванный дюжиной кур. Густая сеть морщин вокруг маленьких хитрых глазок говорила, что он немного старше своего товарища.

Увидев крестьян, всадник в серой папахе остановил лошадь и спросил:

— Что это за деревня?

Мардан подтолкнул вперед Исмаила-киши и тихо сказал:

— Подойди, объясни... Это какие-то начальники...

Несмотря на мороз, Исмаил-киши стащил с головы шапку, сделал два шага вперед и сказал:

— Это деревня Сабатлы, уважаемый...

— А не прячутся ли у вас дезертиры?

— Не прячутся, уважаемый...

Получив такой ответ, всадники хотели уже проехать мимо, но тут Мардан дернул Исмаила за рукав.

— Слушай, Расскажи им... Расскажи про нашу беду... Очень уместно...

Слова Мардана придали Исмаилу смелости.

— Господин! — крикнул он вслед удаляющимся всадникам.

Всадники остановили коней. Исмаил-киши подошел и рассказал, зачем они с Марданом ходили в город, как волчица напала на Мурада.

Рябой всадник огляделся по сторонам и удивленно спросил:

— Волчица?..

— Да господин, волчица.

— Говоришь, приходит каждую ночь?

— Да, господин... И днем тоже... Не дает покоя!..

Рябой повернулся к товарищу в серой папахе и сказал:

— Клянусь, Бахрам, замечательный случай. Только вчера купил эту винтовку. Еще не обновил. Давай заедем к ним...

Всадник в серой папахе сначала посмотрел в сторону деревни, затем на Исмаила-киши и скривился.

— Слушай, не фокусничай, Раджаб! Мы там только наберемся грязи! Пуда мыла не хватит, чтобы отмыться.

— Да брось ты!.. Прошу тебя, поедем! — принялся Раджаб уговаривать Бахрама. — Я знаю, твое сердце рвется к дочери Акопа. Но что такое один день? Поедем... — рябой обернулся к Исмаилу и приказал: — Эй, мужик, показывай дорогу!..

Исмаил и Мардан пошли вперед и привели всадников в деревню Сабатлы.

У дома Исмаила-киши толпились крестьяне. Они собрались сюда, как только заметили на дороге всадников.

Смеркалось. Из дома Мурада доносился плач, слышались выкрики. Казалось, это ветер выл в ущелье, взметая вихри снега.

Подъехав к околице, Бахрам-бек спросил:

— Почему собрался народ?

Исмаил быстро ответил:

— Они ждут вас, ага! Увидели всадников, приободрились, осмелели. Иначе бы в это время никто не отважился выйти из дому. Боятся...

Всадники подъехали еще ближе. Вдруг Бахрам-бек остановил лошадь и тихо сказал:

— Раджаб! Видишь девушку у забора?.. Какая красавица, бог мой!.. Клянусь, Сирануш недостойна даже поливать ей на руки!..

— У каждого плода свой вкус, Бахрам! — ответил Раджаб и внимательно присмотрелся к девушке. — А ты верно говоришь. Она похожа на ангела. Интересно, чья дочь?

— Девушка вышла вон из того дома. Сейчас я спрошу...

Бахрам-бек подъехал к толпе, громко поздоровался со всеми, затем спросил у Исмаила:

— Скажи-ка, чей это дом?

— Мой, господин... — приветливо ответил Исмаил-киши.

Бахрам-бек спрыгнул с коня.

— А ну, проводи нас к себе, надо погреться. Или ты думаешь, мы прямо сейчас, голодные помчимся в горы искать волчицу?

— Нет, ага... Зачем вы так говорите? Пожалуйста, мой дом — ваш дом.

Всадник в серой папахе бросил поводья Исмаилу и обернулся к крестьянам.

— Эй, люди! — крикнул он. — Ступайте по домам. Не бойтесь... Там, где Бахрам-бек, волки не посмеют появляться!

Крестьяне начали расходиться. Бахрам-бек и Раджаб вошли в дом Исмаила-киши.

На смену серому, туманному, пасмурному дню пришла морозная темная ночь. Крестьяне принесли в дом Исмаила-киши немного мяса и сыра, чтобы их односельчанин не опозорился перед «беками — охотниками на волков». Затем все попрятались по домам, крепко заперли двери, погасили лампы. Однако никто не спал. Крестьяне думали о схватке, которая произойдет у беков с волчицей.

Только в двух домах горел свет: у Мурада и Исмаила-киши. Покойника еще не похоронили. Старшая сестра Мурада лишь сегодня к вечеру добралась до Сабатлы из далекого селения. Вопли и причитания сотрясали стены лачуги.

А в доме Исмаила, наоборот, царило веселье. Беки громко хохотали, шутили и требовали еду. В эту ночь в

деревне Сабатлы родилась поговорка: «Легче насытить целое войско, чем накормить двух беков».

В одной комнате находились гости, в другой — Лейла и Фархад. Лейла сидела грустная. Что касается Фархада, то, получив от Исмаила-киши в подарок тар, он чувствовал себя на седьмом небе. Юноша плотно закрыл дверь в соседнюю комнату, вынул из футляра инструмент и принялся внимательно его осматривать. Струны за время дороги ослабли. Он взял несколько аккордов. Тар жалобно застонал, словно человек, до раны которого дотронулась неосторожная рука.

Фархад вертел тар во все стороны и приговаривал:

— Хороший тар!.. Сделан искусным мастером!

Он заиграл тихо, чтобы не слышали беки.

Его игра поразила Лейлу...

Теплый, чистый дом Исмаила-киши пришелся по вкусу Бахрам-беку. Только две вещи раздражали его: во-первых, слишком затягивались перерывы между блюдами, во-вторых, не показывалась на глаза хозяйская дочь.

Бахрам-беку было известно, что крестьяне — народ ревнивый и строгий, когда дело касается чести их дочерей. Он понимал: неосторожное слово может испортить все дело. Поэтому начал разговор издалека.

— Послушай, Исмаил-киши! — ласково позвал он хозяина. — Что ты там копаешься? Сообрази-ка нам еще чего-нибудь поесть! Мы умираем с голоду...

Исмаил-киши поспешно вошел в комнату.

— Сейчас, мой бек... Я готовлю...

— А почему ты сам готовишь? Неужели у тебя нет жены или дочери?

— Нету, дорогой бек! Жена давно умерла, а дочь еще совсем ребенок. Я привык сам заниматься хозяйством, научился неплохо стряпать.

— Сколько же лет твоей дочери?

— Недавно исполнилось шестнадцать.

Исмаил-киши нарочно уменьшил возраст Лейлы на два года... Ему не понравилось, что Бахрам-бек так интересуется его дочерью.

— Ты посмотри, а!.. Посмотри только!.. — Бахрам-бек зачмокал губами и кивнул головой на дверь комнаты, где находилась Лейла. — Совсем взрослая девушка! Пора выдавать замуж...

— Жизнь у нас трудная, суровая, дорогой бек. О таких вещах, как свадьба, мы и думать забыли.

— А кто этот молодой парень? Твой сын?

— Нет, бек, это сын моего друга. Вернулся из Баку в родную деревню, а домишко-то их развалился. Вот парень и живет у меня.

— Где он работал в Баку?

Исмаил-киши не хотел говорить, что Фархад играет на таре, боялся, как бы беки не заставили парня играть им. Соседи, в доме которых был траур, могли обидеться.

— Он рабочий... Работал на нефтепромыслах... — уклончиво ответил старик и, видя, что бек не собирается больше задавать вопросов, вышел.

Гости остались одни. Бахрам-бек задумчиво произнес:

— Этот молодчик мне что-то не нравится!

Скоро на столе появилось новое блюдо. Отправив в рот несколько кусочков жареного мяса, Бахрам-бек обернулся к своему дружку, который развалился на тюфяке, и сказал:

— Клянусь аллахом, Раджаб, такая еда не пойдет без коньяка! Невкусно! А ну-ка, давай заглянем в наш хурджун...

— Осталось всего две бутылки. Лучше приберечь до города. Стоит ли портить коньяк в этой крестьянской лачуге? Жаль, честное слово, жаль!

— Для меня раздобыть в городе коньяк — раз плюнуть. Доставай бутылки! Душа горит!

Раджабу пришлось подчиниться. Он вынул из хурджуна две бутылки коньяка и поставил на стол. В свете керосиновой лампы их содержимое отливало янтарем.

Бахрам-бек любовно погладил одну из бутылок и опять причмокнул.

— Рядом в комнате блеет хорошенькая овечка, а мы здесь одни околеваем со скуки.

— Слушай, какая овечка?

— Я говорю о девушке. Без нее кусок в горло не лезет.

— И мне есть не хочется...

Жалуясь на аппетит, беки мигом уплели все, что было на столе. Одна из бутылок стала прозрачной.

У Бахрам-бека немного поднялось настроение. По мере того как коньяк разливался по его жилам, ка-

кая-то неведомая сила срывала бека с места, пальцы сами без конца прищелкивали, он то и дело кричал хозяину:

— Эй, Исмаил-киши, тащи еду!

— Подай соль!..

— Принеси-ка еще такого мяса. Эх, мягкое, нежное!..

Требования возрастали. Постепенно Бахрам-бек из мира материального перенесся в мир духовный. Для начала он приказал Исмаилу разыскать и привести в дом музыкантов-зурначей. Когда хозяин объяснил, что в деревне никто не умеет играть на зурне, он потребовал, чтобы к ним вышла Лейла и сплясала, заявив при этом, что музыканты не нужны, так как Раджаб-бек может сыграть на губах любую мелодию.

Исмаил-киши стоял у порога в почтительной позе, скрестив на груди руки. Услышав последнее желание Бахрам-бека он стал пунцовым, а руки его упали вниз, как плети.

— О чем вы говорите, бек? — спросил он глухо. — Моя дочь не плясунья.

Бахрам-бек расхохотался.

— Не обижайся, Исмаил-киши! Что такое танцы?.. Это искусство. Разве вы, крестьяне, разбираетесь в искусстве? Эй, Раджаб, открой вторую бутылку. Душа горит!

В соседней комнате Лейла, забившись в угол, дрожала, как осиновый листок. Она была блее стены. Всякий раз, когда Бахрам-бек произносил ее имя, девушка вздрагивала. Фархад пытался успокоить ее, но тщетно. Сейчас Лейла, выражаясь языком древних поэтов Востока, походила на джейрана, которого загнали в тупик между скал.

Что касается «охотника», который находился в соседней комнате, его словно распирали изнутри какая-то неведомая сила. Он никак не мог уговориться: то безудержно хохотал, то требовал еду, то кричал на весь дом:

— Зови Лейлу-ханум, Исмаил-киши! Пусть разочек чокнется с нами!

Хозяин отвечал слабым дрожащим голосом:

— Какая она ханум?.. Мы бедные крестьяне...

— Если ты беден, я сделаю тебя богатым... — гремел Бахрам-бек. — Ты понимаешь, что значит быть со мною в дружбе? Половина Азербайджана принадлежит мне!

Зови сюда дочь, мы полюбуемся на нее... Смотреть на красоту — дело, угодное аллаху.

Исмаил-киши не вытерпел и воскликнул:

— Бек! Ты ел мой хлеб, а теперь хочешь опозорить мою дочь?! Это бесчестно!!

Бахрам-бек оборвал старика:

— Заткнись, дурак!

Он схватил со стола бутылку и бросил ее на пол. Затем ударил ногой в дверь. Крючок не выдержал этого удара и вылетел из гнезда. Дверь распахнулась.

Бахрам-бек как безумный бросился в комнату. Грудь его тяжело вздымалась.

— Где она? — воскликнул он. — Где эта райская птичка?

Его глаза налились кровью и горели, как у волка. Он вращал ими во все стороны. Вдруг взгляда Бахрам-бека упал на тар. Он схватил его, стал разглядывать.

— Тар Акопа... — забормотал он себе под нос, и в голосе его зазвучала тоска. — Наверно, его касались пальцы Сирануш.

Тут он увидел Лейлу, которая забилась в угол. Бахрам-бек раскинул в стороны руки, да так и застыл в изумлении. Потом, как бы про себя, вымолвил:

— Какой прекрасный цветок вырастил ты среди этих сорняков, о господи!

После такого предисловия Бахрам-бек хотел броситься вперед и сорвать восхваляемый им цветок, но сильные руки Исмаила-киши схватили его сзади за плечи. Бахрам-бек рванулся раз, другой, стараясь высвободиться из железных объятий. Чувствуя, что это ему не удастся, он обернулся лицом к старику. Его пальцы разжались, тар упал на пол и раскололся пополам.

Бахрам-бек и Исмаил-киши сцепились. Улучив момент, старик крикнул:

— Фархад! Спасай девушку! Бегите!

Молодые люди кинулись к окну и через минуту были уже во дворе.

Выбравшись со двора, Лейла и Фархад побежали по занесенной дороге, утопая по пояс в снегу. Деревня была залита лунным светом. Плач и вопли в доме Мурада

прекратились. Окно слабо светилось. Фархад схватил за руку дрожащую от холода и страха Лейлу и потащил к соседям.

Как только они появились на пороге, все, кто был в комнате, всполошились. Увидев юношу и девушку в таком виде, несколько женщин воскликнули в один голос.

— Волк!

Глаза крестьян наполнились ужасом. Для этого дома, для этой семьи, для всех присутствующих в этой комнате слова «волк» и «смерть» означали одно и то же.

Женщины окружили молодых людей и стали наперебой спрашивать:

— Где вы встретили волка?

— Как спаслись?

Фархад, с трудом шевеля закоченевшими на морозе губами, ответил:

— Не волк, а бек... Бек, которого дядя Исмаил привел в деревню... Он бросился на Лейлу... Хуже волка... Мы едва убежали...

Это известие всех потрясло. Человека позвали защитить крестьян от волков, а он сам превратился в волка и нападает на людей! Никто больше ничего не спрашивал, только какая-то старуха прошамкала себе под нос:

— Ох, красота — беда для девушки.

События, развернувшиеся вслед за этим, остались в памяти жителей Сабатлы как страшный сон. Бахрам-бек с распахнутым воротом, всклокоченными волосами, пистолетом в руках носился между домами и кричал:

— Где девушка? Где мой джейран?

За ним с окровавленным лицом бегал Исмаил-киши. Он пытался задержать его, кидался прямо на пистолет обезумевшего бека.

В эту минуту Бахрам-бек был страшнее волка.

Его дружок заснул под действием выпитого коньяка.

Для того чтобы удовлетворить свою страсть, Бахрам-бек готов был учинить кровавую расправу над всеми жителями деревни. Он выбивал окна в домах крестьян, взламывал двери, но никак не мог найти ту, которую искал.

Женщины, оплакивающие покойного Мурада, боялись расходиться по домам. Никому уже и в голову не при-

ходило стенать по умершему. Живые сами боялись стать покойниками.

В дом усопшего Бахрам-бек проник не через дверь, а в окно. Перепуганные женщины, как цыплята, завидевшие коршуна, бросились по углам. Только ошеломленная Лейла, не в силах двинуться с места, продолжала стоять посреди комнаты. Волосы рассыпались по ее плечам. На их фоне смертельно бледное лицо казалось еще прекраснее. Она походила на птицу, пойманную в силоч. От волнения и страха ее грудь вздымалась. Бахрам-бек решил, что девушка трепещет от страсти.

Раскинув в стороны руки, он пошел на нее и вдруг столкнулся с окровавленным человеком. Это был отец девушки. Но Бахрам-бек был разгорячен и не видел ничего, кроме девичьего лица, похожего на месяц, выглянувший из-за черных туч. Подчиняясь дикому, животному инстинкту, он вскинул руку с пистолетом. Прогремел выстрел. Исмаил-киши рухнул на пол, как подрубленное дерево.

Фархад кинулся к беку и вырвал у него из рук пистолет. Потеряв оружие, Бахрам-бек превратился в волка, у которого вырвали клыки. Оправившись немного от испуга, он завопил:

— Эй ты! Вырываешь мой пистолет?! Раджаб, неси винтовки!.. Раджаб, меня убивают!..

Бахрам-бек кинулся к двери, миновал дворик и побежал по дороге.

Исмаил-киши получил тяжелое ранение. В доме, где был траур, случилось еще одно несчастье. Как говорится, пришла беда — открывай ворота.

Исмаил-киши часто терял сознание. Рана на груди кровоточила. Не успели женщины перевязать его и уложить на циновку, как послышались выстрелы. Все поняли: беки перешли в наступление. Надо было бежать и прятаться. Лейла и Фархад вывели раненого через заднюю дверь. С ними пошли еще несколько крестьян. Когда старик терял сознание, его несли на руках. Люди двигались куда глаза глядят, лишь бы быть подальше от этих выстрелов.

— Иди со мной рядом, доченька! — то и дело звал Лейли Исмаил-киши. — Пока я жив, они не тронут тебя!

Немного погодя беглецы добрались до развилки доро-

ги. Сзади заскрипел снег. Это были беки. Прогремел выстрел. Пуля просвистела совсем рядом.

Решили свернуть вправо. И вдруг на фоне ослепительно-белого снега они увидели силуэт старой волчицы. Сзади — погоня, впереди — волк. Но вооруженные люди так напугали крестьян, что волчья пасть показалась им менее ужасной.

Вот уже волчица совсем близко. Присев на задние лапы, она приготовилась к прыжку.

Сзади раздались возгласы:

— Смотри, вон они. Быстрее, Раджаб!

— А ты видишь волка, Бахрам?.. Отойди в сторону, я выстрелю!.. Еще убежит!..

— Зачем мне волк?.. Быстрее!.. Девушка уходит!..

— Девушка... Волк... Мне все равно. Я хочу испытать свою новую винтовку.

Раздался выстрел. Волчица рухнула в снег, затем вскочила и, хромая, побежала прочь.

Прогремел второй выстрел. Это стрелял Фархад. Его пуля сбила папаху с головы Раджаб-бека. Тот обхватил голову руками и закричал:

— Бахрам! Ложись, прятись!.. Они тоже вооружены!..

Беки были так напуганы, что им даже не пришлось в голову спрятаться в зарослях голого кустарника у дороги. Они упали в снег и открыли стрельбу наугад, не целясь, боясь поднять голову.

Фархад отстреливался, пока в пистолете не кончились патроны. Затем кинулся догонять своих. Крестьяне в страхе разбегались кто куда. Фархад увидел на дороге Исмаила-киши, который едва стоял, опираясь на руку дочери.

Он взял старика под руку с другой стороны, и они троим пошли по дороге, спеша уйти подальше от родной деревни.

Рассвет застал их на голом заснеженном холме. Вернуться назад они не могли. Во-первых, там их ждали враги, которых Исмаил-киши привел в свой дом как друзей, во-вторых, у раненого не было сил двигаться. Он потерял сознание. Рана перестала кровоточить, но из горла вырывались хриплые стоны. Фархад и Лейла наломали веток, уложили на них старика и укрыли стеганкой,

которую захватили, убегая из дому Мурада. Точно такая же стеганка была на Фархаде. Лейла куталась в большую чадру.

Из-за крутых скал поднималось холодное зимнее солнце. Снежная пустыня ослепительно сверкала в его лучах.

Лейла тихо плакала. Тишину, царящую вокруг, нарушали только ее всхлипывания да хрип Исмаила-киши. Его грудь тяжело вздымалась, словно кузнечные мехи. На губах выступила кровавая пена.

Изредка налетал порыв холодного ветра. Голые ветки деревьев, стоящих поблизости, волновались, вздрагивали, бились одна о другую. Вырвавшись из-за скал, ветер со свистом бросался в пропасть, вздымая на ее краях вихри снежной пыли. Казалось, на дне пропасти плачут и причитают облаченные в траур женщины.

Вдруг влажные от слез глаза Лейлы округлились. Она показала пальцем в сторону леса и удивленно сказала:

— Посмотри, Фархад, посмотри туда!..

Фархад обернулся: по снегу в их сторону ползло что-то черное. Он сделал несколько шагов навстречу и вдруг замер от изумления: это была раненая волчица.

Она ползла медленно, оставляя за собой кровавый след. Время от времени вытягивала шею, хрипела. Потом, собравшись с силами, оборачивалась в сторону деревни, щелкала зубами и снова принималась ползти.

Фархад и Лейла нисколько не испугались. Они стояли и спокойно наблюдали за раненым зверем. Сейчас для них был страшен не волк, а человек. Волк полз, убегал, боясь встретиться с другим волком, который был гораздо страшнее.

Но вот волчица последний раз лязгнула зубами, положила голову на снег и замерла. Исмаил-киши тоже перестал хрипеть и наконец умолк совсем.

Наступила страшная, мертвая тишина.

В это время на дороге показалась группа людей. Это крестьяне Сабатлы вышли разыскивать односельчан.

Мурада и Исмаила-киши похоронили в один день. Беки на рассвете ушли в город за подкреплением. Они решили сровнять с землей «бунтарское село».

Под вечер на дороге показался отряд всадников. Фархад и Лейла горными тропами ушли из деревни.

Они долго странствовали, переезжали из города в город, из деревни в деревню и наконец в мае тысяча девятьсот двадцатого года, обтрепанные, нищие, добрались до Баку.

III

Как бы ни были горьки воспоминания, они быстро растворяются в радости счастливых дней. Неприятности, как и дурной сон, очень скоро забываются.

На следующее утро Фархад отправился на поиски мастера, который смог бы починить их рояль. Ему посоветовали обратиться к человеку по имени Алиафсар.

Через несколько дней Фархад нашел комиссионный магазин, в котором работал Алиафсар.

Какой-то покупатель приценивался к старому роялю. Алиафсар вовсе расхваливал инструмент, хотя тот имел такой вид, словно принимал участие в сражении на баррикадах. На нем не было живого места. Тем не менее Алиафсар превозносил рояль до небес, не давая возможности покупателю собраться с мыслями.

После продолжительных дифирамбов Алиафсар сел за рояль, открыл крышку и принялся наигрывать «сегях»¹ огрубевшими от тяжелой работы пальцами. Фархаду показалось, будто старый, потерявший голос певец, хрипя и надрываясь, силится вспомнить в последние минуты жизни былые годы.

«Сегях» не был доигран до конца, так как покупатель молча повернулся и вышел из магазина.

Алиафсар сердито хлопнул крышкой, вскочил со стула и только тут заметил Фархада. Он быстро подбежал к нему и сказал:

— Братец, давай мы купим тебе этот рояль. Чудесный инструмент! Когда-то сам Манташев² выписал его для себя из Парижа... Ты слышал звук? Ржет, как холеный жеребец.

¹ Сегях — восточная мелодия.

² Манташев — крупный бакинский нефтепромышленник.

Фархад объяснил, что ему нужно. Видно, Алиафсар был из тех, кто готов подработать любыми средствами.

— Значит, вы хотите починить свой рояль? — спросил он с деланным участием.

— Да. Если вы сейчас не заняты, пойдете ко мне.

Алиафсар приложил ладонь к глазам и сказал:

— Пожалуйста. С превеликим удовольствием. Клянусь вот этими косыми глазами...

Фархад пригляделся и увидел, что Алиафсар действительно слегка косит и у него очень странные брови, похожие на хвосты скворцов. Некоторым женщинам такие глаза очень идут, а мужчин — уродуют.

Едва они вошли в квартиру Фархада, Алиафсар коршуном бросился к роялю, ослепительно сверкавшему на солнце. Он сначала обошел его со всех сторон, осмотрел сверху, снизу.

Фархад рассмеялся.

— Ты чего приглядываешься? Это ведь не лошадь, которую ты собираешься купить!

Алиафсар пропустил замечание мимо ушей. Он сел за рояль, открыл крышку и начал осматривать клавиши.

Фархад подумал, что этот человек действительно относится к инструменту, как к лошади. Барышник, покупая коня, смотрит ему в зубы и таким образом определяет возраст. Алиафсар же разглядывал клавиши, стараясь определить качество инструмента.

Закончив осмотр, он взял два-три аккорда и заиграл тот же «сегах», который только что «исполнял» у себя в магазине.

Фархад подумал: «Если он будет играть этот «сегах» на всех продаваемых им роялях, инструменты навеки останутся без покупателей».

Закончив играть, Алиафсар снял ногу с педали, взглянул на Фархада с хитрецей и сказал:

— Если продаешь, считай, покупатель у тебя уже есть.

— Нет, — оборвал Фархад. — Рояль не продается. Я хочу починить его.

Алиафсар удивленно вскинул вверх свои брови, похожие на хвосты скворца.

— Что тут починять? Ведь он совсем как оседланная лошадь: садись и скачи куда хочешь.

Фархад показал сломанное место. Алиафсар небрежно глянул и спросил:

— Ты хочешь приделать отломанный кусок? Понятно... А я подумал, вы это нарочно сделали, чтобы рояль не сглазили. Тебе ведь известно, у красивой лошади иногда подрезают ухо от сглаза. По-моему, не нужно трогать рояль. Во всем Азербайджане нет инструмента, которого бы я не знал. Это рояль мастера Акопа. Вернее, он когда-то принадлежал Акопу, потом перешел в руки одного человека... Это был бек по имени Бахрам. Он бросил дочь мастера Акопа, молоденькую армяночку, но инструмента, молодец, из рук не выпустил. В то время мы с ним малость повздорили из-за одного дела, потом, правда, помирились. Я уговаривал, уговаривал бека: «Давай продам твой рояль!» А он мне: «Нет, Алиафсар, после того, что между нами произошло, я уже не могу доверить тебе важное дело!» Тайком от меня продал рояль... Негодник!

Алиафсар еще раз осмотрел сломанное место и спросил:

— Ты знаешь мастера Акопа?

— Нет, не знаю.

— Вот он может исправить такую поломку. Хочешь починить — обращай к нему. А продать — ко мне. Клиенты всегда к твоим услугам. Нет никакой надобности везти инструмент в комиссионный магазин. Я все так организую, что...

Фархаду надоела излишняя болтливость Алиафсара. Он перебил его:

— А где живет мастер Акоп?

В эту минуту Алиафсар походил на лошадь, которую осадили на полном ходу. Он несколько раз пробормотал: «Органиую, организую...» — потом сказал:

— Я тебе дам адрес Акопа. Только сразу не говори, что это его рояль. Иначе он может не прийти... Инструмент напугает его о дочери. Эх, что эта была за девчонка! Настоящая красавица-джейран! Попала в руки дураку... Короче говоря, зови Акопа, он тебе починит! Но рояль он, конечно, узнает...

На пороге Алиафсар обернулся.

— А будешь продавать — скажи мне.

Фархад без труда нашел дом мастера Акопа по адресу, который ему дал Алиафсар. Дверь открыл маленький мальчик. Фархад заинтересовался, дома ли хозяин.

— Сейчас узнаю, — ответил мальчик и закричал: — Дядя Акоп! Эй, дядя Акоп!

Из комнаты донесся приглушенный голос:

— В чем дело, Мамед? Что случилось?

— Ты дома?

В коридор, чуть горбясь, вышел старик с лицом и руками цвета меди.

— Если бы меня не было дома, как бы я смог тебе ответить, чертенки?! Ты что, опять подшучиваешь надо мной?..

— Нет, дядя Акоп, не шучу. Тебя кто-то спрашивает.

Старик подошел к Фархаду, пригляделся внимательно и сказал:

— Я вас не узнаю...

— Мы с вами незнакомы, Акоп-даи... Я пришел по рекомендации. У меня есть рояль. На днях монтер уронил на крышку молоток, и от нее отскочила планка. Я хочу, чтобы вы починили...

— А ты не ударил этим же молотком монтера по голове?

— Нет, не ударил...

— Напрасно.

Акоп повернулся к маленькому Мамеду и попросил:

— Пойди принеси из комнаты мою шапку и палку. Мамед фыркнул.

— Ты идешь колотить монтера, дядя Акоп?

— Нет, сначала я отколочу тебя, чертенки!

Мальчик, смеясь, убежал. Акоп-киши посмотрел ему вслед и покачал головой.

— У меня хорошие соседи. Очень меня любят.

Через минуту Мамед вернулся с шапкой и палкой старика. Акоп-киши тяжелой поступью вышел из дому.

Они уже прошли порядочное расстояние. Вдруг Акоп-киши снова внимательно посмотрел на Фархада и спросил:

— Кто же вам дал мой адрес?

— Продавец одного комиссионного магазина. Его звать Алиафсар...

— Ах, Алиафсар! — усмехнулся Акоп-киши. — Да, теперь он перепродает рояли. А некогда он смотрел за лошадьми бека. После революции начал барышничать,

но появились машины, лошади упали в цене. Тогда-то он и занялся перепродажей музыкальных инструментов...

Акоп-киши вдруг погрузился в уныние.

Поднимаясь по лестнице на третий этаж, старик часто останавливался, чтобы перевести дух.

Они вошли в квартиру Фархада. Мастер Акоп поставил в угол палку, повесил на вешалку шапку, поздоровался с Лейлой и направился к роялю. Он осмотрел сломанное место, прочел марку фирмы, задумался и сказал как бы про себя:

— Этот рояль мне очень знаком.

Старик поднял крышку инструмента, осмотрел струны, прочел номер, порылся в карманах, нашел очки, нацепил их на нос, внимательно осмотрел все внутри... Вдруг он попятился назад. То ли от волнения, то ли от усталости его лоб покрылся испариной.

Фархад удивился.

— В чем дело, Акоп-даи?

Мастер показал на деку и сказал:

— Прочти...

Фархад подошел к роялю и заглянул внутрь. Сбоку крупными буквами было написано: «Сирануш».

— Вы не видели этой надписи? — спросил старик.

— Нет. Чье это имя?

— Моей дочери... — мастер Акоп вытер со лба капли пота и грустно продолжал: — У меня была дочь. Ее звали Сирануш. Этот рояль принадлежал ей. Потом у меня украли и дочь и рояль. В двадцатом году я нашел свою девочку больной, сломленной... Много воды утекло с тех пор! И вот я вижу рояль искалеченным, как тогда Сирануш...

Старик замолчал, затем резко обернулся к хозяевам дома и сердито сдвинул брови.

— Кем вам приходится Бахрам-бек?

На вопрос Фархад ответил вопросом:

— Вы знаете Бахрам-бека?

Акоп-киши все так же зло сказал:

— Я знаю его давно. Говорите, кто он вам!

— Он наш враг!.. — сурово ответил Фархад.

— Он и мой враг... — Акоп-киши закрыл крышку рояля, опустился на стул и, глядя на инструмент глазами, полными грусти, продолжал: — У меня была одна надежда, одно утешение — дочь!.. Бахрам-бек погубил ее.

Ты видишь, монтер исковеркал ваш рояль. Так и Бахрам-бек исковеркал наши сердца...

Глухой хриплый голос мастера Акопа напомнил Фархаду звук сломанного старого рояля, на котором играл Алиафсар. Из его груди тоже вырывались вздохи, говорящие о загубленной жизни.

Старик долго сидел, опустив голову на руки, потом поднялся.

— Куда вы, Акоп-даи? Не уходите... — попросил Фархад. — Расскажите нам историю вашей дочери.

Просьба Фархада смягчила сердце старика.

— О чем тут рассказывать? — махнул он рукой. — Мне уже за восемьдесят. Но то, что я пережил в те два года, иной не перечувствует и за всю жизнь. Мою дочь погубило то проклятое время. А единственную память, которая от нее осталась, сломали вы...

— Да не мы... Это монтер...

— Кто бы ни был...

— Этот монтер и есть сам Бахрам-бек.

— Кто?! — воскликнул старик. Слова Фархада, казалось, ужалили его, как змея.

— Я говорю: этот монтер и есть сам Бахрам-бек.

— Значит, он жив?!

— Оказывается, да.

Фархад вкратце рассказал старому Акопу случай с монтером.

Глаза старика засветились странным блеском. Он тихо сказал:

— Да, я поведаю вам историю моей Сирануш. Только сначала я хочу знать, как Бахрам-бек стал вашим врагом.

Из окна дома напротив доносились звуки тара. У соседей играли на пианино. Из репродукторов на улице лилась оркестровая музыка. Казалось, весь город только и жил одной музыкой.

Выслушав рассказ Фархада, старый Акоп взял дрожащими руками стакан чая, стоящий перед ним, сделал глоток. Посмотрел на хозяев дома, улыбнулся. Выходит, у них один общий враг. Это роднило их.

Рассказывая печальную историю своей дочери, он улыбался слабой, грустной улыбкой. Казалось, на вечно заснеженную вершину горы упали лучи солнца.

IV

В Баку стало трудно жить, и Акоп на время переехал с семьей в Карабах. Их было трое: он, жена и дочь. Год назад двадцатитрехлетняя Сирануш овдовела.

Акоп-киши с трудом зарабатывал на жизнь. По профессии он был настройщиком роялей и пианино. Рояль, который сейчас стоял в доме Фархада, он купил дочери в приданое. Сирануш хорошо играла. Ее муж, умерший через два года после свадьбы от чахотки, тоже был музыкантом. Вернувшись в дом отца, Сирануш перевезла с собой и любимый инструмент. Потеряв дорогого человека, молодая женщина осунулась, поблекла, а рояль по-прежнему оставался все таким же блестящим и новым, словно невеста в день свадьбы.

Баку — большой город. Такой искусный мастер, как Акоп, не сидел там ни дня без работы, и только в последнее время дела его пошатнулись. А в маленьком уездном городке и вовсе делать было нечего, так как здесь редко кто имел инструмент. Что касается немногих владельцев пианино и роялей, они не собирались их настраивать.

В Карабахе все пели. Можно подумать, что прекрасные карабахские горы, долины, бескрайние степи, чистый воздух способствовали развитию дарований.

Музыкальной школы в городе не было. Специального образования никто не получал. Сам народ растил певцов. Тар и кеманча были в каждом доме, как кухонная утварь.

У мастера Акопа были золотые руки. Оценив обстановку, он принялся мастерить тары и кеманчи. Скоро его тары с перламутровой насечкой прославились на весь Карабах. Семья Акопа оставила лачугу, которую снимала первое время, и переехала в хороший дом. У Сирануш появилась отдельная комната. Теперь она обедала за столом, а не сидя на кровати.

Откуда было знать Акопу, что это счастье — начало большого горя? За прекрасными теплыми осенними днями начинается зимняя стужа. В народе говорят: «Не смейся много — плакать будешь».

Рядом стояла обширная усадьба Бахрам-бека. Акоп в то время еще ни разу не видел соседа в лицо, но имя его слышал часто. Говорили, это отчаянный кутила, богач с большими связями, имеющий солидных покрови-

телей, злой, бессердечный человек и к тому же сластолюбец. Ни одной девушке, которая имела несчастье ему пригласиться, не удавалось спастись.

Что ни день, у бека полон дом гостей, пьют, поют, пляшут, — словом, дым коромыслом... Подвыпив, вся компания выходила в сад. Мужчины развлекались как могли: лазили по деревьям, ругались, хохотали по каждому поводу, состязались в борьбе. Их любимое занятие сводилось к следующему. Бросали жребий. Проигравший взбирался на макушку высокой груши и брал в руки ветку. Каждый, кто стоял внизу, стрелял пятью зарядами, стараясь попасть в листочки на конце ветки. Надо отдать справедливость, беки, с детства приученные к охоте, были отличными стрелками и могли попасть в глаз воробью. Никому и в голову не приходило, что у пьяного человека может дрогнуть рука и пуля пролетит чуть ниже. Словом, игра в любой момент могла кончиться трагически.

Однажды Бахрам-беку не повезло. Ему выпал жребий лезть на дерево. Под хохот гостей, с помощью слуг, он начал карабкаться по стволу груши. В это время к окну случайно подошла Сирануш. Тогда-то коршун и увидел птичку!..

Красота Сирануш поразила Бахрам-бека. И опасная игра, и гости были мигом забыты. Сердце бека загорелось страстью к молоденькой армянке.

Бахрам-бек не блистал умом. Но когда дело касалось прекрасного пола, голова его работала неплохо. Он не любил откладывать на завтра то, что можно было сделать сегодня.

В тот же день с участием Раджаб-бека был разработан военный план. Началось развернутое наступление.

Конечно, ни Акоп, ни его дочь ничего и не подозревали.

Под вечер Сирануш вышла в сад и стала помогать отцу, который строгал доски, предназначенные для музыкальных инструментов.

Вдруг во двор вошел высокий молодой парень. Приглядевшись, Акоп узнал его. Они часто встречались на базаре и на улице. Парня звали Алиафсар. Официально он работал у бека конюхом, однако его деятельность выходила за рамки этой должности.

У Алиафсара был небольшой голос, он неплохо пел и поэтому всегда принимал участие в кутежах бека, помо-

гал господам устраивать веселье, развлекал их. Ему хорошо удавались комические танцы. Он копировал манеры, жесты, походку знакомых бека, приводя тем самым в восторг подвыпившую компанию. Алиафсар был единственным из слуг, кому бек доверял свои амурные дела. Только ему разрешалось катать в фэзтоне молодую жену Бахрам-бека. Когда ханум отправлялась в баню, ее узелок вез опять-таки Алиафсар.

Короче говоря, в доме Бахрам-бека Алиафсар был «никем» и «всем».

Поздоровавшись с Акопом и бросая взгляды на Сирануш, Алиафсар сказал, что Бахрам-бек срочно просит мастера пожаловать к нему, чтобы починить рояль.

Акоп пошел, осмотрел инструмент. Он был весь изъеден червями.

Старый мастер сокрушенно покачал головой.

— Скажите, бек, если у вас в доме никто не играет на рояле, зачем же его купили? И потом... Как вы довели инструмент до такого состояния?

Бахрам-бек был пьян и едва держался на ногах.

— А что? — удивился он и приказал Алиафсару, который стоял рядом, скрестив на груди руки: — Ну-ка громыхни!

Алиафсар сел за рояль и заиграл «сегах», подпевая себе громким голосом. Глядя на эту сумасшедшую игру, Акоп понял, почему рояль пришел в негодное состояние. Он сказал хозяину, что подыщет нужные материалы и через несколько дней приступит к ремонту.

На следующий день Акоп встретил Бахрам-бека на базаре. Тот прошел мимо, ничего не сказав. Однако, вернувшись домой, старик узнал от Сирануш, что бек час назад заходил и спрашивал его.

Вся эта история показалась Акопу весьма подозрительной. С какой стати беку так срочно понадобился старый, заброшенный, никому не нужный рояль?

Наутро повторилось то же самое: Бахрам-бек опять зашел к соседям, когда мастера не было дома. Старый Акоп забеспокоился. Сегодня он тоже столкнулся на базаре с Бахрам-беком носом к носу, и опять тот ничего ему не сказал. Акоп догадался, что бека интересует не он, а его дочь.

Жена Акопа тоже потеряла покой. И было от чего. Сирануш, их единственной радости и утешению, угрожа-

ла опасность: его интересовался такой волк, как Бахрам-бек.

Потянулись дни, полные тревог и волнений. Атаки бека не прекращались. В конце концов он начал почти ежедневно и без всякого предлога заходить в дом старого мастера.

Акоп был гостеприимным, радушным хозяином. Он в жизни не сказал никому грубого слова. Как мог такой человек выгнать из своего дома Бахрам-бека?

Да и время было тревожное, беспокойное. Силясь подавить растущее революционное движение, богачи нарочно разжигали в народе национальную вражду. Одно неосторожное слово Акопа могло послужить поводом для того, чтобы Бахрам-бек уничтожил всю его семью. Оставалось одно: уехать из города. Акоп хорошо знал, насколько элегантная внешность Бахрам-бека не соответствует его мерзкой и грязной душе.

Но зима в этот раз выдалась лютая, снежная. Дороги утопали в сугробах. Какие-то два крестьянина, купившие у Акопа тар, рассказывали, что в окрестностях много волков, которые нападают на людей. До наступления весны нечего было и думать о переезде в Баку.

К счастью, в это время Бахрам-бека мобилизовали. Он стал реже наведываться в дом старого мастера. Мусаватистское правительство было не в состоянии сохранить армию, таявшую с каждым днем ввиду массового дезертирства. Солдаты убегали в горы. Для ловли дезертиров привлекались «благонадежные» люди города.

Приняв решение при первой возможности вернуться в Баку, Акоп сразу же начал улаживать свои дела.

В городе остро ощущалась нехватка топлива. Дрова на базаре продавались поштучно. На деньги, вырученные от продажи одного тара можно было купить только небольшую вязанку.

И тут на помощь семье Акопа пришел их сосед Джумшуд. Он жил с матерью в ветхой хибарке, работал чернорабочим на кирпичном заводе на окраине города. Это был честный, храбрый, добрый парень, пользующийся большим уважением среди бедняков, особенно у молодежи. Не проходило дня, чтобы Джумшуд не приносил соседям немного дров.

Да, если бы не Джумшуд, семья Акопа погибла бы в ту холодную морозную зиму.

Джумшуд еще осенью купил у Акопа тар. В свободное время он бренчал на ней, учился играть. Сирануш почему-то проявляла большой интерес к его игре. Лунными ночами молодые люди подолгу переговаривались из окон, затем начали встречаться у плетеной изгороди, которая разделяла их дворы. Была ли это взаимная симпатия или начало большого чувства, — Акоп не знал. Но видел — Сирануш в последнее время сильно изменилась.

По городу разнесся слух, будто крестьяне деревни Сабатлы взбунтовались и обстреляли Бахрам-бека и его друга Раджаба. Некоторые утверждали, что в Сабатлы укрывается много дезертиров, во главе которых стоял крестьянин по имени Исмаил-киши, связанный с русскими большевиками. Бахрам-бек собственноручно застрелил его и так далее, и тому подобное...

Вернувшись в город, Бахрам-бек взял с собой большой вооруженный отряд и двинулся походом на «бунтарское село».

А еще через день стало известно, что деревня Сабатлы полыхает в огне. Дело так раздули, что об этом узнали в Баку. Мусаватистское правительство специальной телеграммой поздравило беков, «подавивших восстание в Карабахе».

Снова у Бахрам-бека начались кутежи, пирушки, пьянство. Каждый день... Без остановок, без передышки...

Однажды к Акопу пришел Алиафсар и официально пригласил Сирануш в дом Бахрам-бека. Молодая женщина ответила отказом. Тогда появился Раджаб и от имени Бахрам-бека повторил приглашение. Сирануш не согласилась и на этот раз. Наконец пожаловал сам бек и начал уговаривать Сирануш осчастливить его дом своим приходом. Он сказал, что приглашает всю их семью и лично готов сопровождать «дорогих гостей». Видя, что уговоры не помогают, Бахрам-бек прибегнул к угрозам. Сирануш заперлась в своей комнате. С матерью случился сердечный приступ.

Акоп-киши в отчаянии принялся умолять Бахрам-бека:

— Помилуй, бек! Пожалей нас ради твоих детей. Пощади!.. Мы бедные люди. Сирануш — наша единственная дочь, она несчастна и больна!..

Казалось, мольбы старика разжалобили Бахрам-бека.

— Акоп-киши, какое мне дело до твоей дочери? — сказал он мягко. — Если твоя дочь больна — пусть остается дома. Но ты с супругой непременно должен пойти ко мне в гости. Посажу тебя на самое почетное место. Пусть лопнут сердца дашнаков!..¹ Живо вставай, пошли.

Видя, что дочь не трогают, Акоп успокоился. Чтобы не обострять отношений, они с женой решили принять приглашение бека.

В особняке было много народу. Стол ломился от яств. Каждый ел и пил, что хотел. Видимо, пирушка началась давно и сейчас разыгрывалось последнее действие комедии.

Акоп с женой сели за стол, однако ни к чему не пригнулись. На сердце у них было беспокойно. Кусок не лез в горло. Правда, на них никто не обращал внимания.

У двери играли музыканты. Какой-то плешистый мужчина пел «раст». Но в компании, кажется, не было поклонников «раста». Певца никто не слушал.

Акоп заметил, что тар с перламутровой насечкой, на котором играл молодой музыкант, был его работы.

Бахрам-бека и его близких друзей среди пирующих не было. Хозяина заменял Алиафсар. Он часто выбегал в соседнюю комнату, дверь которой была приоткрыта, шептался с молодой женой бека, после чего та принималась громко хохотать.

Посидев немного, Акоп с женой стали прощаться. Их никто не задерживал.

Придя домой, бедные старики поняли, что Бахрам-бек подстроил им ловушку.

Ворота дома, двери были настежь распахнуты.

— Сирануш!.. Сирануш!.. — закричал Акоп.

В комнате дочери все было перевернуто вверх дном. Видимо, здесь шла борьба не на жизнь, а на смерть. Сирануш нигде не было.

Молодую женщину похитили.

¹ Дашнаки — представители армянской буржуазно-националистической партии, проповедовавшие, как и азербайджанские мусависты, национальную рознь между армянами и азербайджанцами.

Прошла неделя. Ни о Сирануш, ни о Бахрам-беке не было никаких известий. Куда только Акоп ни обращался, кого только ни спрашивал! Никто не мог сказать ничего определенного.

На десятый день несчастная мать скончалась от разрыва сердца. Бедняки квартала помогли ее похоронить. Сердце Акопа превратилось в сплошную рану. У жены была хоть могила. Старик мог пойти туда, поплакать. А Сирануш?.. Он не знал, жива она, умерла ли... Акоп надеялся, что смерть жены смягчит сердца похитителей. Но этого не случилось. Горе сломило старика.

По городу разнесся слух, что младшая жена Бахрам-бека сбежала с Алиафсаром.

Это событие заставило бека покинуть гнездо, в котором он скрывался. Сирануш, пирушки, пьянство — все было забыто. Дело касалось его чести. Жена сбежала с каким-то проходимцем!.. Позор на весь город!

Друзья Бахрам-бека сбились с ног, разыскивая беглецов. Узнав о возвращении Бахрам-бека, Акоп пришел к нему. Но бек даже не вышел к старику и велел убираться, передав через слугу следующее: «Я ничего не знаю о его дочери. С меня достаточно моего горя».

Что оставалось делать бедному отцу? Где искать дочь? Как ответить на страшное оскорбление? Есть ли такое правительство, такая власть, которым он мог бы пожаловаться? Кто поможет несчастным, обездоленным? Кто накажет насильников?

Целыми днями, а иногда даже по ночам, Акоп бродил по улицам. В сердце теплилась надежда услышать голос дочери, хотя бы ее крик или стон. Он останавливался у каждого дома, прислушивался. В голове роились мрачные мысли. Может, Сирануш уже нет в живых? Может, она тяжело больна? Знает ли несчастная о смерти матери? Где она?

Однажды ночью кто-то подошел к Акопу на улице и прошептал:

— Твоя дочь у Рябого Раджаба.

— Кто такой Рябой Раджаб?

Акоп не знал, что Раджаб-бека в народе прозвали Рябым.

— Это бек,— ответил незнакомец.— Один из самых богатейших в городе.

— А где его дом?

— Его дом похож на крепость. Ты не проникнешь туда. Мы тебе поможем...

Темнота мешала Акопу разглядеть лицо неизвестного друга. А вдруг это западня? В сердце старика закралось сомнение.

Видя, что Акоп не отвечает, незнакомец продолжал:

— Не бойся. Мы твои друзья. Мы — друзья всех бедных и обездоленных.— Незнакомец еще более понизил голос: — Соберись в два дня и на арбе выезжай из города. Послезавтра на закате жди нас у развилки дороги под большой чинарой. Мы выкрадем Сирануш. Но в этом городе вам оставаться опасно.

Незнакомец исчез.

Акоп до самого утра не сомкнул глаз. Он не знал, верить ли словам этого человека? Наконец старик решил поступить так, как ему сказали. Что он теряет?

Акоп за бесценок продал все свое имущество, простился с могилой жены, нанял арбу и в назначенное время выехал из города. Он остановился на развилке дороги возле старой чинары и принялся ждать.

Смеркалось. На землю опустилась серая пелена. Вершины снежных гор дремали, укутавшись в голубую дымку.

Ждать пришлось долго. Наконец вдаль на дороге появились два всадника. Немного погодя Акоп заметил, что на одном из коней сидят двое. Старик соскочил с арбы и побежал навстречу.

Два всадника спешили и стали помогать спуститься на землю третьему, закутанному в бурку. Это была Сирануш.

Отец и дочь обнялись. Акоп смеялся, Сирануш плакала.

Один из всадников подошел к ним и тихо сказал:

— Ну, старик, вот твоя дочь. Езжайте скорее! Только не по шоссе, а горными дорогами. Беки могут выслать погоню.

И тут Акоп узнал этого человека. Он нашел в темноте его руку, пожал.

— Большое спасибо. Я был мертв. Ты воскресил меня.

— Я тоже умирал вместе с тобой, Акоп-дан. Нас обоих вернула к жизни Сирануш. Храбрая девушка, не сдавалась! Она сражалась до тех пор, пока я не подросел на помощь.— Парень повернулся к девушке: — До свидания, Сирануш. Пора расставаться. Здесь опасно...

Сирануш тихим, дрожащим голосом спросила отца:

— Куда мы едем?

— В Баку, доченька.

Девушка прошептала:

— Я буду ждать тебя в Баку, Джумшуд.

Они расстались.

И больше никогда не увиделись.

Боевая дружина Джумшуда росла. К ней примыкала революционная молодежь Карабаха. Им пришлось выдержать натиск регулярной армии мусаватистского правительства. Многие погибли. Джумшуд получил три ранения и умер в шшинской тюрьме.

Акоп расстелил на дне арбы матрац и уложил дочь. Лицо и руки Сирануш были в синяках.

Рассвет застал их в дороге. Днем они отдыхали, а ночью опять двинулись в путь.

Через три дня беглецы добрались до станции Евлах. На одной из улочек их нагнал фэзтон с опущенным верхом, запряженный парой красивых караковых трехлеток. Кто был внутри — Акоп не разглядел. Правил же лошадьми Алиафсар.

Когда фэзтон поравнялся с арбой, Алиафсар остановил лошадей, наклонился к Акопу и сказал:

— Молодец, старик! Желаю удачи! Жену бека увел я, Сирануш — ты. Осталась у него столетняя ведьма. Говорят, он собрал большой отряд и разыскивает нас. Берегись! Прощайте!..

Отец и дочь благополучно добрались до Баку.

После кончины матери единственным утешением Сирануш был рояль. Часто отец просил ее сыграть «Крунк»¹. Это была самая любимая мелодия Акопа. Когда тонкие пальцы Сирануш бегали по белым клави-

¹ Крунк — армянская народная песня.

шам, Акоп мысленно переносился в другой, счастливый мир. Сирануш играла эту мелодию с большим чувством. Кто знает, может, в эти минуты она вспоминала далекие карабахские горы и храброго Джумшуда?

Так прошло недели две. И вдруг у них на пути опять встал Бахрам-бек. Акопа, который сильно мешал беку, посадили. Отрезанный от всего мира, разлученный с дочерью, старик медленно умирал в тюрьме. И он умер бы, если бы в Азербайджане не свершилась революция. Акопа освободили из тюрьмы. Шел тысяча девятьсот двадцатый год.

Несчастный отец целыми днями искал свою дочь. Месяца через два ему показали дом Бахрам-бека. Здесь-то Акоп и нашел Сирануш, умирающую от чахотки. Бахрам-бек бросил больную на произвол судьбы, а сам скрылся. Рояля не было, продал его Бахрам-бек или увез с собой, — никто не знал.

Сирануш протянула недолго. Она умерла в холодный ветреный день.

Старый Акоп смотрел на Лейлу-ханум, сидящую за роялем, и ему казалось, что перед ним его дочь.

▼

С улицы в комнату врывается веселая музыка. Внизу под окном, оживленно разговаривая и смеясь, проходила группа молодых людей.

Печальная история, которую рассказывал старый мастер, прерывалась доносящимся с улицы веселым шумом. Акоп походил на человека, сидящего в музее и перелистывающего страницы далекого прошлого.

Наступил вечер. Воспоминания перемешались с разговорам о настоящем. В окнах напротив загорелся свет.

Акоп-киши поднялся, начал прощаться.

— Я познакомился с вами и будто снова обрел семью, которую когда-то потерял... Сейчас мне заказали сделать тар и кеманчу для павильона Азербайджана на Сельскохозяйственной выставке в Москве. Работа срочная, но я найду время и почию ваш рояль.

— Он не наш, это ваш рояль, — ответил Фархад. — После ремонта мы подарим его вам. Ведь он вам дорог, как память о Сирануш.

— Нет! — решительно возразил Акоп. — Я только сегодня увидел Лейлу-ханум, но уже люблю ее, как родную дочь. Она и лицом похожа на Сирануш. Позвольте мне иногда навещать вас. Она сыграет, я послушаю, вспомню прошлое. Для меня достаточно и этого. Да в моей комнате он и не поместится...

Они простились, как старые друзья, как близкие родственники.

Фархад был членом жюри конкурса молодых исполнителей филармонии.

Сегодня он вышел из дому очень рано. Проходя мимо кирпичного двухэтажного здания, Фархад остановился. Кто-то играл на скрипке «Осень» из «Времен года» Чайковского. Он некоторое время слушал, потом опять задумчиво двинулся своей дорогой, находясь под впечатлением прекрасной музыки.

Осень... Конец... Как печально рассказывала мелодия о конце человеческой жизни!

Фархад вспомнил слова древнего восточного поэта: «Надо жить так, чтоб, умирая, ты смеялся, вспоминая красиво прожитую жизнь, а хоронили тебя со слезами».

Вдруг на дороге показалась маленькая похоронная процессия. Никто не плакал. Люди шли, переговаривались. Некоторые даже улыбались.

Фархад пригляделся и увидел среди провожающих Алиафсара. Тот тоже заметил его, подошел и, хитро сверкнув глазами, зашептал:

— Есть редкое пианино... Коричневый цвет... Манташев в свое время выписал для себя из Парижа... Может, купишь?

Фархад сказал, что не собирается покупать пианино.

— Кого хоронят? — спросил он.

Алиафсар вскинул вверх свои странные брови, пытаясь придать лицу печальное выражение, и вздохнул.

— Бахрам-бека... Вчера бедняга покинул этот бренный мир. Да... В последнее время он часто навещался ко мне. На задних лапках ходил. Как меняются роли! Жизнь похожа на театр!

Фархад не стал слушать Алиафсара и свернул за угол.

«Удивительная судьба! — подумал он. — Родился человеком, жил, как волк, а умер, как собака».

Конкурс молодых исполнителей проходил с большим успехом. На сцену один за другим поднимались юные музыканты. Они играли на рояле, скрипке, арфе, кларнете, флейте, таре, кеманче, обыкновенной пастушьей дудке. Исполнялись произведения известных композиторов.

Фархад слушал и думал: «Какое счастье быть композитором!»

Через несколько дней мастер Акоп приступил к ремонту рояля. Он трудился целый день.

Когда работа была закончена, старик обернулся к хозяевам дома и сказал:

— Ну, скажите теперь, в каком месте он был сломан?

Действительно, инструмент ремонтировали искусные руки. Отыскать поврежденное место было невозможно.

Все трое долго молча сидели у рояля. Наконец Акоп очнулся от глубоких дум и попросил Лейлу:

— Доченька, сыграй для меня «крунк».

Лейла открыла крышку рояля, и комната наполнилась грустной мелодией. Под искусными пальцами Лейлы эта печальная музыка постепенно превратилась в торжественную мелодию «чахаргях»¹.

Музыка из минора переходила в мажор, и душевное состояние слушателей менялось.

Лейла кончила играть. Однако все трое еще долго слышали эту музыку, потому что она звучала в их сердцах.

1956

САБИТ РАХМАН (Биографическая справка)

Сабит Рахман (Махмудов Сабит Рахман Керим-оглы), талантливый азербайджанский комедиограф и прозаик, родился в 1910 году в городе Нухе.

В 1923 году семья Махмудовых переехала из Нухи в Баку, где Сабит в 1924 году поступает в Бакинскую учительскую семинарию. После окончания семинарии он три года учителем в Нухе, а в 1929 году становится студентом факультета языка и литературы Азербайджанского государственного университета.

По возвращении в родной город Сабит Рахман некоторое время работает литературным сотрудником в газете, выпускаемой МТС. Он часто бывает в колхозах, которые тогда еще только создавались в Азербайджане, изучает жизнь маленького провинциального городка.

В 1934 году Сабит Рахман приезжает в Баку для участия в Первом съезде азербайджанских писателей. Вся дальнейшая его деятельность неразрывно связана с литературой и театром. Он работает заведующим литературной частью государственного драматического театра им. Азизбекова, заведующим сценарным отделом Бакинской киностудии, ведает театральным отделом Управления по делам искусств при Совете Министров Азербайджанской ССР и т. д.

Писать Сабит Рахман начал очень рано. В 1926 году в популярном азербайджанском сатирическом журнале «Молла Насреддин» появились два фельетона шестнадцатилетнего Сабита Рахмана. Через год было напечатано первое его стихотворение, и молодой литератор целиком отдается поэзии. Однако увлечение Сабита Рахмана стихами продолжается недолго. «Из всех моих творений,— писал он позже,— наибольшего внимания удостаивались фельетоны. Это меня злило и удручало. Я хотел, чтобы меня признали знаменитым

¹ Ч а х а р г я х — классическая азербайджанская мелодия.

поэтом. Но со временем я сам стал чувствовать, что я не поэт, да и друзья мои, поэты и писатели, откровенно мне об этом говорили».

В 1932 году вышел первый сборник рассказов Сабита Рахмана «Разложившийся», в следующем году еще две книги рассказов — «Соловей» и «Вероломный».

В 1936 году Сабит Рахман совместно с режиссером Адилем Искендеровым написал первую пьесу «Партизан Мамед», и с этого времени драматургия становится одним из излюбленных его жанров.

Комедия Сабита Рахмана «Свадьба», написанная в 1937 году и поставленная на сцене Азербайджанского государственного драматического театра, надолго вошла в его репертуар. Вслед за «Свадьбой» Сабит Рахман написал комедию «Счастливы», также получившую широкую популярность в республике.

В послевоенные годы Сабит Рахман пишет комедию «Айдынлык», либретто музыкальной комедии «Улдуз», пьесу «Невеста», сценарий «Кер-оглы» и многие другие драматические произведения.

Отдавая много сил драматургии, писатель продолжает работать и как прозаик. В 1951 году вышла первая часть его романа «Великие дни», в 1954 году — роман «Нина», рассказывающий о деятельности подпольной типографии, созданной известным революционером Ладом Кецховели.

Наибольшей популярностью у читателя пользуются рассказы и комедии Сабита Рахмана, в которых раскрывается его талант юмориста и сатирика.

Зорким глазом художника внимательно наблюдая жизнь, тонко подмечая все характерное, значительное в ней и отражая это в своих произведениях, он оружием смеха, обличительным словом борется с недостатками, имеющимися еще в нашей жизни.

Сабит Рахман пишет не только сатирическими красками. Когда он говорит о людях, которых любит, которым сочувствует, в его рассказах появляется мягкий юмор, а подчас и тонкий лиризм, придающий особое звучание произведениям Сабита Рахмана.

Юморист и сатирик, продолжатель традиций Джазила Мамед-Кули-заде и А. Ахвердова в азербайджанской советской литературе, Сабит Рахман много работает и как переводчик. В его переводах азербайджанские читатели и зрители познакомились с комедиями Шекспира, Гольдони, Мольера, Гоголя.

Известный писатель, активный деятель азербайджанского театра, Сабит Рахман удостоен звания заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Соловей	5
Плата за дыхание	18
О бане	26
Мирза Калантар	32
Тайные выборы	40
Мои знакомые	47
Родня	54
Сырое мясо	63
Джейран	67
Отец шестерых дочерей	71

ПОВЕСТИ

Вероломный	79
Рассказ о музыке	130
Сабит Рахман (Биографическая справка)	169

САБИТ РАХМАН
(*Махмудов Сабит Рахман*
Керим-Оглы)

СОЛОВЕЙ

Редактор *Т. Калякина*
Худож. редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *Г. Каунина*
Корректор *В. Элькин*

Сдано в набор 5/IV 1961 г.
Подписано к печати 26/VII 1961 г.
Бумага 84×108¹/₃₂. 5,37 печ. л. 8,82 усл.
печ. л. 8,50. уч.-изд. л. Тираж 60 000.
Заказ № 247. Цена 41 коп.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Полиграфкомбинат им. Якуба Коласа
Главиздата Министерства культуры БССР,
Минск, Красная, 23.

41 коп.

2
101015

ГОСЛИТИЗДАТ • 1961

